

Проф. В.И.ЛЫТКИН

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА
КОМИ ЯЗЫКА**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ВВЕДЕНИЕ
ФОНЕТИКА**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Сыктывкар 1957

Проф. В. И. ЛЫТКИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА КОМИ ЯЗЫКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ. ФОНЕТИКА

*УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ*

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Сыктывкар 1957

І. ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ КОМИ ЯЗЫКА*.

§ 1. Язык — общественное явление, следовательно, он является исторической категорией, категорией, изменяющейся во времени. Изменения в языке редко подмечаются самими говорящими. Однако установить изменения в языке не представляет большой трудности, для этого достаточно сравнить язык одного периода с этим же языком другого периода, например, язык древнепермских письмен, в которых представлена коми речь нижней Вычегды XIV—XV веков, с языком современной нижней Вычегды.

Возьмём отрывок из древнепермской надписи на иконе „Сошествия св. духа“:

сэс' кэжтѳмас' вэлтыдаланинис' буа кылы, кучѳмкѳ нол-лѳм с'ыл пѳлтѳс, и тыртис бѳдѳн картаѳс; в современном нижневычегодском говоре этот отрывок звучит так: *сэс'с'а н'эмвич'ч'ис'тѳг н'эбэсас'ан' шум кыліс, быт'тѳ муныс' тѳв-нырлѳн лолалѳм (лов), и тыртис став кэркасѳ*; в русском переводе это обозначает: затем внезапно с неба послышался шум, как носимое бурное дыхание (дух), и наполнил весь дом.

В этом отрывке мы видим ряд слов, которые звучат почти так же, как и в современном языке, и имеют то же значение: *тыртис* „наполнил“, *кытѳн* „где“, *и* „и“. Однако многие слова этого отрывка отличаются от слов современного языка или по своему значению, или по грамматической форме, или по звуковому виду, а некоторые слова отрывка теперь совсем не употребляются.

Приведём примеры.

Следующие слова теперь употребляются в другом значении:

* См. объяснение условных обозначений в конце книги.

древнепермск. *кучо́мкѡ* (в современной орфографии *ку-тшѡ́мкѡ*) употреблено в значении „как, как будто“, теперь это слово обозначает „какой-то“;

в древнепермском языке слово *карта* обозначало „дом“, в современном языке оно имеет значение „хлев“; в старом значении это слово употребляется лишь в отдельных выражениях некоторых диалектов, например: ижемск. *картаэ пырны*, лузск. *картаѡ мунны* „войти в дом, в хозяйство жены“;

древнепермское *бѡдѡн* в современном языке имеется в виде *быдѡн*, но не употребляется в том значении, в каком он употреблѣн в приведѣнном отрывке: в значении „весь“ в выражении „весь дом“ в коми-зырянском языке употребляется русское заимствование *став*, которому в коми-пермяцком литературном языке соответствует *быдѡс*.

Древнепермские слова *кѣжтѡмас'* „внезапно“, *вѣлтыдаланин* „небо“, *с'ыл* „буря“, *пѡлтѡс* „дух“ вышли из употребления, хотя и корни их сохранились в словах современного языка: временной послелог *кеж-*(*кык лун кежѡ* „на два дня“), безусловно, имеет тот же корень, какой содержит слово *кѣж-тѡмас'*; древнепермск. *вѣлтыдаланин* „небо“ и сысольск. *вѣлдор* „верх“ содержат общий корень *ивѣл*; древнепермск. *пѡлтѡс* „дух“ содержит тот же корень, какой имеется в словах *пывсян* „баня“, *пывсяны* „париться“ (коми-язьвинск. *пѡлс'ан*, *пѡлс'ини*); слово *с'ыл* „буря, бурный“ сохранилось в отдельных диалектах, например: нижневычегодск. *с'ив*, верхневымск. *с'ыы ѡ с'ыл-* „буря, сильный ветер“, лузско-летск. *с'ыла*, „валѣжник, бурелом“ и др.

Произошли изменения и в грамматике; например, в форме 3 лица ед. числа глагола *кылы* „послышался“ (как и в ряде других непереходных глаголов — *пышйи* „он побежал“, *лѡлз'и* „он воскрес“ и т. д.) отсутствовал звук *с* (в современном коми языке: *кылис*, *пышйис*, *ловзис*).

В древнепермском языке существовали особые гласные фонемы: закрытое *э* (*кѣжтѡмас'*, *вѣлтыдаланин*) и закрытое *ѡ* (*пѡлтѡс*). Эти особые звуки не сохранились ни в литературном языке, ни нижневычегодском говоре.

Путѣм такого сравнения мы обнаруживаем значительное различие между коми языком этих двух эпох, разделѣнных друг от друга 5—6 столетиями. Это различие мы видим во всех его составных частях: в словаре, грамматике и звуках. Различие между языком двух эпох получилось вследствие того, что коми язык за этот период изменился, развиваясь и усовершенствуясь по своим внутренним законам. Из сказанного явствует, что коми язык, как и всякий другой язык, изменчив: он изменяется, совершенствуется как в целом, так и в составных частях — в звуках, формах слов, словарном составе и т. д. Эти изменения и составляют содержание процесса развития

языка. Если бы язык был стабильным, а не изменялся во времени, то не было бы и проблемы развития языка, освещением которой занимается историческая грамматика.

§ 2. Чтобы иметь более или менее ясное представление о развитии языка, необходимо выяснить следующие вопросы: что составляет основу развития языка, что такое внутренние законы развития языка и каков характер развития языка.

Что составляет основу развития языка? Иными словами, чем обусловлено развитие языка? Развитие языка обусловлено развитием общества. Общество постепенно развивается. Язык, обслуживающий общество как средство общения, не может не развиваться; если бы он не развивался, то не мог бы служить полноценным орудием общения на следующей стадии развития общества; например, древнепермский язык в том самом виде, в каком он существовал пятьсот лет тому назад, не мог бы обслуживать современное социалистическое общество. Поэтому нельзя изучать историю языка, не зная истории общества, истории народа, говорящего на данном языке. Мы знаем, что вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка. Это однако не значит, что развитие языка нужно рассматривать как простое отображение развития общества.

Зависимость развития языка от развития общества бесспорна, поскольку развитие языка обусловлено развитием общества. Вопрос лишь в том, каков характер этой зависимости. Изменяется ли язык как надстройка или в развитии языка наблюдаются иные закономерности? Нам известно, что язык изменяется не как надстройка. Язык не относится ни к категории базиса, ни к категории надстройки, язык — это специфическое общественное явление, которое развивается по своим внутренним законам развития, и главной задачей языкознания является изучение этих внутренних законов развития языка.

Что нужно понимать под внутренними законами развития языка?

Под внутренними законами развития языка понимается совокупность всех закономерностей того или иного языка, по которым происходит изменение грамматического строя, звуковой системы, словарного состава и значения слов этого языка.

Внутренние законы развития могут быть общими и частными. Частные внутренние законы развития касаются отдельных языков, а общие — охватывают процессы развития, если не всех, то во всяком случае многих языков. Примером на общие законы развития языка может служить неравномерность

развития отдельных частей языка — грамматика изменяется медленно, словарь — быстрее, но и в самом словаре основной словарный фонд изменяется медленнее, чем словарный состав. Эта закономерность касается всех языков.

Каждому языку, кроме общих законов развития языка, свойственны частные законы. Так например, в русском языке некогда существовавшая форма звательного падежа исчезла, исчезло двойственное число, древнерусские мягкие *ць, жь, шь* отвердели и т. д.; в коми языке конечное *-м* в форме глагола 1-го лица ед. ч. отпало, подчиняясь законам конца слов (из *кылам* получилось *кыла* „слышу“, из *корам* — *кора* „зову“); старые полные формы глагола мн. ч. перешли в краткие (из *кутамным* получилось *кутам* „возьмём, примем, станем“, из *бурс'иамным* — *бурс'иам* „благословим“); закрытые гласные фонемы исчезли и т. д. Словом, в коми языке произошли совершенно иные изменения, чем в русском языке; в этих языках имели действие разные внутренние законы развития.

Чем вызваны изменения языка? Прямой причины этих изменений невозможно указать. Во всяком случае нельзя объяснить ни развитием торговли, ни перемещением центра политической жизни, ни деятельностью какого-нибудь князя или воеводы. Вообще, мы не правомержны искать прямую причинную связь между общественно-экономическими явлениями жизни и вышеприведёнными морфологическими и фонетическими изменениями. Энгельс определённо говорил об этой независимости звуковых изменений языка: „Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным,... объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных“*.

Каков характер развития языка? Современный коми язык представляет собой, безусловно, новое качество по сравнению с древнекоми языком. Возникает вопрос, как происходит в языке переход от старого качества к новому, образование качественно нового языка из старого? Н. Я. Марр считал язык надстройкой и объяснял появление нового качества в языке внезапными взрывами, вызываемыми изменениями в самом базисе. Между тем дело обстоит совсем не так.

Марксизм не признаёт внезапных взрывов в развитии языка: переход языка от старого качества к новому происходит путём постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества.

§ 3. Предметом исторической грамматики коми языка является изучение внутренних законов развития этого языка, выяснение вопросов развития фонетической системы, грамма-

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 11, 1948, стр. 468.

тического строя и лексического состава его с древнейших времён до наших дней.

Подлинно научное изучение современного языка невозможно без исторического понимания строя его. Поэтому неслучайно классики марксизма-ленинизма отмечали важность исторического подхода к общественным явлениям вообще и, в частности, к языку. В. И. Ленин считал основным правилом подхода к общественным явлениям „...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь“*.

На важность исторического изучения языка и на источники исторической грамматики указывал ещё Энгельс: «„Материя и форма родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»**.

Без знания истории языка не будут понятными многие явления современного коми языка. Например, в определённых словах коми языка при склонении появляются так называемые вставочные звуки: *син* „глаз“, *синмысь* „из глаза“, *кос* „поясница“, *коскын* „в пояснице“ и т. д.; в других словах этих вставочных звуков мы не наблюдаем: *тшын* „дым“, *тшынысь* „из дыма, от дыма“, *вөр* „лес“, *вёрын* „в лесу“, *пас* „знак, метка“, *пасён* „знаком, пометкой“ и т. д. Историческая грамматика появление вставочных звуков объясняет следующим образом: в тех словах, где появляются вставочные звуки, мы видим остаток прежней основы, в состав которой входили эти вставочные согласные звуки; впоследствии — в связи с отпадением конечных гласных — они исчезли, произошёл такой процесс: **синмõ* → **синм* → *син*; в ряде финноугорских языков рассматриваемые нами звуки сохранились в составе основы, например: коми *син*, мордовск. *сельме*, финск. *silmä* „глаз“; коми *кос* „поясница“, финск. *keski*, саамск. *гаска*.

В коми языке немало таких явлений, которые требуют исторического объяснения. Осмысленное изучение норм современного коми языка вообще невозможно без исторического освещения. Историческая грамматика даёт ключ к сознательному отношению к языковым процессам современности.

§ 4. С какими другими дисциплинами имеет соприкосновение история языка? Мы говорили, что языковые изменения

* В. И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 4-е, стр. 436.

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, 1931, стр. 327.

в конечном счёте зависят от изменений, происходящих в самом обществе, которое является носителем данного языка. Следовательно, для объяснения причин изменения языка необходимо знать историю народа, в данном случае историю коми народа. Таким образом, история коми языка соприкасается с историей коми народа. Не зная истории коми народа и истории нашей страны (СССР) в целом, мы не могли бы объяснить, например, каким образом попали в коми язык слова из иранских языков, из чувашского языка, из вепсского и т. д.; не могли бы понять, почему удмуртский язык очень близок коми языку, почему в коми и венгерском языках имеются общие черты и т. д. На эти вопросы история языка не может дать удовлетворительного ответа, если не прибегнет к помощи истории народов СССР.

Изучением первобытной истории народа занимается главным образом археология (история материальной культуры) и этнография (история первобытной духовной культуры), поэтому история языка имеет связь и с этими дисциплинами.

Всем известно, что литература — как художественная, так и публицистическая — оказывает большое влияние на язык. Через литературу проникают в язык народных масс новые слова, новые формы и обороты речи, многие из них становятся общенародными, оказывают влияние на местные диалекты и т. д. Поэтому без знания истории коми литературы, коми письменности были бы непонятными многие явления коми языка, в особенности, явления в области исторической лексикологии. Следовательно, история коми языка соприкасается также с научной историей коми литературы.

Само собой разумеется, что историческая грамматика коми языка имеет непосредственную связь с другими языковедческими дисциплинами (или вернее, опирается на них): с общим языкознанием, наукой о современном коми языке, коми диалектологией и т. п.

§ 5. История языка делится на историческую грамматику и историю литературного языка. Историческая грамматика занимается изучением изменений, происшедших в живом разговорном коми языке в совокупности со всеми диалектами. Историческую грамматику интересует письменная форма языка постольку, поскольку в ней отражаются факты живой речи. История литературного языка изучает литературную речь как таковую с её орфографией, графикой и языковой нормой.

Историческую грамматику мы делим на следующие четыре раздела: введение, историческую фонетику, историческую грамматику (морфологию и синтаксис) — в узком смысле этого слова и историческую лексикологию.

В введении мы даём общие сведения о коми языке, о родственных отношениях его к другим финноугорским языкам,

о диалектах коми языка, о памятниках письменности и о других источниках истории коми языка, а также сведения, необходимые для изложения курса собственно исторической грамматики. В последующих разделах нашего курса дается изложение истории фонетической системы, грамматического строя и лексического состава коми языка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТНОШЕНИЕ КОМИ ЯЗЫКА К ДРУГИМ РОДСТВЕННЫМ ЯЗЫКАМ.

§ 6. Коми язык относится к финноугорской языковой семье, обнимающей следующие языки:

1. Прибалтийско-финская ветвь: финский язык (государственный язык Финляндии, государственный язык, наряду с русским, Карельской АССР) — всего говорящих на финском языке ок. 4 миллионов; эстонский язык (государственный язык Эстонской ССР), количество говорящих ок. 1 200 000 чел.; ливский язык, на котором говорит население в количестве ок. 600 человек, живущее в северо-западной части Латышской ССР; водский язык, на котором в настоящее время говорит население в количестве 20—30 человек-стариков, живущих в Ленинградской области, недалеко от северной границы с Эстонией; вепсский язык, население в количестве ок. 35 тыс., говорящее на этом языке, расположено к югу от Онежского озера; карельский язык, на котором говорит часть населения Карельской АССР, карелы живут также в Калининской области, по переписи 1939 года значится 252 тысячи; ижорский.

2. Саамская ветвь, представленная саамским языком, подразделённым на ряд довольно отдалённых друг от друга диалектов. Саамы общим количеством ок. 30—40 тысяч живут на Кольском полуострове, а также в северной части Финляндии, Швеции и Норвегии.

3. Мордовская ветвь, представленная мордовским языком с двумя наречиями — эрзянским и мокшанским, всего мордовского населения по переписи 1939 г. было 1451 тыс. человек, меньшая часть мордвы живёт в Мордовской АССР, а большая часть — в разных областях Среднего Поволжья, южного Приуралья и Сибири; исторически сложились два литературных языка: эрзянский и мокшанский.

4. Марийская ветвь, представленная марийским языком с горным и лугово-восточным наречиями; раньше литературный язык развивался на обоих наречиях, в настоящее время марийцы переходят на единый литературный язык на основе

дугово-восточного наречия; марийцев по переписи 1939 г. значится 481 тыс.; большая часть марийцев живёт в Марийской АССР, довольно много марийцев проживает также в Башкирской АССР.

5. Пермская ветвь, представленная двумя языками: удмуртским и коми с тремя наречиями — с коми-зырянским, (Коми АССР), коми-пермяцким (Коми-Пермяцкий округ Молотовской области) и коми-язьвинским (Красновишерский район Молотовской области). Основная масса удмуртов живёт в Удмуртской АССР. По переписи 1939 года удмуртов насчитывалось 605 тысяч, а коми — 408 тысяч. У коми исторически выработались два литературных языка: коми-зырянский, обслуживающий население Коми АССР, и коми-пермяцкий, обслуживающий Коми-Пермяцкий округ.

6. Обско-угорская ветвь, представленная хантыйским и мансийским языками. Хантыйцы (ок. 20—25 тыс.) и мансийцы (ок. 5—6 тыс.) живут в северо-западной части Сибири, в бассейне р. Оби, в Ханты-Мансийском округе.

7. Венгерская ветвь, представленная венгерским языком, являющимся государственным языком Венгерской народной республики. Кроме того, венгры (мадьяры) живут ещё в Румынии, Югославии, Чехословакии и Закарпатской Украине. Всего венгров ок. 11—12 миллионов. Венгерский язык находится относительно в близком генетическом родстве с обско-угорскими языками — хантыйским и мансийским. Эти три языка (венгерский, хантыйский и мансийский) составляют угорскую группу.

Имеется некоторое основание объединять мордовскую и марийскую ветви в одну волжскую группу.

В СССР не только представлены все финноугорские языки, но и абсолютное большинство народов, говорящих на этих языках, обитают в нашей стране; исключением являются венгры, финны и саамы, основная масса которых живёт за пределами Советского Союза.

Венгры, финны и эстонцы имеют разработанный литературный язык и богатую литературу. Древнейшие памятники письменности в виде связной речи относятся: у венгров к рубежу XII—XIII вв., у коми к XIV—XV вв., у финнов к концу XV в. и эстонцев — к XVI в., у остальных финноугорских народов памятники письменности сохранились от периода не ранее XVIII века. Современные литературные языки у коми, удмуртов, марийцев, мордвы, хантыйцев и мансийцев сложились после Великой Октябрьской революции. В основе графики этих языков лежит русский алфавит. Венгры, финны и эстонцы пользуются латинским алфавитом.

Между финноугорскими языками разных ветвей существует значительное различие, примерно такое же, какое имеется между языками отдельных ветвей индоевропейской семьи,

например, между немецким и русским, французским и русским, французским и немецким.

Финноугорские языки объединяются в одну семью потому, что они имеют ряд общих черт в грамматике, фонетике и лексике, восходящих к единому источнику — к финноугорскому языку-основе.

Родство финноугорских языков.

§ 7. Между финноугорскими языками существует генетическое родство, т. е. родство по происхождению. Это родство в современных финноугорских языках выражается в наличии общих черт в грамматике, закономерных звуковых соответствий и значительного количества слов единого происхождения. Приведём некоторые иллюстрации.

Общие черты в грамматике: принадлежность предмета выражается при помощи особых суффиксов, притом эти суффиксы разных финноугорских языков единого происхождения: коми *ыжыд*, удм. *ыжед* „твоя-овца“, марийск. *кидет* „твоя рука“, морд. *кудом* „твой дом“, венг. *lovad* „твоя лошадь“ и т. д.; многие падежные суффиксы являются общими, например: коми *карын* „в городе“, мар. *үлнӧ* „внизу“, (үл „низ“), морд. *тельня* „зимой“, финск. *ulkona* „на улице, вне дома“, венг. *Budapesten* „в Будапеште“ и т. д.; показатель прошедшего времени: коми *мунӧ* „ты шёл“, *мунис* „он шёл“ и т. д., мар. *лудым* „я читал“, *лудыч* „ты читал“ и т. д., морд. *молить* „я шёл“, *молить* „ты шёл“ и т. д., финск. *sanoin* „я сказал“, *sanoit* „ты сказал“ и т. д.; суффикс порядкового числительного: коми *нӧльӧд* „четвёртый“, финск. *neljänte-*, манс. *нилит*, венг. *negyed* „четвертый“ и т. д.; отглагольные словообразовательные суффиксы, например, суффикс *-м*: коми *олӧм* (ол- „жить“), морд. *удома* „спанье, ночёвка“ (удо- „спать“), финск. *elämä* „жизнь“ (elä- „жить“), манс. *оолум* „жизнь“ (оол- „жить“), венг. *alot* „сон“ (al- „спать“) и т. д.

Звуковые соответствия:

а) Коми *с* в начале слова в финском, саамском, мордовском соответствует тоже *с*, в марийском *ш*, мансийском *т*, а в венгерском совершенно отсутствует этот финноугорский звук *с*-, например:

коми	русск.	мар.	морд.	финск.	манс.	венг.
сыв	„сажень“	шӱлӧ	сэль	syle-	тӱл	öl
сӧн	„жила“	шӧн, сӱн	сан	suone-	таан	in
сыл-	„таять“	шул-	сола-	sula-	тол-	olvad-
сӧп	„желчь“	„	сэпе	sappe-	тӱӱп	ere
сын	„язь“	„	сэней	säynää-	„	õn

б) Коми -*д*- середины или конца слов в удмуртском и венгерском соответствует тоже -*д*, а в марийском и кольско-саамском -*мд*, финском -*нт*, мордовском -*нд*, например:

коми	венг.	мар.	финск.	морд.	кольско-саамск.
тӧд- „знать“	tud-	„	tunte-	„	томда
„	odu	„нора“	onte-	ундо	„
куд: син-куд	„	комдыш	kante-	кундо	кыӧмтӧ
„веко, покров глаза“					
уд- „поить“	ad-	„	anta-	андо	

в) Коми сочетанию согласных середины слова -*ск*- соответствует в марийском -*кш*-, мордовском, финском и саамском -*кс*-, а в венгерском -*й*-, например:

коми	мар.	морд.	финск.	саамск.	венг.
муск- „печень“	мокш	макса	maksa	муӧксэ	máj
ӧс (из *ӧск-) „дверь“	„	„	uksi	укса	aj
соск- „рукав“	шокш	„	„	„	újj
сӧс (из *сӧск-)					
„нечистый, поганый“	„	сӧкс	„	сааксэ	„
таск- „район“, ср.					
Изьва тас „район					
Ижмы“	„	„	„	„	taj

Слова единого происхождения:

Числительные: коми *ӧтик* „один“, мар. *икты*, финск. *üksi*;

коми *кык* „два“, мар. *кок*, финск. *kaksi*, венг. *két*;

коми *куим*, мар. *кум*, морд. *колма*, финск. *kolme*, венг. *három*;

коми *нӧль* „четыре“, мар. *ныл*, морд. *ниле*, финск. *neljä*, венг. *pegy*;

коми *вит* „пять“, мар. *вить*, *вич*, морд. *вете*, финск. *viite*-, венг. *öt*;

коми *квaйт* „шесть“, мар. *куд*, морд. *кото*, финск. *kuute*-, венг. *hat*;

коми *сӧ* „сто“, мар. *шӧдӧ*, морд. *сядо*, финск. *sata*, венг. *száz*;

Названия частей тела:

коми *ки* „рука“, мар. *кид*, морд. *кедь*, финск. *käte*-, венг. *kéz*;

коми *син* „глаз“, мар. *шинча*, морд. *сельме*, финск. *silmä*, венг. *szem*;

коми *пель* „ухо“, мар. *пылыш*, морд. *пиле*, венг. *fül*;

коми *сӧп* „желчь“, морд. *сэпе*, финск. *sappi*, венг. *ere*;
коми *лоп* „селезёнка“, мар. *лэп*, венг. *lép* и т. д.

Названия растений:

коми *пу* „дерево“, мар. *пу*, финск. *puu*, венг. *fa*;
коми *коз* „ель“, мар. *кож*, финск. *kuusi*;
коми *ньыв пу* „пихта“, мар. *нолго* „вид вяза“, хант. *нолгу*;
коми *льӧм* „черемуха“, мар. *ломбо*, хант. *лём*;
коми *кыдз* „берёза“, финск. *kaski*, хант. *хун'т'*;
коми *пелысь* „рябина“, морд. *пизёл*, хант. *пэт'эр*; и т. д.

Природа:

коми *лым* „снег“, мар. *лум*, финск. *lumi*;
коми *йи* „лёд“, мар. *ий*, морд. *эй*, финск. *jää*, венг. *jég*;
коми *тӧв* „зима“, мар. *тэлэ*, морд. *теле*, финск. *talvi*,
венг. *tél*;
коми *тулыс* „весна“, финск. *tuoko*, венг. *tavas*;
коми удорск. *пив* „облако“, мар. *пыл*, морд. *пел-*, финск.
pilve, венг. *felhő*;

Животные:

коми-язьвинск. *н'имрл* „заяц“, морд. *нумоло*, венг. *nyúl*;
коми *руч* „лиса“, морд. *ривезь*, венг. *ravasz*;
коми *низь* „соболь“, эст. *nigis*, манс. *н'ухс*, венг. *nyuszt*;
коми *кӧр* „олень“, хант. *кар*, венг. *here*;
коми ижемск. *пэж* „молодой олень“, удмуртск. *пужей*
„олень“, манс. *пааши*;

коми *вӧл-* „лошадь“, мар. *вулӧ* „кобыла“, хант. *вэтэ* и т. д.

Мы ограничимся этими примерами. Можно привести несколько сот слов единого происхождения.

Такое совпадение в грамматике и словаре, а также закономерные звуковые соответствия нельзя объяснить случайностью. Сходства, наблюдаемые в современных финноугорских языках, можно объяснить лишь происхождением этих языков из единого источника — из финноугорского языка-основы.

Происхождение финноугорских языков.

§ 8. Где и когда жили носители финноугорского языка-основы? Большинство учёных первоначальной родиной финноугров считают Восточную Европу, район среднего течения Волги и Камы, область, лежащую между излучиной Волги и Уральским хребтом. Предки финноугров на этой территории жили тысячелетия.

Языковые данные говорят о том, что финноугры знали как хвойные, так и лиственные деревья (дуб, берёзу, черёмуху, ель, кедр и т. д.), им известны были животные: соболь, лиса,

заяц, олень и др.; из птиц — куропатка (коми *байдӧг*, венг. *fajd*), утка, журавль, лебедь и т. д.; из рыб — язь, осетр и т. д.; известны были времена года, снег, лёд и т. д. — всё это не противоречит тем природным условиям, которые имеются в районе Средней Волги и Камы.

На юге, в соседстве с финноуграми, проживали индоиранцы (доиндоиранцы), представлявшие ещё языковое единство (т. е. не разделившиеся ещё на иранскую и индийскую ветви), от которых финноугры научились свиноводству и пчеловодству. Коми название свиньи *порсь*, равно как и соответствующие им слова в удмуртском, мордовском, финском и мансийском, обозначающие свинью или поросёнка, являются заимствованными из доиндоиранского языка. То же самое можно сказать и о названиях пчелы и мёда (коми *ма* „мёд“, коми-перм. *муш* „пчела“). Доиндоиранские племена проживали, по-видимому, в местах, где были благоприятные условия для развития лесного пчеловодства. Таковыми являлись области около среднего течения Волги и низовьев Камы.

Индоиранцы оказали значительное влияние на финноугорский язык-основу, и это влияние происходило в течение длительного времени: часть из заимствованных слов проникла в общефинноугорский язык-основу ещё из доиндоиранского (доарийского) языка (название для свиньи, мёда и некоторые другие), другая часть, более позднего происхождения, попала из общеиндоиранского языка. К этим последним относятся, например, следующие слова коми языка, имеющие соответствия и в других финноугорских языках: *сӛ* „сто“, *сюр* „рог“, *вӧра* „вымя“, *йи* в слове *йи-ки* „ость“, первоначально обозначало „ость злака, злаковая ость“ (ср. удорск. и лузск. *кы* „ость“, удмуртск. *ю* „посевы, хлеб, зерно“), коми *йи* в слове *йи-ки* обозначало „зерно, жито, злак“ и т. д.

Финноугорский язык-основа, конечно, был разбит на диалекты. В процессе расселения на обширной территории Восточной Европы носители отдельных территориальных диалектов стали постепенно отделяться от основной массы финноугров, терять связь с последними; в результате, их диалекты развиваются в самостоятельные языки, и общение при помощи единого языка между отделившимися частями финноугров прерывается.

Примерно 2500—3000 лет до н. э. (а, может быть, и раньше) от народа, говорившего на финноугорском языке-основе, отделилась восточная ветвь, послужившая впоследствии базой для образования народов, говорящих на угорских языках, т. е. на венгерском, хантыйском и мансийском. Оставшаяся часть (после отделения угров) представляла продолжительное время языковое единство (так называемое прибалтийско-финско-пермское единство). В I-м тысячелетии до н. э. из этого единства выделилась пермская ветвь — общие предки коми и удмуртов.

Народ, говоривший на общепермском языке-основе, жил в близком соседстве с уграми, в особенности с предками венгров, пока последние около начала н. э. не ушли на юг.

Оставшаяся после отделения пермской ветви часть финноугров составляла прибалтийско-финско-волжское единство до тех пор, пока из этого не отделилась прибалтийско-финская ветвь. Окончательное разделение прибалтийско-финско-волжского единства на две части, прибалтийско-финскую и волжскую, произошло задолго до нашей эры.

Саамы первоначально говорили на одном из самодийских языков. Финноугорскую речь они восприняли от своих южных соседей не позднее общеприбалтийско-финской эпохи.

Языки финноугорских народов в период обособленной жизни их развивались по своим внутренним законам, в процессе развития всё дальше и дальше отходили от языка-основы. За многовековую обособленную жизнь финноугорские народы сталкивались с разными индоевропейскими, тюркскими и др. народами, смешивались с ними, испытывали с их стороны влияния. В результате, они настолько сильно разошлись друг от друга, что сохранили в своем языке от финноугорского языка-основы лишь небольшой пласт в виде общих грамматических черт, слов общего происхождения и звуковых соответствий.

Пермские языки.

§ 9. К пермской ветви финноугорских языков, как мы уже говорили, относятся два языка: коми и удмуртский.

Пермские языки весьма близки друг к другу; эта близость выражается как в лексическом составе, так и в грамматическом и звуковом строе. Коми и удмуртский языки сходны не в отдельных только элементах, а в целом, во всей своей системе.

Для иллюстрации этой мысли возьмём в качестве примера стихотворение удмуртского поэта П. Чайникова „Ми туннэ потйськом лудъёсы („Мы сегодня выходим на поля“)*.

Вот текст этого стихотворения.

Нош лыктиз май толэзь ми доры,
Со вайз дун омыр, шунытэз.
Вожекто садъёсмы котырын,
Кисьтйське шундылэн югытэз.

Адзйське шулдырез син азе,
Чебермем вылтусыз, музеймлэн.
Выль дйсен воштйськем инкуазед,
Кылыське гурламез шаерлэн.

* Стихотворение взято нами из альманаха „Вормон сюрес“ („Победный путь“), Ижевск, 1944 г., 54 стр.

Лудъёсмы вёлскемын паськытэсь,
Возьмало асьмелэсь лыктэммес.
Му выльёс луэмын мускытэсь,
Буш музъем вите жог киземмес.

Ваньмыз вазь потомы луд вылэ.
Мед адзоз музъеммы тыршеммес.
Ми туннэ, Нырысь май нуналэ,
Кыл сётом ужаны кужмогес.

•1943

Перевод на коми-зырянский литературный язык:

МИ ТАЛУН ПЕТАМ ЫБЪЯС ВЫЛӦ.

Бара локтис май тӧлысь миян динӧ (диалектн.: *ми дорӧ*),
Сійӧ вайис сӧдз сынӧд, шоньдӧс.
Гӧгӧр вежӧдӧны миян садъяс (букв.: *садъясным*),
Киссьӧ шондӧлӧн югыдыс.

Петкӧдчӧ син водзӧ мулӧн гажлуныс,
Мичаммӧм веркӧсыс.
Вылъ паськӧмӧн пасьтасьӧма бьвла вылыс,
Кылӧ горалӧм (сьылӧм) му вывлӧн.

Ыбъясным шыльквидзӧны (букв.: *вольсасьӧмабсь*) паськыдӧсь,
Виччысьӧны миянлысь локтӧмнымӧс.
Му вывьяс лӧмабсь васӧдӧсь,
Куш му виччысьӧ, мый ми регыд кӧдзам (букв.: *регыд кӧдзӧмнымӧс*).

Ставным водз петам ыб вылӧ.
Мед аддзас муным зильӧмнымӧс.
Ми талун, Медводдза май луно,
Кыв сетам уджавны ёнджыка.

Русский перевод:

Вновь пришёл к нам месяц май,
Он принёс чистый воздух, тёплый.
Кругом зеленеют наши сады,
Льётся солнца свет.

Виднеется перед глазами веселье земли,
Поверхность её (букв.: внешний вид), ставшая прекрасной.
Природа переоделась в новое одеяние,
Слышатся напевы (родной) стороны.

Поля наши простираются широкие,
Ожидают нашего прихода.

Пашни стали влажные,
Голая земля ждёт скорого посева (нашего).

Все рано пойдём на поля.
Пусть увидит земля наше старанье.
Мы сегодня, в день Первого мая,
Обещаемся работать энергичнее.

§ 10. Обратив внимание на корневые элементы коми и удмуртских слов, мы заметим, что в приведённом стихотворении они в подавляющем большинстве случаев тождественны и часто лишь незначительно различаются в своём звуковом виде или значении, так например:

а) следующие корни удмуртских слов имеют одинаковое звучание и значение с коми-зырянским литературным языком: *ми* „мы“, *син* „глаз“, *выль* „новый“, *му* „земля“, *мед* „пустить“, *выл-* (послелог) „на“, *вай-* „приносить“, *кись-* „литься“, *адз-* „видеть“, *дор-* (послелог) „у, к“, *кыл-* „слышать“, слова русского происхождения: *май*, *сад*; следующие удмуртские слова тождественны с диалектными формами коми языка: *югыт* „светлый“, *паськыт* „широкий“, *выл* „верх“, *кыл* „слово“;

б) следующие корни удмуртских слов имеют одинаковое значение с соответствующими словами коми литературного языка, но несколько отличаются в своем звучании: удм. *лыкт-*, коми *локт-* „приходить“, удм. *толзъ*, коми *тӧлысь* „месяц, луна“, удм. *шуныт*, коми *шоньд* „тёплый“, удм. *вож-*, коми *веж* „зелёный“, удм. *шунды*, коми *шонді* „солнце“, удм. *вош-*, коми *веж-* „менять“, удм. *возь-*, коми *видз-* „ждать“, удм. *лу-*, коми *ло-* „сделаться“, удм. *жог*, коми *регыд* „скоро“, удм. *кизь-*, коми *кӧдз-* „сеять“, удм. *вазь*, коми *водз* „рано“, удм. *пот-*, коми *пет-* „выйти“, удм. *сѣт-*, коми *сет-* „дать“, удм. *ужа-*, коми *уджав-* „работать“, удм. *муз-* в слове *музьем* „земля“, коми *му* „земля“, удм. *нунал* (из *лун-ал*, где *-ал* — уменьшительный суффикс, начальное *л* перешло в *н* под влиянием *н* следующего слога), коми *лун* „день“, удм. *со*, коми *сы-*, *сійӧ* „он“, удм. *азь-*, коми *водз-* „перед (послелог)“;

в) следующие удмуртские слова, встречающиеся в приведённом стихотворении, в коми языке употребляются в ином значении: удм. *нош* „опять, снова, вновь“, коми *нӧшта* „ещё“, удм. *дун* „чистый, прозрачный“, коми *дон* „раскалённый“, удм. *котыр-* „кругом, около“, коми *котыр* „группа, коллектив“, удм. *вӧлскыны* „распространиться, расшириться“, удм. *вӧлдыны* „распространить, растилать, стлать“, коми *вӧлдыны* лет. кч. „подстилать, растилать“, удм. *луд* „поле“, коми *луд* „луг“, удм. *ась-* в слове *асьмелэсь* „нас“, коми *ась-* „сам“ (*асьным* „мы сами“, *асьныйд* „вы сами“ и т. д.), *ин* „небо“ в слове *инкуазь* „природа“, коми *йен* „бог“, удм. *гур* „мотив, напев“ в слове *гурлам-* „гудение, воркование, пение“, коми *гор* „звучность, звук“.

Некоторые удмуртские слова, далёкие по звуковому виду или по значению от коми слов, восходят к общим для пермских языков корням, например: удм. *туннэ* „сегодня“ происходит из *та-нунэ* < *та-лунэ* „в это день“, коми *талун* „сегодня“; удм. *нырысь* „первый, начальный“ происходит от слова *ныр* „нос, клюв, начало“.

В приведённом стихотворении только следующим словам мы не находим этимологического соответствия в коми языке: *омыр* „воздух“, *шулдыр* „счастье“, *чебер* „красивый“, *тус* „облик“ в слове *вылтус* „внешний вид“, *дйсь* „одежда“, *куазь* „погода“ в слове *инкуазь* „природа“, *шаер* „страна, местность“, *мускыт* „влажный“, *буш* „пустой, свободный“, *вань* „все“, *тыршем* „старанье, стремление“, *кужмо* „сильный, энергичный“.

В результате рассмотрения корней удмуртских слов, встречающихся в данном стихотворении, мы пришли к следующему выводу: из 67 корней 54 корня общепермского происхождения, два слова заимствованы из русского языка в том же звуковом виде, в каком они употребляются в русском языке, и 11 удмуртских корней не встречается в коми языке. Таким образом, число общепермских корней в рассматриваемом стихотворении составляет 80%.

Близость между пермскими языками наблюдается не только в корнях слов, но в суффиксах и звуковом составе. Преобладающее большинство суффиксов удмуртского языка тождественно соответствующим суффиксам коми языка, например: удм. *лыктыз*, коми *локтыс* „он пришёл“, удм. *шунытэз*, коми *шоньдыс* „теплый (вин. пад.)“, удм. *шундылэн*, коми *шондильён* „у солнца, солнца“, удм. *сётэм*, коми *сетам* „дадим“, *лудьёсмы*, коми *ыбъясьмы* „наши поля“, удм. *паськытэсь*, коми *паськыдысь* „широки“, удм. *ужаны*, коми *уджавны* „работать“ и т. д.

§ 11. Для того чтобы показать близость грамматического строя коми и удмуртского языков, приведём несколько примеров склонения и спряжения слов по-коми и по-удмуртски:

Коми-зыр. лит. яз. Удмуртск. лит. язык

Субъектный падеж

1. Именит. кӧин кион „волк“

Принадлежностные падежи

2. Родит. кӧинлӧн кионлэн „у волка (имеется)“
 3. Притяж. кӧинлысь кионлэсь „у волка (берётся)“
 4. Дательн. кӧинлы кионлы „волку“

Объектные падежи

5. Винит.	кõинõс	кионэз	„волка“
6. Творит.	кõинõн	кионэи	„волком“
7. Соедин.	кõинкõд	—	„с волком“
8. Лишит.	кõинтõг	кионтэк	„без волка“
9. Достигат.	кõинла	—	„за волком (чтобы взять его)“

Внутриместные падежи

10. Местн.	(кõиныи)	(кионыи)	„в волке“
11. Исходн.	кõинысь	(кионысь)	„из волка“
12. Вступит.	кõинõ	(кионэ)	„в волка“

Внешнеместные падежи

13. Прибл.	кõинлань	кионлань	„в сторону волка“
14. Отдал.	кõинсянь	кионысен	„от волка“
15. Перех.	(кõинти)	(кионэти)	„по волку“
16. Предельн.	кõинбдз	кионозь	„до волка“
17. Наречн.	—	кионъя	„по-волчьи, как волк“

Приведём примеры на спряжение глагола.

Спряжение глагола в прошедшем времени:

Коми-зыр. лит. язык		Удмуртск. лит. язык		
Ед. ч.	1 л.	сёйи	сии	„я ел“
	2 „	сёйин	сиид	„ты ел“
	3 „	сёйис	сииз	„он ел“
Мн. ч.	1 л.	сёйим	сиимы	„мы ели“
	2 „	сёйинныд	сииды	„вы ели“
	3 „	сёйисны	сиизы	„они ели“

Спряжение глагола в настоящем времени:

Ед. ч.	1 л.	гõра	гырьсько	„пашу“
	2 „	гõран	гырьскод	„пашешь“
	3 „	гõрõ	гыре	„пашет“
Мн. ч.	1 л.	гõрам	гырьскомы	„пашем“
	2 „	гõранныд	гырьскоды	„пашете“
	3 „	гõрõны	гыро	„пашут“

§ 12. Отличия в произношении одинаковых корней и суффиксов коми и удмуртского языков, которые мы наблюдали в вышеприведённых примерах, не являются случайностью. Пермские языки связаны между собой целым рядом закономерных звуковых соответствий. Приведём несколько примеров этих соответствий.

а) Коми слову *регыд* „скоро“ в удмуртском языке соответствует *жог* (в удмуртской графике буква *ж* обозначает

аффрикату *дж*). Таким образом, коми *р*- в начале слова соответствует в удмуртском *ж* (*дж*). Это соответствие удмуртского *ж* коми согласному *р* наблюдается не только в этом слове, но и во всех других одинаковых в коми и удмуртских корнях, в которых в коми языке имеется начальное *р*, например:

Коми язык	Удмуртский язык	
ректыны	жоктыны	„выгрузить, опорожнить“
рёмидзтыны	жоместыны	„жевать жвачку“
рёмьд	жомыт	„сумерки“
рой	жуй	„мох“
рок	жук	„каша“
рушку	жуш	„живот“
ружтыны	жуштыны	„стонать“
рыж	жыж	„истлевший, сопревший (о тканях)“
рыт	жыт	„вечер“

б) Коми гласному *э* (орфографически также *е*) первого слога часто соответствует в удмуртском языке *о* (орфографически также *ё*), например:

Коми язык	Удмуртский язык	
гез	гозы	„верёвка“
веж	вож	„зелёный“
кер	кор	„бревно“
петны	потыны	„выходить“
сетны	сётыны	„дать“
лэбавны	лобаны	„летать“
шенасьны	шонаськыны	„обмахиваться“

в) В суффиксальном слогe гласному *õ* коми литературного языка в удмуртском языке обычно соответствует *э* (орфографически также *е*), например:

Коми-зыр. лит. язык	Удм. литер. язык	
ыжлõн	ыжлэн	„у овцы“
ыжõн	ыжен	„овцой“
ыжтõг	ыжтэк	„без овцы“
паськыдõсь	паськытэсь	„широки“
ыжõй	ыжэ	„моя овца“
нõльõд	нбылэти	„четвёртый“
мунõ	мынэ	„идёт“
ыстõм	ыстэм	„посланный“
гижõд	гожтэт	„письмо“
китõм	китэм	„безрукий“

В суффиксальном слогe гласный *э* встречается также в верхневыхегодском и ижемском диалектах коми языка.

г) Коми аффрикатам (*дж, дз, ти*) середины и конца слов в удмуртском литературном языке обычно соответствуют фрикативные согласные (*ж, зь, ш*), например:

Коми	Удм.	
вуджны	выжны	„переходить“
джуджды	жужыт	„высокий“
кыдзи	кызы	„как“
õмидз	эмезь	„малина“
тшõтш	чош	„вместе“
бытшкыны	бышкыны	„уколоть, воткнуть“
уджавны	ужаны	„работать“
дзодзõг	зæзег	„гусь“

В некоторых диалектах удмуртского языка в этом положении мы тоже имеем аффрикаты, например: *выжны* „переходить“, *жужыт* „высокий“, *кызы* „как“, *эмезь* „малина“, *чош* „вместе“, *бышкыны* „уколоть“ и т. д.

Примеров закономерных звуковых соответствий, связывающих между собой пермские языки, можно было бы привести много.

Кроме того, знаменательно то, что звуковой состав коми литературных языков и преобладающего большинства диалектов коми языка тождественен звуковому составу удмуртского литературного языка и большинства диалектов удмуртского языка — в исконных словах этих языков мы имеем одни и те же 33 фонемы; мы не находим даже существенной разницы в произношении этих звуков удмуртами и коми; так например, следующие слова представителями коми и удмуртского литературных диалектов произносятся почти совершенно одинаково (нужно иметь весьма тонкий слух и известную тренировку, чтобы уловить некоторое, незначительное, различие в произношении отдельных звуков): *нянь* „хлеб“, *тулыс* „весна“, *сур* „пиво“, *сюр* „рог“, *тури* „журавль“, *ты* „озеро“, *югдыны* „рассветать“, *дас* „десять“, *кык* „два“, *зарни* „золото“ и т. д. (таких слов, в которых фонемный состав в обоих языках один и тот же, можно привести сотни).

Родство пермских языков.

§ 13. Мы указали на всестороннюю близость пермских языков. Однако, недостаточно указать на эту близость — нужно её объяснить, т. е. нужно выяснить, в каких исторических условиях возникла и как она сложилась.

Эта близость не могла возникнуть в позднейшее время, так как коми и удмурты уже в течение ряда столетий жили обособленно друг от друга, история застаёт коми и удмуртов в общем и целом уже на тех территориях, где они теперь живут. А теперь эти народы отделены друг от друга большим пространством, и непосредственные и тесные сношения между ними, по-видимому, уже давно прекратились. Во всяком

случае нам неизвестно, что за последние 6—7 столетий между коми и удмуртами были такие взаимоотношения, которые могли бы создать столь глубокую близость между их языками. Кроме того, известно, что взаимодействия соседних народов проявляются в их языке лишь в виде заимствования более или менее значительного или незначительного процента (в зависимости от степени взаимодействия) количества отдельных слов, выражений и некоторых элементов грамматики. Мы видели, что сходство между пермскими языками носит иной характер — оно более глубокое и всестороннее. Поэтому для того чтобы объяснить это сходство, мы должны обратиться к более ранней эпохе и искать объяснение этого сходства не во взаимодействии или взаимовлиянии двух соседних народов, а в исконном родстве языков этих народов, в происхождении этих языков из одного источника — общепермского языка-основы.

Возникает вопрос: кто был носителем общепермского языка-основы, где и когда жили носители этого языка?

Мы уже говорили, что носители общепермского языка-основы, являющегося общим предком удмуртского и коми языков, обособились от остальных финноугров примерно в 1 тысячелетии до н. э., и что первоначальная родина носителей финноугорского языка-основы была где-то в Восточной Европе, в лесной полосе, поблизости от иранских народов, а иранские народы с давних пор (в Средней Азии, например, уже в 2 тысячелетии до н. э.) были южными и юго-восточными соседями угрофиннов: в Средней Азии обитали хорезмийцы, в южнорусских степях — скифы-сарматы (в V в. до н. э. о скифах говорит Геродот), аланы и осетины, исторически сменявшие друг друга, при этом южнорусских иранцев считают выходцами из Хорезма. Из иранских языков общепермским языком было заимствовано десятки слов, как-то: коми *амысь*, удм. *амезь* „лемех“; коми-зыр. *дар*, удм. *дуры* „уполовник“; коми-зыр. (фолькл.) *о́ксы*, удм. *эксе́й* „князь“; коми *тасьтi*, удм. *тусьты* „миска“; коми-перм. *пода*, удм. *пудо* „скот“; коми и удм. *нянь* „хлеб“ и т. д.

Языковые данные говорят о том, что общепермяне имели связь также с предками венгров, которые — после отделения от остальных угров — около начала нашей эры некоторое время жили в близком соседстве с общими предками коми и удмуртов. Несомненно, должна была быть связь и с западными соседями — марийцами. Но то, что марийцы с давних пор живут в соседстве с пермянами, говорит удмуртское название марийцев *пор* — слово, которое как название какой-то народности северо-востока Европы встречается ещё в древнегреческих источниках.

Общепермяне находились в непосредственном соприкосновении с иранскими народами вплоть до того момента, пока

разные кочевые племена, двигавшиеся с Востока во время великого переселения народов, не вклинились между иранцами и восточными финноуграми. Одним из таких народов были тюркоязычные булгары, которые появились на Средней Волге около VI в. н. э. Во второй половине I тысячелетия н. э. жизнь булгар была тесно связана с жизнью предков коми и удмуртов.

Приход булгар на Среднюю Волгу дал толчок движению на север предкам марийцев и коми-удмуртов. Известная часть последних оставалась на прежних местах жительства, разделяя судьбу булгар, сначала (как и булгары) находясь в зависимости от хазар, а затем входя в состав самостоятельного болгарского государства.

Булгарское государство, возникшее, в основном, на территории восточных финнов, по языку населения не могло быть единым. Но лингвистические данные говорят о том, что в этом государстве господствующим был такой тюркский язык, который ближе стоит к современному чувашскому языку, претерпевшему большие изменения под влиянием восточно-финских языков. Наличие значительного количества финноугорских элементов в современном чувашском языке свидетельствует о тесном взаимодействии древних булгар с финноуграми Поволжья.

Булгары, занимая промежуточное положение между финноугорскими народами Поволжья и культурным Востоком, должны были влиять на соседей. Действительно, предки коми и удмуртов ещё в общепермскую эпоху восприняли от булгар несколько десятков слов, обозначающих разные предметы сельского хозяйства, материальной культуры и т. п., например: коми *кольта*, удм. *культо* „сноп“; коми *чарла*, удм. *сюрло* „серп“; коми и удм. *кушман* „редька“; коми-зыр. *сюри*, удм. *серы* „шпулька“; коми-зыр. *пыридз*, удм. *пырич* „лом, пешня“; др.-пермск. *кан* „царь“, удм. *кун* „государство“ и т. д.

Находясь на великом торговом пути между Востоком, Севером и Прибалтийским западом, Булгария всё время имела в пределах своих владений представителей разных народов: норманов, русских, мордвы и т. д. Предки коми-удмуртов, по-видимому, ещё в булгарскую эпоху имели встречи с русскими; об этом свидетельствует название русских (коми *роч*, удм. *зуч* из **рѹч'*), восходящее к единому общепермскому корню *рѹч'*. Может быть, этим именем общепермяне первоначально называли норманов (эстонцы и теперь называют шведов словом этого же корня *roots*), а впоследствии оно было перенесено на русских.

Родину общих предков коми и удмуртов болгарского периода следует искать где-то в бассейне р. Вятки и низовьях Камы, а до прихода булгар на Среднюю Волгу она, возможно, была несколько южнее.

§ 14. Как долго длилась общепермская эпоха? Чрезвычайно большое количество общих (чисто пермских, помимо тех, которые были унаследованы из финноугорского языка-основы) элементов в языках пермских народов указывает на то, что общепермская эпоха длилась весьма долго, ибо такое большое количество общих черт не могло выработаться в короткий срок. С момента отделения пермской ветви от остальных финнов до разделения её на две части, на удмуртов и коми, прошло не менее тысячи лет. В течение этого времени выработался тот мощный общий слой в грамматике, лексике и фонетике, о котором была речь выше (см. §§ 9—12); нужно сказать, что пермские языки значительно отличаются от других финноугорских языков по своему грамматическому строю (по системе склонения и спряжения), звуковой системе и лексическому составу.

Носители общепермского языка-основы называли себя, вероятно, *морт*, что значит „человек“. Разделение общепермян на две части было связано с движением на север известных родово-племенных групп, обособившихся территориально и потерявших постепенно связь с первоначальной родиной. В результате, образовались два народа: представители одного, занимавшего северную часть, называли себя *коми морт* „коми-человек“, а представители другого, занимавшего южную часть, именовали себя *од морт* „од-человек“. Марийцы и теперь называют удмуртов *одо-марий*, что значит „одо-человек“. Из *од-морт* получилось *удмурт* (диалект. *удморт*) вследствие перехода *о* в *у* (ср. русск. *окно*, *коса* и др., перешедшие в удм. языке в *укно*, *кусо*). Слова *коми* и *од* были, наверно, племенными или родовыми названиями, при этом *коми* первоначально обозначало также „человек“; корень этого слова сохранился в удмуртском *сара-кум* „зырянин“ (см. зырянско-немецкий словарь Видемана), мансийск. *хум* „человек, мужчина“; удм. *выжы кум* „родня, родственник (собств.: человек одного корня, человек, происшедший от одного рода; *выжы* „корень“).

Когда началось движение предков коми на север? Общепермский язык-основа распался ок. IX—X вв., а движение предков коми на север (возможно, сначала на более близкий север) началось ещё раньше. Отдельные переселенцы на территорию Коми АССР могли появиться уже в VI—VII вв.

Булгары на Средней Волге занимали господствующее положение в VI—XIII вв. Они, как показывают заимствованные слова, оказали сильное культурное влияние на общепермян (общепермянами заимствовано из языка булгар свыше двадцати слов) и ещё более сильное — на удмуртов, которые оставались в сфере влияния камско-волжских булгар значительно дольше, чем предки коми. Удмурты, в этот период обособленной от предков коми жизни, заимствовали из языка булгар много

десятков слов. Это обстоятельство говорит о том, что носители общепермского языка находились в сфере влияния болгар лишь в первый период владычества последних на Средней Волге. С другой стороны, из русской летописи мы знаем, что предки коми (пермь) уже в XI веке жили в бассейне Северной Двины; эту самую пермь во второй половине XIV века Стефан Пермский обращает в христианство. Довольно значительное количество вепско-карельских заимствований, наличествующих в коми-зырянских диалектах, также свидетельствует о раннем проникновении предков коми в северо-двинский бассейн, ибо вепсо-карелы соседями коми могли быть только в виде летописной заволоцкой чуди, жившей в бассейне Северной Двины примерно с IX в. (а, может быть, и раньше) и в XIII—XIV вв. обрусевшей.

История застаёт коми народ не только в бассейне Вычегды с притоками, но и в бассейне р. Лузы притока р. Юга, р. Мезени, р. Летки — притока р. Вятки, а также в районе среднего и верхнего течения Камы. Многочисленные говоры современного коми языка можно объединить в три наречия: коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское. Эти наречия имеют свои специфические особенности, многие из которых восходят к более близкому единому источнику, чем общепермский язык-основа. Это обстоятельство, а также наличие общего самоназвания коми позволяет нам говорить о былом существовании общекоми народности, формировавшейся где-то на территории современной Кировской и Молотовской областей, по-видимому, на базе союза племён, близкородственных по языку. Языком общекоми народности являлся общекоми язык-основа.

У нас нет никаких оснований предполагать существование общепермской народности: общие предки коми и удмуртов в конце общепермского периода жили в родовом строе и, вероятно, состояли из ряда разрозненных племён, говоривших на диалектах единого языка и не потерявших ещё связи друг с другом; эти племена, ещё не объединённые в единое целое, находились в какой-то зависимости от камско-волжских болгар.

§ 15. Как долго длился общекоми период? Он, по-видимому, продолжался недолго, всего одно-два столетия когда-то около IX—XI вв.: в своём поступательном движении на север предки коми быстро расселились среди дремучих лесов бассейна Северной Двины и Мезени, — с одной стороны, и бассейна средней и верхней Камы, — с другой, в связи с чем прекратилась между отдельными территориально разрозненными частями коми народа та тесная связь, которая необходима для протекания единых процессов в языке. Действительно, в коми языке после отделения его от удмуртского общих языковых процессов мы видим мало.

Коми народ ещё с древнейших времён имел самые тесные связи с обско-угорскими народами (хантыйцами и мансийцами), жившими к востоку и северо-востоку от него. Тесное общение предков коми продолжалось с хантыйцами до XIII—XIV вв., а с мансийцами — до XVI—XVII вв. В процессе общения обско-угорские народы заимствовали из коми языка свыше 300 слов (часть этих слов была заимствована ещё из общекоми языка-основы). В свою очередь, коми заимствовали у хантыйцев и мансийцев целый ряд слов (*рыл* „береговая ласточка“, *кынь* „песец“, нижневычегодск. *ч'умпел'* „берестяная черпалка“ и т. д.).

История застаёт коми, в своей основной массе, уже на двух более или менее обособленных территориях: в Малой Перми, находившейся в вычегодско-мезенском бассейне, и в Великой Перми, расположенной с северной части камского бассейна. В пределах Малой Перми вырабатываются черты коми-зырянского наречия, а в пределах Великой Перми — черты коми-пермяцкого и коми-язьвинского наречий, при этом коми-язьвинцы, вследствие оторванной от остальных коми жизни в последние столетия, обособляются в своём диалекте, сохранив ряд весьма древних черт и выработав особенности, которые не свойственны коми-пермяцким диалектам. Между коми-пермяцким и коми-язьвинским наречиями существует известное сходство — имеется ряд общих особенностей, отличающих эти два наречия от коми-зырянского. Эти особенности должны были выработаться в то время, когда камские коми обитали в пределах Перми Великой и представляли единство (общекамское единство). Специфические коми-пермяцкие черты выработались позже, после падения Великой Перми; складывались они, в основном, в пределах владений Строгановых.

В данной работе мы оперируем понятиями: общефинно-угорский, общепермский, общекоми и общекамский. Финно-угорские языки находятся в родстве с самодийскими языками и составляют вместе с ними единую языковую семью, носящую наименование уральской. Предполагается существование уральского языка-основы, распадение которой относят примерно к IV тысячелетию до нашей эры. Мы в этой работе термином и понятием уральский язык-основа не оперируем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ КОМИ ЯЗЫКА.

Современные коми литературные языки.

§ 16. Основными источниками исторического изучения коми языка являются следующие: современные коми-зырянский и коми-пермяцкий литературные языки, народные говоры, данные родственных языков, памятники письменности, языковые дан-

ные взаимоотношений с другими народами (заимствованные слова), топонимика и фольклор. Рассмотрим каждый из этих источников в отдельности.

В литературном языке мы иногда наблюдаем употребление двух разновидностей слова или какой-либо морфемы, входящей в состав слова, из которых одна является более архаичной, чем другая, например: *вѡлѡн* „лошадью, на лошади“ и *вѡв* „лошадь“; в этих словах корневая морфема выступает в двух разновидностях. Простое сопоставление этих двух разновидностей морфемы уже наводит на мысль, что одна из них должна исторически предшествовать другой. В данном случае форма *вѡл-* является первичной, а *вѡв* — вторичной. Приведённые разновидности слова литературного языка сами по себе, конечно, ещё не предоставляют данных для заключения о первичности которой-нибудь из этих форм. Но когда мы начнём сопоставлять эти формы с диалектными словами и словами родственных языков, то такое сравнение должно неминуемо привести к определённому заключению относительно развития формы *вѡв* из *вѡл* (ср. сысольск. *вѡл*, удмуртск. *вал*). Таким образом, в форме *вѡлѡн* корень слова сохранился в первоначальном виде, старый звук *л* здесь пережиточно сохранился в литературном языке. Таких пережиточных явлений в литературном языке немало. Мы уже в § 3 приводили пример на вставочные звуки. В определённых формах слова появляются эти вставочные звуки, и тем самым восстанавливается прежняя основа слова (*синм-ѡн* „глазом“, *гѡрй-ыс* „его соха“); другие источники истории языка подтверждают то, что в составе основы слова *синмѡн* раньше действительно был звук *м* (ср. мордовск. *сельме* „глаз“). Вообще такого рода пережитки, наблюдаемые в литературном языке, являются одним из ценных источников истории языка.

У коми исторически выработалось два литературных языка: коми-зырянский и коми-пермяцкий. Коми-зырянский литературный язык сложился в отношении фонетики и грамматики на базе присыктывкарского говора (в состав лексики этого литературного языка вошло немало слов из других диалектов), а в основе коми-пермяцкого литературного языка лежит кудымкарско-иньвенский говор, но с введением употребления звука *л*, отсутствующего в этом говоре, в том виде, в каком он употребляется в коми-зырянском литературном языке. Таким образом, в этих литературных языках представлены, в особенности в отношении фонетики и грамматики, два живых диалекта коми языка.

В силу неравномерности развития отдельных диалектов мы наблюдаем в различных диалектах разные пережитки старины: в одном диалекте то или иное пережиточное явление сохранилось в одних случаях, а в другом — в других. Поэтому простое сравнение форм двух коми литературных языков,

в основе которых лежат два разных диалекта, может иногда привести к заключению об исторических изменениях слов, звуков, грамматических форм и т. д. Приведём пример.

Коми-зырянское слово *бара* „опять, снова“ претерпело звуковое изменение и потеряло связь со словом *бөр* „зад, задняя часть, обратно“. Но сравнение этого коми-зырянского слова с коми-пермяцким *бõра* приводит к заключению о связи этого слова со словом *бөр*, о происхождении его от формы *бõра* (равняется современной форме вступительного падежа *бõрõ*) с первоначальным значением „назад, обратно“. Таким образом, мы видим, что коми-пермяцкий литературный язык сохранил более раннюю форму слова и этим самым предоставил материал для выяснения происхождения коми-зырянского слова *бара*. Кстати, во многих языках слова, обозначающие понятия „опять, снова“ и „назад, обратно“, происходят от одного корня: ср. русск. *опять* „снова“ и *вспять* „обратно, назад“, *пятиться* „двигаться назад“.

§ 17. Особенно ценным источником истории языка являются живые диалекты коми языка. Мы уже говорили, что в живой речи могут сохраняться пережитки глубокой старины, при этом эти пережитки варьируют по диалектам: в одних диалектах сохраняются одни архаические черты, в других — другие. Ориентируясь на эти архаические черты, сохранившиеся во многочисленных диалектах коми языка, мы можем восстанавливать картину прошлого коми языка. Приведём пример.

В древнепермских памятниках письменности звук *о* обозначается двояко: буквой *омега* и буквой *вой*, при этом в одних словах последовательно употребляется *омега* (*лой-* „месить“, *дорын* „у, при, около“, *морт* „человек“ и др.), а в других — *вой* (*с'õй-* „есть, кушать“, *кõйд* „как, подобно“, *кõдкõ* „кто-то“ и др.). Исследователи древнепермских памятников давно уже заметили эту особенность графики стефановских писем, но долгое время было непонятно, почему Стефан употреблял две буквы для звука *о*. Эта загадка была разрешена только тогда, когда подверглись детальному изучению диалекты коми языка, в частности, диалект верхней Сысолы (современный Койгородский район Коми АССР) и коми-язьвинский диалект. В этих диалектах слова, где в древнепермском языке стоит *омега*, звучат совсем иначе, чем слова с древнепермским *вой*, а именно: в первом случае в верхнесысольском и коми-язьвинском диалектах мы имеем обыкновенное открытое *ø*, а во втором — в верхнесысольском стоит особая фонема — закрытое *õ*, в коми-язьвинском — ударяемое *ý*, например:

др. перм. *морт*, верхнесыс. *морт*, коми-язьв. *морт* „человек“.
„ *с'õй-* „ „ *с'õй-* „ „ *с'ýй-* „есть“

Приведённые данные ведут к выводу о том, что в древнепермском языке были два *o* — открытое и закрытое, поэтому именно Стефан изобрёл две буквы: омегу — для обозначения открытого *o* и вой — для обозначения закрытого *o*.

Таким образом, загадка древнепермской графики была разрешена с помощью данных коми диалектологии.

Данные диалектологии предоставляют в распоряжение историка языка богатейший материал, который оказывает большие услуги в деле разрешения самых различных проблем исторической грамматики коми языка. Мы выше привели пример из области исторической фонетики. Приведём пример, имеющий отношение к исторической лексикологии.

В древних памятниках письменности употребляется много таких слов, которые широким кругам современного коми населения непонятны, таковыми являются, например, следующие слова, фигурирующие в памятниках древнепермской письменности: *пил* „облако“, *с'ыл* „буря“, *варкӧс* „лукавый“, *йэз* „время, период“, *вулз'ы-* „бросить“, *гажал-* „желать, хотеть“ и др. У нас может возникнуть вопрос, существовали ли эти слова в то время на самом деле? Может быть, эти слова древнепермских памятников неправильно прочитаны? Может быть, здесь — вследствие разного рода описок и искажений переписчиков древнепермских текстов — получились такие слова, которых никогда и не существовало в коми языке? Ответ на эти недоуменные вопросы даёт коми диалектология. В диалектах коми языка, преимущественно в окраинных, сохранились все эти слова: удорск. *пив* „облако“, верхневымск. *с'ыы* (*с'ыл-*) „буря“, ижемск. *варгӧс* „хитрый“, коми-язьвинск. и летск. *йӧз* „время“, лузск. *вулз'ыны* „бросить“, зюздинск. *гажалны* „желать, хотеть“.

§ 18. Мы уже не раз приводили данные из родственных языков, необходимые для восстановления картины прошлого коми языка. Языки, в том числе и родственные, развиваются неравномерно. Неравномерно изменяются не только различные языки, но и отдельные компоненты системы одного и того же языка. Вследствие этого в одном языке некоторые особенности появляются в весьма архаическом виде, близком к языку-основе, в другом языке, наоборот, эти особенности исчезли, но зато сохранились другие особенности, отражающие весьма древний период жизни языка. Так например, в прибалтийско-финских языках гласные звуки сохранились в весьма архаическом виде, а в пермских языках они сильно изменились (ср.: финск. *sada-*, коми *сё*, удмуртск. *сю* „сто“, заимствовано из иранск. **c'ada*). В пермских же языках хорошо сохранились согласные; финноугорские аффрикаты и мягкие согласные в удмуртском и коми языках сохранились почти без изменения, тогда как в прибалтийско-финских языках они исчезли.

Сравнивая слова родственных языков, мы можем восстанавливать прежний облик их, тот звуковой вид, который фигурировал в языке-основе. Таким путём мы можем воспроизвести прежний звуковой вид слова *сё* „сто“, при этом в данном случае для истории гласных звуков коми языка окажутся весьма полезными прибалтийско-финские языки, в которых, как мы уже говорили, хорошо сохранился финноугорский вокализм (коми *сё* восходит к *с'ада*). С другой стороны, пермские языки окажутся не менее полезными для изучения истории гласных звуков прибалтийско-финских языков. В данном случае мы можем, например, восстановить, ориентируясь на пермские языки, для финского слова *sada*- мягкий согласный *s*, (*sada*- из *с'ада*), исчезнувший в прибалтийско-финских языках.

Особо важное значение при изучении истории языка имеют близкородственные языки. Близкородственным коми языку является удмуртский. Удмуртский язык является ценным источником при изучении тех изменений коми языка, которые произошли в последнем после отделения его от общепермского языка-основы. Приведём несколько примеров.

В древнепермских памятниках письменности в начале слова, обычно перед гласными непереднего ряда, пишется *y* на месте современного коми *v*, например: *yoz'*- „перед“, *уылын* „на“, *уай*- „принести“, *ya* „вода“, *yöйп*- „говорить“ и др. В современных диалектах коми языка в этом положении стоит губно-зубное *v*, а во многих удмуртских диалектах мы имеем, по крайней мере в целом ряде слов (правда, только перед гласным *a*), неслоговое *y*, например: глазовск. *yаз'эн* „раньше“, „прежде“, *yамэн* „поперёк“, *yал'эс* „постель“, *yат*- „спрятать“ и др. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что в древнепермском языке и в древнем коми языке в начале слова имелось неслоговое *y*.

Во всех диалектах современного коми языка инфинитив оканчивается на *-ны* (*-ни*, *ни*), если в конце основы слова имеется один согласный или один гласный, например: *мунны* „идти“, *петны* „выйти“, *нуны* „нести“, *кыны* „ткать“ и т. д. Во многих диалектах и удмуртском литературном языке сохранилась более древняя форма инфинитива: *мыныны* „идти“, *потыны* „выйти“, *нуыны* „нести“, *куыны* „ткать“. В коми языке и в некоторых диалектах удмуртского языка произошло выпадение гласных второго слога.

§ 19. Исключительно ценным источником исторического изучения языка являются памятники письменности, в которых, как в зеркале, отражаются прошлые судьбы языка. Особо важное значение имеют они тогда, когда точно передаётся речь того времени, к которому относится памятник. Чем больше датированных памятников и чем древнее они и значи-

тельное по объему, а также чем лучше отражают живую народную речь, тем больше их значение.

Памятников древней коми письменности, к сожалению, сохранилось очень немного: древнепермские тексты в общей сложности обнимают только около 800—900 слов связного текста. Кроме того, эти памятники не являются очень древними — в них отражается язык нижней Вычегды XIV—XV вв. Тем не менее изучение языка этих памятников в сравнении с данными современной коми речи может привести к ценным выводам о прошлом коми языка и об этапах его развития.

Мы уже в данной работе много раз оперировали фактами древнепермского языка как источником исторического изучения коми языка. На основании данных древнепермского языка мы можем воспроизвести древнейшее состояние многих явлений современного языка, например: наличие двух *о* и двух *э* (открытого и закрытого), наличие звука *м* в глаголе I лица единственного числа: *кылам* „слышу“, *эскам* „верую“, *вõйпам* „говорю“, *гажалам* „хочу“ и др.; особую систему спряжения (ср. древнепермск. *эскамным* „веруем“, *мунадныйд* „пойдёте“, *кыласныс* „услышат“ и т. д.).

Мы уже не говорим о значении древнепермского языка для исторической лексикологии. Для исторической лексикологии коми языка весьма полезным источником являются также более поздние памятники: XVIII века — Лепёхинский словарь, переводы богослужения на коми-зырянский язык и др., словари XIX века — в этих памятниках сохранилось немало слов, вышедших из употребления в современном языке.

На рассмотрение памятников коми письменности мы здесь не останавливаемся, поскольку о них будет речь ниже (см. §§ 25—27).

§ 20. Для исторического изучения таких языков, которые не имеют или имеют ограниченное количество древних памятников письменности, важным источником являются заимствованные слова и топонимика.

Заимствованные слова могут отражать весьма древние звуковые особенности языка. Дело в том, что слово, попав в другой язык, начинает изменяться по внутренним законам этого языка, а в том языке, откуда оно заимствовано, изменение его может пойти в ином направлении. В результате, может получиться значительное различие в звуковом виде оригинала и заимствования. Сопоставляя эти разновидности слов, мы можем весьма наглядно увидеть, какие звуковые изменения произошли. Приведём пример.

Ещё в общепермский период из болгарского языка заимствованы слова: удмуртск. *губи*, коми *гоб* „гриб“, в болгарском языке слово должно было звучать примерно **кѣпа* или

**гѡмпа* (ср. чувашск. *кӑмпа* „гриб“)*; удмуртск. *куды*, коми *куд* „лукошко“ из болгарск. **кунта* (ср. чувашск. *кунта* „лукошко“). Сравнивая коми-удмуртские слова с чувашским, мы заметим, что в чувашском оригинале имеется носовой согласный *м* или *н*, которого нет в словах пермских языков; носовой согласный в этих словах имеется и в других тюркских языках (каз.-татарск. *гӧмбӑ* „гриб“, башкирск. *кумта* „ящик“ и др.). Отсюда можно сделать вывод о том, что утрата носовых согласных (деназализация) и озвончение *п* и *т* произошло на пермской почве: общепермское **кунта* изменилось в *куды*, общепермск **кампа* изменилось в *губи*.

Такой переход сочетаний *-мп* в *-б* и *-нт* в *-д* мы наблюдаем также в исконно финноугорских словах пермских языков, ср.: коми *гыбавны* „плескаться“, мансийск. *хумп*; коми *тӧдны* „знать“, финск. *tuntea*. Заимствованные слова дают возможность даже устанавливать приблизительное время действия звукового процесса. В данном случае можно сказать, что деназализация сочетаний *-мп*, *-нт* в пермских языках произошла после эпохи болгарского влияния на общепермский язык-основу.

На основании этих же болгарских заимствований можно сделать другой вывод, касающийся уже только коми языка, его исторической фонетики. В удмуртском языке в конце этих слов имеется узкий гласный *и* или *ы*, а в коми языке этот гласный отсутствует (удм. *губи*, *куды*, коми *гоб*, *куд*). Сравнивая удмуртские формы с коми формами, можно сделать заключение о том, что в коми языке конечный узкий гласный *и* отпал. Было бы рискованно сделать такой вывод на основании только двух примеров, если бы в нашем распоряжении не было десятков аналогичных случаев, когда в удмуртском языке в конце слова стоит гласный верхнего подъёма (*и* или *ы*), а в коми языке этот звук отсутствует, но перед гласным звуком суффикса очень часто восстанавливается в виде *й-*, например: коми *пон* (*понй-ыс*), удм. *пуны* „собака“; коми *дзир* (*дзирй-ыс*) „петля, шарнир“, удм. *зиры*; *джадж* (*джаджй-ыс*) „полка“, удм. *жажы*; коми *вуж* (*вужй-ыс*), удм. *выжы* „корень“ и т. д.

Географические названия (топонимика) тоже может играть некоторую подсобную роль при историческом изучении коми языка. Приведём один пример. В современном иньвенском диалекте коми языка совсем нет звука *л* (исключением является говор самого восточного сельсовета — Оньковского, где имеется этот звук). Однако в названиях рек, фигурирующих в официальных бумагах уже с давних пор, *л* употребляется: *Косыл*, *Велва*, *Сылва*, *Лопва*, *Сюрол*, *Лопан*, *Ломашорка* и др. — речки в Белолевском районе Коми-Пермяцкого округа. Эти слова современное население произносит без звука *л*,

* Древнечувашский язык был диалектом болгарского языка.

заменяя последний звуком *в*: *Косыв, Вевва* и т. д. Это обстоятельство говорит о том, что в то время, сотни лет тому назад, когда попала эта топонимика (в своем большинстве коми-пермяцкого происхождения) в официальные бумаги, местное коми население в своём говоре ещё имело звук *л*, следовательно, звук *л* заменился звуком *в* в этом диалекте в течение последних столетий.

Для исторического изучения коми языка имеют некоторое значение также произведения народной словесности (фольклор). В фольклоре часто сохраняются слова, вышедшие из употребления в современном коми языке. В старинных коми сказках мы встречаем ряд слов, непонятных современному коми населению — таковыми являются, например, следующие: *пан, чокыр, оксы, баяр, тшегёс, бобё* и т. д. Приведём примеры:

Панёй, панёй!

Вай-тё, вай-тё пуртё

Чокырёс начкыны,

Менё ручёс вердны.

„Пан“, „пан“!

Дай-ка, дай-ка нож твой

Мерина заколоть,

Меня лису накормить.

Оксы пиян дзоллясьёны, **баяр** пиян мачасьёны „Дети князей играют в шар, дети бояр играют в мяч“.

— **Бобё, бобё**, кытчё ветлін?

— Чожё гуё ветлі.

— Мый сёин-юин?

— Выя' нянь сёйи.

— Меным колин-ё?

— Тэныд коли.

— Кытчё-нё пуктін?

— **Тшегёс** понё пукті...

— Дитяtko моё, куда ходил?

— Ходил в яму (погреб) дяди.

— Что ел-пил?

— Хлеб с маслом ел.

— Мне оставил ли?

— Тебе оставил.

— Куда-же положил?

— Положил на конец **тшегёса**...

В памятниках письменности XVIII века *пан* употребляется в значении „владыка“, *чокыр* или *сёкыр* — в значении „мерина“, а *баяр* — „боярина“. Слова *тшегёс* и *бобё* сохранились до сих пор в некоторых диалектах: словом *тшегёс* называют стоячую доску на краю лавки (скамейки), а слово *бобё* употребляется при обращении к человеку в значении „голубчик, дитяtko, дорогой“. Коми слову *оксы* соответствует удмуртское *эксэй* „царь“.

Мы рассмотрели основные источники исторической грамматики коми языка. Мы видели, что памятники письменности и живые народные говоры имеют весьма существенное значение при историческом изучении коми языка. Поэтому в следующих главах намерены специально остановиться на этих вопросах.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У КОМИ.

Первобытное письмо.

§ 21. До возникновения буквенного письма коми народ, как и другие народы, пользовались разными типами первобытного письма. Древнейшим типом письма было рисуночное (пиктографическое) письмо, письмо пиктограммами. В этом письме сочетались зачатки собственного письма и изобразительного искусства — рисования и черчения.

Понятие пиктограммы выражалось, по-видимому, у предков коми тем словом, от которого произошло современное *гиж*- „писать“. Это слово, имеющее широкое распространение в диалектах пермских языков, до сих пор сохранило два основных значения: писать и чертить; сравните: древнепермск. *гижны* „писать“, коми *гижны* „писать“, *гижод* „письмо“ и *гижта* „черта, линия“, *гижтыны* „проводить линию, чертить“; удмуртск. *гожъяны* „писать“, *гожэт* „письмо, записка“ и *гож* „черта, линия, графа“ и т. д.

Другим словом, имеющим отношение к пиктографическому письму, является коми *сер* „узор, пестрота, орнамент, рябинка“. В коми языке это слово не употребляется в значении письма, но в других финноугорских языках слова, происходящие от этого же корня, имеют наряду с другими значениями также значение „письмо, писать“, например: мокша-мордовск. *сёрма* „письмо, вышивка, узор, крапинка (на материи)“, *сёрмав* „пёстрый“, *сёрмадомс* „писать“ и т. д.

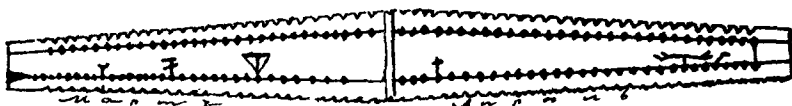
На смену пиктографическому письму пришло идеографическое, при котором отдельными знаками стали обозначать понятия. Идеограммами являются родовые знаки, знаки собственности, знаки для обозначения чисел, знаки, употребляемые при колдовстве, гадании, знаки на деревянных календарях и т. д. Эти знаки у коми назывались словом *пас*, которое в современном языке обозначает „знак, отметку, пометку, метку, клеймо“, *пасыны* „метить, пометить, отметить“, удмуртск. *пус* „метка, клеймо, тамга, жребий“, *пусыны* „отметить, поставить метку, зарубить тамгу; пятнать“.

Некоторые идеограммы в виде *п а с о в* у коми употребляются до сих пор. *Пас-календари*, представлявшие собой шестигранную деревянную палочку с насечками, обозначающими различные даты (праздники и т. п.), употреблялись ещё в прошлом столетии (см. таб.).

Образцом пиктографического и идеографического письма могут служить любопытные изображения на скале, найденные недалеко от г. Чердыни Страленбергом*. Эти изображения

* Das Nord und ostliche Theil von Europa und Asia, Стокгольм, 1730 г., стр. 337—338.

Знаменна и киѣ рас-цѣмъ XIV вѣ

М а р т ѣ .

- 9 Св. Софѣя устремителъ
- 17 Св. Агасѣя, женатка Григорѣ.
- 25 Евариѣмъ и прелб Евразимъ

М а ѣ .

- 2 Св. Агасѣя П., свѣдоуша и Тисба
- 1 Св. Евдокия и Мѣлена, 9. пр. Ксѣна, преподобная мати Св. Николая, 15. св. Евдокия юности
- 11 Меланѣ и Диодоръ

Ю н ѣ .

- 8 Св. мѣр. Проклѣ
- 20 Св. Уля въспѣтаня на небесах
- 31 Евдок. ма и Тимоша

С е н т я б р ѣ .

- 1 Св. Анна мѣреница и ермъ
- 8 Евдокия и прелб Евразимъ
- 14 Евдокия жена преподобнаго Ксѣна

Н о в ѣ б р ѣ .

- 1 Ксѣна и Дамѣана
- 8 Св. Софѣя мѣреница и Евразимъ
- 14 Св. Агасѣя и мѣреница Евдокия
- 21 Евдокия и прелб Евразимъ
- 28 Св. Теодора

Д е к а б р ѣ .

- 1 Обрѣзаня Господня, Св. Валентина П.
- 6 Евдокия и мѣреница
- 7 Св. мѣреница Ксѣна
- 11 Св. Агасѣя и Ксѣна

Знаменна и киѣ рас-цѣмъ XIV вѣ (М. Г. Б.) и киѣ рас-цѣмъ XIV вѣ (М. Г. Б.) и киѣ рас-цѣмъ XIV вѣ (М. Г. Б.) и киѣ рас-цѣмъ XIV вѣ (М. Г. Б.)

А н ѣ .

- 4. Св. мѣреница Ксѣна и мѣреница
- 23 Св. Теодора

Я н ѣ .

- 26 Св. Дамѣана
- 12-23

Ф е в р ѣ .

- 29 Св. мѣреница
- 29. Св. Ксѣна и Тисба

А п р ѣ .

- 1. Анна мѣреница Ксѣна, мѣреница и Теодора
- 6. Проклѣ мѣреница
- 15. Евдокия прелб Евразимъ
- 16. Св. мѣреница Ксѣна и мѣреница
- 21. Ксѣна и мѣреница, мѣреница и Ксѣна
- 29. Евдокия и мѣреница Ксѣна

М а ѣ .

- 1. Ксѣна прелб Евразимъ
- 22. Евдокия и мѣреница Ксѣна
- 23. мѣр. Димитръ
- 28. Св. Ксѣна, мѣреница Ксѣна и мѣреница Ксѣна

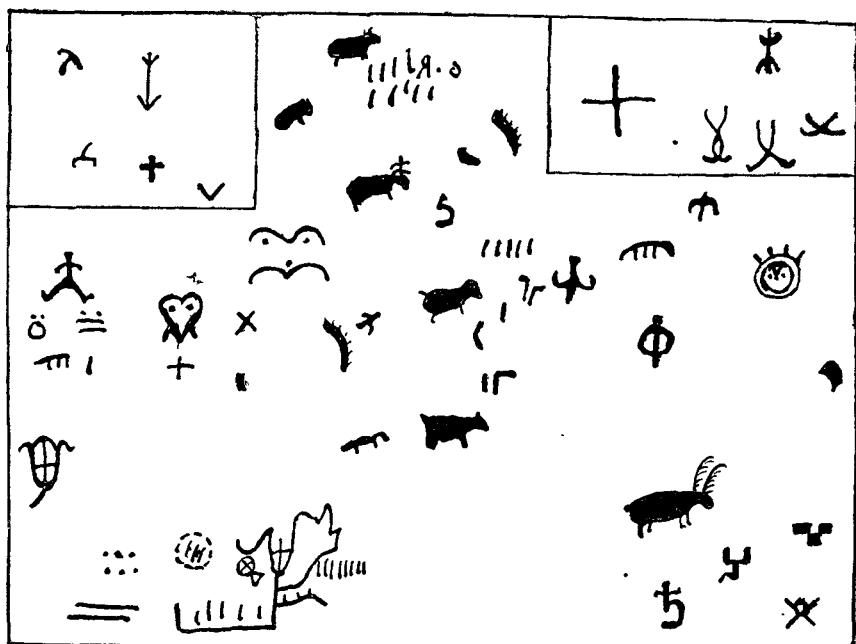
Д е к а б р ѣ .

- 5. Св. Ксѣна; 6. Св. Ксѣна
- 12. Св. Евдокия и мѣреница Ксѣна
- 18. Св. Ксѣна мѣреница и мѣреница
- 25. Евдокия и мѣреница Ксѣна

Ф е в р ѣ .

- 2. Евдокия и мѣреница

сделаны красной краской. Среди изображений имеются силуэты животных: лисицы, оленя, лося, собаки и т. д.; фигура человека с растопыренными ногами; изображение солнца в виде человеческого лица; стилизованные охотничьи фигуры; палочки и точки, обозначающие, по-видимому, счёт (см. рис.). Эти изображения до сих пор не расшифрованы.

§ 22. Среди способов письма у коми, по-видимому, видное место занимало насекание на дереве или выдалбливание на бересте. На это указывает слово *сёртны* „насекать, зарубить, долбить“, употребляемое в определённых выражениях также в значении письма; например, Вихман* приводит из вычегодского диалекта следующие слова: *гижны-сёртны* „написать заявление, жалобу, деловую бумагу, акт“; *гижёд-сёртёд* „деловая бумага, акт“; Видеман в своём „Зырянско-немецком словаре“ эти слова приводит в узкоспециальном значении: *гижны-сёртны* „записать в крепостные, закрепить“, *ас улё гижны-сёртны* „поработить, закабалить“; *гижёд-сёртёд* „судебный акт“. Это слово *гижёд-сёртёд* впоследствии, по-видимому, было заменено русским заимствованием *кабала*, употребляемым в настоящее время в коми языке в значении бумаг.

Г. С. Лыткин в „Русско-зырянском словаре“ находит возможным слово *сёртны* употребить как синоним других коми

* У. Wichmann, *Syrjänischer Wortschatz*, Helsinki, 1942.

слов при переводе русских слов „записывать, записать, насе-
кать зубцы“; слова „измышлять, измыслить (изобретать)“ он
переводит *сёртны, сёрталны*; измыслитель — *сёртысь, сёр-
талысь*.

В некоторых диалектах современного коми языка слово
сёртны и теперь употребляется как синоним слова *гижны*
„писать“, например, нижевычегодск. *гижны да с'ортны ми
важён иг кужлывлӧ* „писать и насека́ть (вырезать) мы раньше
не умели“.

Толкование числовых, календарных, гадательных и прочих
знаков и составляло содержание слова *лыддыны* „читать“ до
появления буквенной письменности. Среди пасов большое
место занимали счётные знаки (идеограммы), поэтому не слу-
чайно коми слово *лыддыны* „читать“ одновременно обозна-
чает и „считать“. Выражение одним словом понятий „читать“
и „считать“ мы встречаем и в других финноугорских языках:
удмуртск. *лыдзыны* „читать, считать“; мокша-мордовск. *лувомс*
„читать, считать, сосчитать“; финск. *lukea* „читать, считать“ и
т. д. Корень этого слова (*л* + гласный), обозначающий „читать“
и „считать“, встречается во всех финноугорских языках: коми
лы- (*лыддыны* „читать, считать“, *лыд* „счёт“), удмуртск. *лы-*,
марийск. *лу* „число“, эрзя-мордовск. *ловомс*, мокша-морд.
лувомс „читать, считать“, финск. *lukea* „читать, считать“, нор-
вежско-саамск. *локкât*, хантыйск. *лоқэт-*, мансийск. *ловинт*
„считать“, венг. *olvas-* (из **lovas*) „читать“.

§ 23. Арабский писатель Ибн-Фадлан, посетивший Волж-
скую Булгарию в 922 году н. э., передаёт рассказ болгарского
царя о великане, прибывшем в Булгарию с севера; болгарский
царь наводил письменную справку об этом великане у народа
в ису, под которым он, наверно, подразумевал не только веп-
сов, проникших в то время в бассейн Северной Двины, но
и другие народы, жившие на этой территории. В труде Ибн-
Фадлана рассказ болгарского царя передаётся в таких словах:
„я...написал к людям Вису“, жившим от Булгарии в 3-х меся-
цах пути, „и они написали ко мне“.

Эти данные Ибн-Фадлана говорят о том, что в X веке
у народов Севера было в употреблении такое письмо, при по-
мощи которого они могли вести сношение с соседями. Трудно
сказать, что представляло из себя это письмо: было ли оно
идеографическим или, может быть, оно было уже буквенным,
заимствованным у своих южных соседей, иранских народов,
с которыми — как показывают заимствованные слова — предки
коми имели довольно тесную и длительную связь, тем более,
что среди заимствованных слов встречаются и такие, которые
имеют отношение к письму. Таким словом является, например,
небӧг.

Это слово *небѡг*, вышедшее из употребления в современном коми языке, представляет большой интерес. Раньше это слово в коми языке имело широкое распространение, оно попало в рукописный труд Мессершмидта (1-я четверть XVIII века), в словари П. И. Савваитова и Г. С. Лыткина в значении „книга“, в словарь Видемана — в значении „книга, лист бумаги“. В древнепермской записи в рукописной книге XV в. „Григория Синаита сочинения“ мы встречаем выражение *тайѡ н'эбѡгыс' вѡжѡ виз'ис'ѡс* „почитателя этой книги“. Это древнекоми слово в XIII-XVI веках из коми языка заимствовали также хантыйцы и мансийцы в виде *нэпэк*, *нэпък*, *нэпих* „книга, бумага, письмо“.

В свою очередь коми слово *небѡг* заимствовано ещё в глубокой древности (не позднее VI—VII в.) из какого-то иранского языка — ср. пехлевийск. *нѡрѣк* „письмо, письменна (*Schrift*)“. Вероятно, заимствование этого слова находилось в связи с усвоением более совершенного вида письма.

Вихман в начале нашего столетия зафиксировал в удорском диалекте это слово в узкоспециальном значении — в значении знака собственности: *н'эбѡг* „кусок берёсты со знаками собственности *нас* (употребляется в лесу, например, на куче убитой птицы как знак владельца)“; *н'эбѡга* „связанный знаком собственности (например, на охотничьих принадлежностях, ружье, копье)“.

Трудно определить, что обозначало в коми языке *небѡг* при заимствовании его из иранских языков; можно лишь сказать, что оно в период существования древнепермской письменности (XIV—XVII вв.) вплоть до заимствования русского слова книга обозначало „книгу, письмо, бумагу (или другой какой-нибудь материал) с письменами“ — в этом значении оно перешло в обско-угорские языки.

Мы не знаем, что представлял собой *небѡг* до появления древнепермской письменности — называли ли этим словом всякие письменна (и пиктограмму и идеограмму) или же это были уже книги с элементами буквенного письма. Судить об этом периоде коми письма очень трудно, поскольку в нашем распоряжении нет никаких памятников письменности этого времени.

Возникновение подлинно буквенного письма у коми народа связано с деятельностью Стефана Пермского. Остановимся специально на деятельности миссионера Стефана среди коми народа.

Возникновение буквенного письма.

§ 24. Буквенное или алфавитное письмо у коми появилось во 2-й половине XIV века. Создателем его был миссионер Стефан Храп (умер в 1396 г.), наименованный впоследствии в связи с его деятельностью среди пермян (древних коми) Пермским.

Стефан родился в семье клирика (дьячка) в городе Устюге, представлявшем тогда один из крупных торговых городов Севера. Он ещё с детства, вероятно, знал коми язык, поскольку в то время коми жили недалеко от Устюга (отдельные поселения с коми населением простирались до самого устья р. Вычегды) и их речь была постоянно слышна на улицах и рынках этого торгового города. В 1375—79 годы Стефан живёт в качестве инок (монаха) в Ростовском монастыре — в большом культурном центре того времени. В этом монастыре имелась богатейшая библиотека на церковно-славянском, греческом и других языках. По словам его современника Епифания Мудрого Стефан усердно занимался чтением литературы, серьёзно готовился к миссионерской деятельности среди коми. Здесь он изучил также греческий язык.

Около 1375 года Стефан составляет древнепермскую азбуку в „24 буквы, по числу букв греческой азбуки, по речи пермского языка“ — как нам повествует его жизнеописатель Епифаний. Начертания древнепермских букв свидетельствуют о том, что Стефан составил свою азбуку по образцу греческих и славяно-норусских букв с учётом графической стороны (начертаний) тех знаков, которые употреблялись в древнекоми небѣгах.

Готовясь к работе по обращению коми в христианство, Стефан ещё во время пребывания в Ростовском монастыре перевёл на древнекоми язык некоторые молитвы и песнопения. В 1379 году Стефан отправляется в коми край. Свою миссионерскую деятельность он сосредоточивает в центре Малой Перми — в Устьвыми. Здесь он проповедует среди коми христианскую веру, крестит их, разрушает языческие кумиры, строит церкви и т. д. Количество верующих постепенно увеличивается.

Стефан и здесь продолжал создавать церковную литературу на древнепермском языке, организовал богослужение на родном языке пермян, учил их пермской грамоте, готовил духовенство из пермян и т. д. Биограф Стефана Епифаний сообщает: „Пение он перепевал им, перелагал на пермский язык и научил их переписывать пермские книги, которые он переводил на пермский язык. С этого времени они учили друг друга грамоте, с книг переписывали книги, которые умножились и пополнялись“. „Всех же крещёных своих ... грамоте пермской учил... И попы его пермским языком служили обедню, заутреню и вечерню, пермской речью пели, ... и чтецы чтение читали пермским языком“.

Количество христиан все росло и росло. В связи с этим Стефан в 1383 году отправился в Москву просить назначить в Пермь епископа. Великий князь Дмитрий Донской и московский митрополит поставили пермским епископом самого Стефана. В 1384 году он прибыл в свою епископию, в Устьвыми, и продолжал свою миссионерскую деятельность с прежним

усердием: писал книги, воздвигал церкви в разных местах своей епархии, украшал их иконами, пополнял книгами, устраивал монастыри, готовил служителей церкви из пермян, которые, по словам Епифания, на родном языке служили обедню, утреню и вечерню, чтцы читали по пермским книгам, а певцы возглашали всякое пение по-пермски.

По делам епископии Стефан ездил в 1386 г. в Великий Новгород, а в 1390 г. и 1396 г.— в Москву. Во время последней поездки в Москву он скончался (26 апреля по старому стилю).

§ 25. Деятельность Стефана простиралась в основном на территории бассейна Вычегды. Преемники Стефана, пермские епископы, продолжали расширять территорию своей епархии, обращая в христианство печорских и камских коми. Так при Исаакии (1398—1416 гг.) был основан монастырь на Печоре, в Троицко-Печорске; епископ Иона (1456—1470) окрестил князя камских коми Михаила и основал Богоявленский монастырь в г. Чердыни.

При епископе Филофее (1471—1501) в 1492 г. пермская епархия увеличилась присоединением вологодских церквей. С этого времени пермские епископы часто начинают жить в Вологде, а после 1571 года, когда к этой епархии были присоединены также двинские церкви, епископскую кафедру навсегда оставляют в Вологде.

Преемники Стефана, не знавшие пермского языка и грамоты (впрочем, некоторые из них, например, Филофей, изучали пермскую грамоту), не могли и не старались готовить среднее и низшее духовенство из пермян. Вследствие этого богослужение в пермской епархии постепенно перешло с древнепермского на церковно-славянский язык. Родной язык в богослужении дольше держался в монастырях. Так например, в Афонасьевском монастыре, основанном ок. 1390 г. Стефаном для монахов; проповедывавших христианство у сысольских коми, и упразднённом ок. середины XVIII века, монахи пели многие стихи церковной службы на родном языке вплоть до упразднения этой обители. В XVIII в. в таких монастырях пение происходило, по-видимому, по спискам древнепермского богослужения, аналогичным (но более исправным) спискам обедни, найденным в 1771 г. акад. И. И. Лепёхиным, полученным Вологодским епископом Евгением в начале XIX в. из какой-то коми-зырянской церкви и найденным в 1919 году в с. Гам А. С. Сидоровым (см. § 29). Эти песнопения написаны на древнепермском языке, но русскими буквами, на которые были переведены со стефановской графики во второй половине XVII века.

Сохранившиеся памятники письменности говорят о том, что стефановская письменность бытовала в XIV—XVII вв., при

этом пермская азбука в XV столетии была широко известна не только пермским писцам, но и пользовалась она некоторой популярностью и среди московских писцов, которые употребляли её в тайнописи.

Памятники письменности, написанные стефановской азбукой.

§ 26. Особенно большое значение в деле исторического изучения коми языка имеют древнейшие памятники письменности. Таковыми являются памятники древнепермского языка, в которых представлен коми язык нижней Вычегды XIV—XV вв. Язык этих памятников мы называем древнепермским потому, что наших предков русские называли тогда пермянами, а их язык — пермским. Можно было бы назвать этот язык также древнекоми.

Памятники древнепермского языка делятся на: а) памятники, написанные стефановскими буквами, и б) памятники, написанные русскими буквами.

К памятникам, написанным стефановскими буквами, относятся следующие:

1. Списки древнепермской азбуки. В настоящее время мы знаем больше десятка списков. Большинство из них опубликовано в книге В. И. Лыткина „Древнепермский язык“ (Москва, 1952 г., 9—19 стр.). Списки азбук сохранились как в славяно-русских рукописных книгах XV—XVII вв., так и на отдельных листках, относящихся к разному периоду времени, начиная с XVI в. и кончая XIX веком.

Значительное количество древнепермских букв было составлено по образцу греческих букв того времени (о, б, н, г, д, у, с, а, э и др.), а другая часть букв — по образцам славяно-русской азбуки (ы, ж, в и нек. др.), при этом автор древнепермской азбуки значительно изменял начертания большинства букв: перевёртывал, придавал угловатость, приравливаясь к технике письма того времени (писали в то время острой палочкой, притом не только на пергаменте и бумаге, но и на берёсте и дереве путём выдавливания и вырезывания — этот последний способ письма обуславливал угловатость и прямолинейность начертания букв). В результате, стефановская азбука приняла совершенно оригинальный вид.

В некоторых списках азбуки имеются названия древнепермских букв (они переданы русской азбукой и стоят над буквами или под древнепермскими буквами, или же отдельно внизу под стефановской азбукой).

Ни один список древнепермской азбуки не восходит к стефановскому времени, к стефановской азбуке. В послестефановский период в азбуке были произведены некоторые изменения и дополнения. Однако буквы стефановского оригинала в той или иной мере сохранились во всех списках азбуки.

а	δ	z	g	э	ж	z
Ζ	δ	Т	Г	У	П	Щ
ан	бур	гай	дой	э	мой	зой

з	z'	и, ѱ	к	л	м	н
Ц	l	Г	Г	У	П	У
зата	зита	и	коке	лэй	мэко	нэно

ô	п	р	с	т	у, в	z
Т	Г	∇	Г	Т	Р	У
во́й	пэй	рэй	сий	тай	у	эри

ш	ы	э	в, у	о, ö
Р	Г	Б	Д	П
шо́й	ыри	ять	вэр	„омега“

Древнепермская азбука.

(Вверху звуковое значение букв, внизу названия букв.)

В стефановской азбуке были следующие 24 буквы (см. табл.): ан(*а*)*, бур(*б*), гай(*г*), дой(*д*), э(*э*), жой(*ж*), джой(*з*), зата(*з*), дзита(*з'*), и (*и, ѱ*), коке(*к*), лэй(*л*), менö(*м*), нэнö(*н*), вой(закрытое *δ*), пей(*п*), рей(*р*), сий(*с*), тай(*т*), у(*у, в*), черы(*ч*), шой(*ш*), ыры(*ы*), о(открытое *о, ö*; эту букву—в целях различения его от буквы *вой*—мы называем *омега́й*, так как она по своим начертаниям напоминает греческую букву омегу). Впоследствии преемники Стефана ввели дополнительные буквы: вер (*в, у*), ять (закрытое *э*), а также буквы, соответствующие русским буквам (древнепермское название этих букв мы не знаем): *ц, ф, х* (употреблялись для передачи русских слов); *ь, ъ, ю, я*.

Мягкие согласные *сь, зь, ль, нь, ть, дь, ч* обозначались соответствующими буквами, снабжёнными надстрочным знаком,

* В скобках дано звуковое значение древнепермских букв, а вне скобок — названия их.

при этом *сь* и *зь* обозначались, исходя из *ш* и *ж*: *пыш'* „мука“, *сэш'* „затем“, *н'ан'* „хлеб“ и т. д. Однако эти надстрочные знаки переписчики и писцы начинают постепенно пропускать (пишут *корш-* вм. *корш'* - „искать“, *лолжы-* вм. *лолж'ы-* - „воскреснуть“, *лок* вм. *л'ок* „злой, плохой“ и др.), а затем в более поздних памятниках они переходят к русскому способу обозначения мягких согласных, т. е. начинают обозначать при помощи следующей йотованной гласной буквы или *ь* (*локтысь* „приходящий“, *лолзян-* „воскресение“, *нянесь* „хлеба“ и др.). В большинстве памятников древнепермского языка, написанных русскими буквами, мы встречаемся уже с написаниями, совпадающими с русской графикой и орфографией того времени, при этом это касается не только обозначения мягких согласных, но и других звуков. Об этом более подробно будет сказано в разделе „Памятников, написанных русскими буквами“.

§ 27. 2. Приписка Кылдасева (сокращенное название памятника — *Кыл.*). Эта приписка находится на 181 странице рукописной книги Номоканона 1510 года, хранящейся в рукописном отделе Государственного исторического музея (Москва). Она гласит следующее (в переводе древнепермских букв на транскрипцию):

Мэзёсэ исус крестосэ йэнлён пии, мылышты мэно крэка мортёс ваш'укёс. амин', что обозначает: „Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня грешного человека Васюка. Аминь“.

На 243 стр. переписчик Номоканона после слов „а писал сию книгу Васюк попов сын Гаврилов“ написал древнепермскими буквами свою фамилию — кылдаш'эв. В самом конце рукописи приложена древнепермская азбука, в которой, кроме букв, приведены и слоги.

Приписка, подпись Кылдасева и азбука написаны одним почерком. Рассматриваемая приписка Кылдасева в Номоканоне 1510 года является единственным датированным памятником древнепермского языка.

3. Надпись на иконе „Троицы“ (сокращенное название памятника — *Тр.*). По преданию, эту икону „Троицы“ с древнепермской надписью сам Стефан положил в церковь села Вожем, находящегося в 40 км от г. Яренска вниз по р. Вычегде. В период 1790—1803 гг. икона была перенесена в Вологду. В настоящее время она находится в Вологодском областном музее. В Вожем была послана копия, которая там существовала по крайней мере до 1834 года. По литературным данным, какая-то копия имелась во второй половине XIX в. также в г. Устюге.

В нижней части иконы под изображениями Авраама и трёх странников имеется надпись в 6 строк, кроме того над головами святых помещены надписи: *сарра, авраам, йэ а* (т. е. *йэн*

ай), *йэ ни* (т. е. *йэн ни*), *йэ пѳлтѳс* (*йэн пѳлтѳс*) — последние три надписи означают „бог отец“, „бог сын“, „бог дух святой“.

Всего в данном памятнике письменности 144 слова. Это — самый большой памятник среди памятников, написанных стефановскими буквами. Надпись представляет собой перевод отрывка из Библии (Бытие, гл. 18, 1–8).

В настоящее время в оригинале надписи вылиняли некоторые места, поэтому не поддаются чтению. К счастью, мы имеем ряд снимков, произведённых ещё в конце XVIII в. и начале XIX в., когда надпись была ещё в большей сохранности.

4. Надпись на иконе „Сошествия“ (сокращённое название памятника — *Сош.*). Эта икона с древнепермской надписью ещё в 1928 году находилась в церкви с. Вожем. Неизвестно, где она теперь находится. По преданию, эта икона, как и предыдущая, была положена в жожемскую церковь самим Стефаном перед последним своим отъездом в Москву (1395–96 гг.).

Древнепермская надпись, состоящая из 10 строк и содержащая 51 слово, представляет собой перевод того места Библии, где повествуется о сошествии святого духа на апостолов: „Беша вси единомушно вкупе“ и т. д. (см. табл.).

Надпись находилась в хорошей сохранности до самого последнего времени (т. е. вплоть до 1928 г., более поздних сведений об этой иконе, как мы уже говорили выше, в нашем распоряжении нет). Сохранилось несколько списков с этой надписи, сделанных в разное время (в 1830 г., 1850 г., 1924 г.).

Эта надпись и предыдущая по фонетическим и грамматическим особенностям, а также по системе орфографии и начертаниям букв едины, поэтому их можно отнести к одному времени. Если они не относятся к стефановскому периоду, то во всяком случае их нельзя отнести к более позднему времени, чем конец XV века, так как начертания букв и орфография говорят за то, что они являются древнейшими памятниками пермской письменности. А. С. Сидоров* считает, что „возможно, иконы были написаны во время пребывания в Устьевыми епископа Филофея (1472–1510 гг.)“.

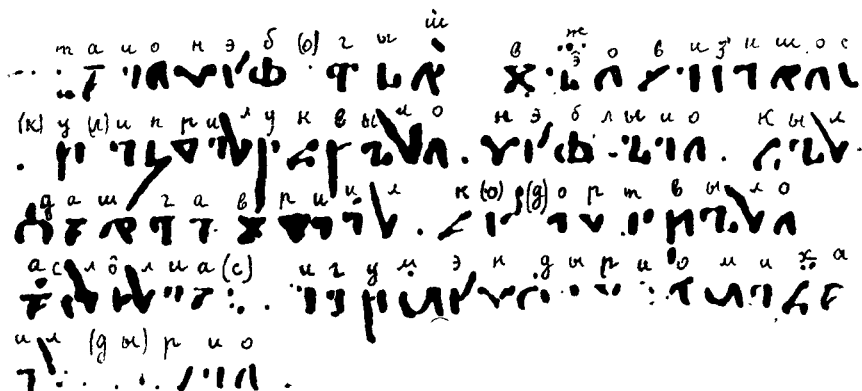
Эти две надписи (Тр. и Сош.) написаны разными почерками. Текст этих надписей переведён тоже разными лицами. Об этом свидетельствует (как совершенно правильно отмечает А. С. Сидоров) стилистическое различие языка этих памятников: в надписи на иконе Троицы употребляется в избытке русский союз *и*, между тем как в надписи на иконе Сошествия этот союз обычно переводится словом *эш'*.

§ 28. 5. Запись в рукописной книге „Григория Синаита сочинения“ (сокращённое название памятника — *Синаит*). Этот

* А. С. Сидоров, Коми литературный язык эпохи раннего феодализма по памятникам письменности. Рукопись, хранящаяся в Коми филиале Академии наук СССР, Сыктывкар, стр. 60–66.

древнепермский памятник письменности был открыт в 1930-х годах А. С. Сидоровым. В своём рукописном труде об этом памятнике он даёт следующие сведения: книга находится в рукописном отделе библиотеки Академии наук СССР (Ленинград), написана она полууставом во второй четверти XV века, книга с деревянными обложками. „Записи пермским алфавитом находятся в двух местах: 4^{1/2} строчки на последней странице книги, на верху оборота 246 листа, и на внутренней стороне задней доски переплёта — три строчки, причём некоторые буквы и отдельные слова стёрлись от действия времени, особенно на записи, нанесённой на дереве. Относительно времени занесения записей в этой книге данных не имеется. Нужно считать, по содержанию первой надписи, говорящей уже о чтеце-почитателе, что первая надпись на обороте 246 листа, быть может, сделана позднее, чем написана сама книга, тем более надпись на переплёте. Однако, можно думать, что надписи сделаны ещё в XV столетий, когда писцам была широко ещё известна пермская азбука“*.

На древность этой надписи указывает также тот факт, что она по начертаниям букв, орфографии и языковым особенностям очень близка к надписям на иконах Сошествия и Троицы (см. табл.).

А. С. Сидоров первую надпись читает следующим образом:
 Тайё (небѡгысь) вежа видзысыс
 кулі прилук вылѡ неблуйѡ кыл-
 дась Гавриил кодорт вылѡ
 ас ловъя игумен дырйи Мика-
 ил дырйи.

Этот древнепермский текст А. С. Сидоров переводит так:
 этой книги почитатель умер на прилуке в Неблые на память
 архистратига Гавриила при жизни игумена Михаила.

А. С. Сидоров в приведённом чтении некоторые слова приблизил к современному коми-зырянскому литературному

языку. Если перевести древнепермские буквы на русские, то мы получим следующий текст:

таио нэб(о)гиш в $\frac{ж}{э}$ виз'ишос

(к)у(л)и прилук выло. нэблыио кыл

даш гаврийл к(од)орт выло

às лôлиа: игумэн дырио ми́ка

ил (ды)рио.

Вторая надпись представляет молитву. А. С. Сидоров читает её следующим образом:

б(у)р...ш ач'ыд (мэзбсб)

вэлôд (ми́я)нды вэ(с')кыд

анйа(с)над

Переводится им эта надпись так: благо...щий (сам) господи научи нас своею десницею.

6. Подпись епископа Пермского Филофея под грамотой, написанной по-церковнославянски. Грамота датирована 1474 годом. Филофей подписал своё имя древнепермскими буквами: *пилопий* (Грамота находится в Публичной б-ке им. Салтыкова-Щедрина, рук. отдел. № 1194, стр. 589).

Мы перечислили все дошедшие до нас памятники древнепермского языка, написанные стефановскими буквами. Несомненно, кроме перечисленных, имелись и другие памятники, дошедшие ещё до XIX—XX веков, но они бесследно исчезли. Об одной древнепермской надписи писал, например, Вологодский епископ Евгений; ему сообщили о существовании таковой надписи на иконе богородицы, находящейся в церкви села Бодяги Чердынского уезда Пермской губернии. Однако снять копию с надписи ему не удалось. Эта икона вместе с церковью сгорела.

Вихман в своём отчёте об экспедиции к коми (1901 г.) пишет о том, что учитель Вологодской духовной семинарии Н. И. Суворов имеет в своём распоряжении древнепермскую надпись в пять слов. Вихман сам не видел этой надписи, так как она была послана владельцем её в Петербург Г. С. Лыткину для расшифровки.

В рукописях П. И. Савваитова, хранящихся в Публичной б-ке им. Салтыкова-Щедрина (0.XVIII, № 243, л. 36), имеется запись о том, что в Весленской церкви Яренского уезда Вологодской губ. внизу иконы Николая чудотворца имеется одна строка надписи, шитой волоченым золотом, „неизвестными (пермскими) буквами“.

В период существования Пермских епископов (XIV—XVI вв.), несомненно, имелась некоторая литература на древнекоми языке, написанная стефановскими буквами. Древнепермские книги должны были быть сосредоточенными в центре Пермской епархии — в Устьвыми. Однако частые пожары, имевшие

место в этом селе, уничтожили вместе с деревянными церквами и основную массу древних памятников письменности коми народа. Перечисленные выше памятники являются жалким остатком (случайно уцелевшим) древней коми письменности. Но и эти сохранившиеся памятники, несмотря на малый объём (в них содержится в общей сложности около 225 слов связанного текста), представляют большую ценность для истории коми языка.

Древнепермская азбука пользовалась некоторой популярностью и среди русских писцов Московской Руси: она употреблялась в качестве тайнописи, писцы и справщики рукописи в рукописных книгах писали заметки и примечания по-русски, но стефановскими буквами. Употребление древнепермской азбуки русскими писцами мы наблюдаем главным образом в XV—XVI вв.

Памятники древнепермского языка, написанные русскими буквами.

§ 29. Из памятников древнепермского языка, написанных русскими буквами, сохранились три списка отрывков литургии (обедни) размером около 600 слов каждый — Лепёхинский, Евгеньевский и Сидоровско-Гамский. Остановимся вкратце на истории этих трёх списков древнепермской обедни.

Лепёхинским списком мы называем список, найденный академиком И. И. Лепёхиным в 1771 году во время его проезда по Сысольско-вычегодскому краю. Этот список обедни напечатан в „Дневных записках путешествия Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1771 г.“, т. III, СПб., 1780, 242—249 стр. Нам неизвестно, где находится оригинал Лепёхинского списка.

Евгеньевским списком мы называем список древнепермской обедни, который был прислан в начале XIX века Вологодскому епископу Евгению из одной зырянской церкви. В настоящее время эта рукопись хранится в рукописном отделе Государственного исторического музея. Она переплетена в конце книги, хранящейся в музее под названием „№ 99, канонник“, писанный разными почерками исхода XVII в., в 12-ю долю листа, всего 168 листов; в этой сборной книге „Служба божия Пермским слогом, обедня“ занимает 158—168 листы (см. табл.).

Сидоровско-Гамский список был найден в 1919 г. А. С. Сидоровым в селе Гам Устьвымского р-на Коми АССР. В бытность преподавателем Устьвымской учительской семинарии А. С. Сидорову была доставлена слушателями этой семинарии от крестьянина с. Гам Алексея Ивановича Козлова рукопись „Служба божия пермским слогом. Обедня“. Нам неизвестно, где находится этот список теперь, после смерти

Свѣтѣхъ свѣтъ
Троїцѣ. свѣтъ.
Божественъ креще
тъидиша свѣтъ;
Срѣдѣхъ вѣтъ,
мѣшигонъ, тени
дѣ мезого, кѣйма
лонъ юермошъш
нѣ юеританогъ.
чюжѣтѣлонъ го
раѣрѣдѣмошъ юй
шѣтѣдѣль лѣдѣ,
пѣтѣонимъ тѣгъ
дѣдѣкъ кѣрано,
полтѣгъ зомошѣтъ

Отрывок из Евгеньевского списка
древнепермской обедни

В Евгеньевском и Сидоровско-Гамском списках расставлено ударение.

Содержание памятников всех списков одно и то же: это — обеденные молитвы и песнопения с заупокойным Евангелием и Апостолом. Но отсюда не следует делать вывода о том, что эти три списка являются точными копиями; они все восходят к единому источнику, однако существует некоторое различие

владельца его А. С. Сидорова, последовавшей в 1953 г. В нашем распоряжении имеется лишь фотокопия.

Об этом памятнике А. С. Сидоров даёт следующие сведения: „Памятник написан на 16 страницах размером в $\frac{1}{8}$ писчего листа, всего 8 листов, которые вшиты двумя тетрадами. Книжка переплетена в кардонную обложку с корешком из синего крашенного холста. Обложка заклеена белой бумагой того же качества; что и бумага текста. По стилю славянского письма (по образцу печатного полуустава) и по бумаге можно считать, что документ представляет собой список довольно поздний, может быть, начала XIX века с другого памятника. Содержание же и язык документа восходит ко времени деятельности Стефана“*.

* А. С. Сидоров, Указ. соч (см. сноску на 44 стр.).

в написаниях отдельных слов, в наличии разных диалектизмов и т. п., объясняемых тем, что эти списки прошли разную диалектную среду, переписывались разными переписчиками, допустившими разного рода ошибки, опiski, пропуски слов и т. д.

Кроме этих трёх списков, в рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина имеется ещё четвёртый, неполный, список, содержащий начало этого памятника включительно до евангелия и конец (тропарь крещения). Этот список очень близок к Лепёхинскому списку, но не является его копией, а представляет собой особый список.

Древнепермская обедня, фигурирующая в этих списках, по языку (особенно в отношении морфологии) настолько близка к надписям на иконах Троицы и Сошествия, что это невольно наводит на мысль об их стефановском происхождении. Стефан перевёл и написал их древнепермскими буквами; кто-то, не знавший древнепермского языка, но знавший стефановские буквы, переписал эти тексты русскими буквами. О незнании переписчиком языка оригинала говорят такие написания, как: *Паюель* вм. *Павель*, *юежа* вм. *вежа* „святой“ *огъ юерь мыме* вм. *огъ вермы ме* „я не могу“ и многие другие слова, которые по-пермски абсолютно ничего не обозначают и не являются какими-нибудь специфическими словами древнепермского языка, непонятными коми переписчику XVI—XVII вв.

В древнепермской обедне различаются два слоя: старший, более древний, и младший, менее древний. Эти два слоя отличаются один от другого по орфографии: орфография старшего слоя стоит ближе к стефановской орфографии, а орфография младшего слоя во многих отношениях приближается к русской орфографии и отступает от стефановских принципов письма; так например, в текстах старшего слоя мягкие согласные *сь* и *зь* обозначаются, исходя от звуков *ш*, *ж* — так же, как это делается и в памятниках Тр., Сош., Синаита и Кыл. (*ужомъ*, совр. коми *узьом* „спящий“, *шур*, совр. коми *сюр* „рог“); а в текстах младшего слоя — исходя от звуков *с*, *з*, как это делается в современном коми языке и в русском языке (*сетъ*, совр. коми *сет* „дай“, *козинъ*, совр. коми *козин* „подарок“).

К старшему слою относятся следующие тексты: Апостол, Евангелие и тропарь крещения, а собственно обедня (молитвы и песнопения) относится к младшему слою. Таким образом эти два слоя друг с другом органически не связаны: они в своё время были взяты из двух различных источников и механически соединены в одно целое.

Древнепермская обедня как на более ранних стадиях, так и в объединённом виде была оформлена стефановской графикой. Лишь во второй половине XVII в. она была переведена на русские буквы. Но до перевода (переписки) обедни с древне-

пермской азбуки на русскую пермская письменность в отношении орфографии претерпела большие изменения, объясняемые влиянием русского правописания. Эти изменения сводятся к следующему: были введены новые буквы *ю, я, х, ф, ь, ъ*, встречающиеся в древнепермской обедне; при обозначении мягких согласных *сь* и *зь* стефановские *ш, ж* заменены буквами *с, з* (младшие тексты обедни); вместо стефановских сочетаний *иа, иу* стали частично употреблять буквы *я, ю*; обозначение мягкости согласных посредством надстрочного знака над соответствующей твёрдой буквой постепенно вытеснилось манерой смягчения согласных последующей гласной буквой или *ь*.

Письменность, оформленная древнепермскими буквами, всем ходом своего развития к концу XVII в. была вполне подготовлена к переходу на русский алфавит (орфография была уже приноровлена к русскому правописанию), нужно было только проставить вместо пермских русские буквы, что и было сделано первыми переписчиками обедни с пермского алфавита на русский.

Древнепермская обедня (сокращенное название этого памятника *Л* — лепёхинский список, *Е* — евгеньевский список обедни, *СГ* — сидоровско-гамский список), сохранившаяся в трёх списках (4-й список неполный) и содержащая связный текст объёмом ок. 600 слов, является ценнейшим источником истории коми языка. Несмотря на то, что этот памятник написан нестефановской азбукой и с большими отступлениями от первоначальной древнепермской орфографии, всё же прекрасно отображает коми язык XIV — XVII вв. и некоторые диалектные разновидности его.

Источником исторического изучения коми языка могут служить также древние коми названия месяцев, приведённые в Церковном уставе, написанном в 1608 году (рукопись хранится в рукописном отделе б-ки им. В. И. Ленина, в описании рукописей румянцевского музея Востоковым под № 449). В тексте этой рукописи приведены названия месяцев на римском, египетском, еврейском, эллинском, русском и пермском языках. Названия коми месяцев сильно искажены.

Эти названия следующие: сентябрь — *кичь* (нужно, вероятно, читать *кѳч* „заяц“), октябрь — *ерым*, ноябрь по-пермски не назван, декабрь — *алсым*, январь — *тошор* (т. е. *тѳвшѳр* или *тѳѳшѳр* „середина зимы“), февраль — *воурсим* (наверно, следует читать *вурсьѳм* „шитьё“), март — *рака* (т. е. „месяц вороны“), апрель — *комоусь* (по-видимому, следует читать *куш му* „обнажённая земля“), май — *ода кора*, а затем даётся объяснение „рекша лист прощывается“ (т. е. „месяц зелёного листа“ или „месяц зелени-листьев“, *од нв.* „весенняя зелень на лугах“, *кор* „лист“), июнь — *лосцаномья* (т. е. *лѳддза-номья* „оводно-комарный“), июль — *сора*, дальше поясняется — „рекше согоущение житоу всякому, русски рекомый червен“, август — *моз*.

§ 30. Памятники письменности XVIII века имеют значение главным образом при изучении исторической лексикологии коми языка, так как в них фигурируют такие слова, которые в современном языке или совсем не употребляются, или употребляются в другом значении, или же встречаются лишь в некоторых окраинных диалектах. Для исторической фонетики и грамматики они не имеют большого значения, так как звуки в них передаются весьма неточно. Кроме того, эти памятники не локализованы; мы не знаем, какой диалект в них представлен.

Памятники письменности XVIII века можно разделить на два вида: словники и переводы религиозных книг. Из словников укажем следующие.

1. Мюллер Г. Ф. *Sammlung Russische geschichte*, СПб, 1758 г., т. III, на 382—408 стр. напечатано 313 слов на коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском и т. д. языках латинскими буквами: зыр. *wöl*, перм. *wüll* „лошадь“, зыр. *küw*, перм. *kuł* „язык“ и т. д. Коми-зырянские и коми-пермяцкие слова Мюллер собрал сам „в бытность у сих народов при возвращении... из Сибири“ (в путешествии он был в 1733—1743 гг.). Особенности, фигурирующие в коми-пермяцких словах, свидетельствуют о том, что они собраны на территории распространения косинско-камских говоров, а коми-зырянские слова собраны в разных местах коми-зырянского края.

2. Фишер Иоган *Sibirische Geschichte*, т. I, СПб, 1768 г., на 133, 162—165 стр. приведено несколько десятков коми-пермяцких слов параллельно со словами удмуртского, марийского и др. языков.

3. „Дневные записки путешествия академика Лепёхина“, СПб, 1780 г., т. III; напечатано около 200 коми-зырянских слов и 100 коротких выражений, в которых представлен гамско-нижневычегодский говор, а также 50 коми-пермяцких слов с переводом на русский язык. Этот лексический материал перепечатан и дана расшифровка его в книге В. И. Лыткина „Древнепермский язык“, М., 1952 г., 148—161 стр.

В Лепёхинском словаре (так мы называем этот памятник письменности) мы встречаем ряд таких слов, которые теперь или вышли из употребления, или же встречаются на узкой территории, или изменили своё значение, или сохранились только в фольклоре, например: *сурым* „смерть“, *Канкар* „Москва“, *канкерка* „таможня“, *тёрсяндёра* „скатерть“, *сёкыр* „мерин“, *низь* „соболь“, *сер* „куница“, *пурьсь* „улица“, *айкурёг* „петух“ и др.

4. Паллас „Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы“, СПб, 1787 г. Это же самое вышло вторым изданием под названием „Срав-

нительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный“, СПб, 1790—91 гг. В словаре коми-зырянское и коми-пермяцкое наречия представлены в виде нескольких сотен слов.

5. „Краткий Пермский словарь с Российским переводом собранный и по разным материям расположенный города Перми Петропавловского собора протоиереем Антонием Поповым 1785 г.“ Рукопись в пол-листа, 31 стр., хранится в Ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина; два списка этого словаря имеются также в Щегреневской коллекции лингвистических материалов в библиотеке Академии наук СССР. В словаре представлен говор косинско-камского типа.

Из переводов священных книг нам известны следующие четыре списка „Службы божественной на зырянском языке“.

„Служба божественная на зырянском языке“, две рукописи, хранящиеся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, написанные между 1779 и 1786 гг.

„Божественная служба на зырянском языке“, две рукописи, написанные приблизительно в то же время (при Екатерине Второй), хранятся в рукописном отделе библиотеки им. Ленина.

Содержание всех четырех рукописей одно и то же, это — текст обедни. Рукописи написаны на вычегодском говоре коми-зырянского наречия конца XVIII века, мало отличающемся от современного. В этих памятниках встречается некоторое количество слов, ныне не употребляемых, а именно: *пан* „владыко“, *мылышты* „помилуй“, *мезѳс* „господь, спаситель“, *каналѳм* „царствование“, *канасьны* „воцариться“ и т. д.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОБЗОР ДИАЛЕКТОВ КОМИ ЯЗЫКА.

Наречия коми языка.

§ 31. Коми язык делится на три наречия: коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское. Население, говорящее на коми-зырянском наречии, живёт в основном в Коми АССР, а население, говорящее на коми-пермяцком наречии, обитает в пределах Коми-Пермяцкого округа Молотовской области. Коми-язьвинцы живут по реке Язьве в Красновишерском р-не Молотовской области. По данным переписи 1926 года, коми-зырян было 227,0 тысяч, коми-пермяков — 134,0 тысячи и коми-язьвинцев (они в переписи названы пермяками) — 3,2 тыс. Всего населения, говорящего по-коми 364,2 тысячи. По переписи 1938 года коми по языку значится 408,7 тысяч человек.

На базе первых двух наречий развились после Октябрьской революции самостоятельные литературные языки: коми-зырянский и коми-пермяцкий. Коми-язьвинское наречие, отличающееся от остальных коми наречий больше, чем коми-пермяцкое и коми-зырянское друг от друга, является бесписьменным.

Рассмотрим основные особенности этих трёх наречий коми языка.

Фонетика. 1. Коми-язьвинское наречие по составу гласных фонем значительно отличается от остальных двух наречий: в нём имеются особые фонемы — *ў*, лабиализованное *õ* и *в*, отсутствующие в коми-зырянском и коми-пермяцком наречиях, например: *тул* „ветер“, *тул* „гвоздь“, *тõл* „зима“, *тул* „перо (птичье)“, *пõл* „один из пары“, *пул* „доска“, *тар* „тетерев“, *твр* „полный“ и т. д.

Коми-язьвинское *ў* акустически близко к немецкому *ü*, а коми-язьвинское *õ* — к немецкому *ö* (в других коми диалектах буквой *ö* обозначают нелабиализованный звук среднего ряда среднего подъёма). Коми-язьвинское *в* — это гласный заднего ряда ниже-среднего подъёма.

2. Коми-язьвинским ударяемым *у* и *и* в коми-пермяцком и коми-зырянском наречиях соответствуют *о* и *э*, например:

коми-язьв.	тум,	коми-зыр.	и	коми-перм.	том „молодой“
„	с'ўй-	„	„	„	сёй- (с'ой-) „есть“
„	йжа	„	„	„	эжа „дёрн“
„	кйж-	„	„	„	кеж- „сворачивать“

3. Три коми наречия отличаются одно от другого и ударением. В коми-пермяцких говорах ударение является строго фиксированным, говорящий произвольно не может перенести ударение с одного слога на другой. При этом ударение всегда падает на какой-нибудь слог основы слова (*гйжа* „пишу“, *уджало* „работает“, *уняло койн* „воет волк“, *õшынок* „окошко“). В пределах основы слова ударение может падать на разные слоги, но в каждом отдельном случае на определённый слог; часть словообразовательных суффиксов (*-ал*, *-õt*, *-ись*, *-õрт*, *-ась*, *-õм*, *-ок* и т. д.) является всегда ударной, а другая часть — безударной; словоизменительные суффиксы (падежные, притяжательные суффиксы, суффиксы множественного числа, суффиксы спряжения) не имеют на себе ударения. Такой тип фиксированного ударения, какой наблюдается в коми-пермяцком наречии коми языка, мы называем **основно-разноместным**.

Ударение коми-язьвинского наречия тоже фиксированное, но оно подчинено совершенно другим законам. Самой характерной чертой ударения этого наречия является двойственность в поведении гласных в отношении удерживания на себе ударения: при словообразовании и словоизменении одни корневые

гласные удерживают на себе ударение, а другие не удерживают.

Ударение всегда удерживают: а) корневые гласные *a, o, õ, э*; б) корневые гласные *и, у, ү*, происходящие от древних закрытых *э, ó, õ* (им в коми-зырянских и коми-пермяцких говорах соответствуют более широкие гласные — *э, o, õ* (см. §§ 68—73).

Ударение не удерживают: а) корневая гласная *v* и б) гласные *и, у, ү* (последний в безударном положении встречается только перед мягкими согласными), если им в коми-пермяцком и коми-зырянском наречиях соответствуют узкие гласные (*и, у*), т. е., если эти гласные не происходят от древних закрытых *э, ó, õ*.

Таким образом, в коми-язьвинском наречии ударение может стоять как на корне слова, так и на любом словообразовательном и словоизменительном суффиксе; место его зависит не от морфологических категорий (как это мы видели в коми-пермяцком наречии), а от качества гласных. Такое ударение мы называем качественно-вокальным. Примеры: *Вõ-лис-óлис мáмлан нрлпйáн н'эвзот. Мáмис кулйс. Кул'ч'ч'ис на двина́циттэм. Л'ока уна́ ва́ кáртас.* „Жила-была у матери дочурка небольшая. Мать её умерла. Осталась та девочка на двенадцатом (году). Очень много воды она таскала“.

Коми-зырянское ударение нельзя считать строго фиксированным. Если произвольное перенесение ударения на другой слог режет ухо коми-пермяка и коми-язьвинца (они сразу замечают, что вы говорите против ударения), то коми-зырянин, не искущённый в вопросах своего литературного языка, не только не заметит разницы в произношении, но и не сумеет вам сказать, какое из следующих разновидностей произношения будет правильной: *Иванлы кóкъямыс арóс ты́ри — Ива́н-лы кóкъямыс арóс ты́ри — Ива́нлы кóкъямыс арóс ты́ри* „Ивану исполнилось восемь лет“. Поэтому коми-зырянское ударение мы имеем основание назвать свободным (нефиксированным), несмотря на то, что имеется некоторая тенденция ставить его на первый слог. Кроме того, ударяемый слог коми-зырянского наречия в отличие от коми-пермяцкого и коми-язьвинского наречий нечётко выделяется среди безударных слогов. Это последнее обстоятельство и делает его неустойчивым, способным менять своё место в зависимости от интонации, фразового ударения, ритма речи и т. п.

4. Коми-пермяцкое и коми-язьвинское наречия относятся к *т*-говору, а коми-зырянское — к *д*-говору, т. е. в конце суффикса после гласного звука в первых наречиях имеем *т*, а в последнем — *д*, например: коми-перм. *пемыт*, коми-язьв. *пэмóт*, коми-зыр. *пемыд* „тёмный, темно“; коми-перм. и коми-

язьв. *тэнат*, коми-зыр. *тэнад* „твой“; коми-перм. *вõлыт*, коми-язьв. *вõлит*, коми-зыр. *вõлыд* „твоя лошадь“.

5. В абсолютном начале многих слов мы имеем в коми-пермяцком наречии *о-* или *õ-*, в коми-язьвинском *у-* или *у̇-*, а в коми-зырянском — *во-*, например:

коми-зыр.	коми-перм.	коми-язьв.	
водз	одз	уз'	„рано, перед“
ворсны	орсны	ўрснв	„играть“
вороп	орп	урп	„черенок, рукоятка“
вошны	õшны	ушнв	„потеряться“
вор	õр	ўр	„корыто“
вой	ой	уй	„ночь“

§ 32. Морфология. 1. Суффиксом множественного числа существительных является в коми-зырянском наречии *-яс*, в коми-язьвинском *-йвз* и в коми-пермяцком *-ез* (*-йэз*), при этом в большинстве коми-пермяцких говоров начальное *й* этого суффикса уподобляется конечному согласному основы, а после гласного звука основы оно выпадает. Примеры: коми-зыр. *мортъяс*, коми-перм. *мóрттэз* (из *мортйэз*), коми-язьв. *мóртйвз* „люди“; коми-зыр. *керкаяс*, коми-перм. *керкуэз* (из *керкуйэз*), коми-язьв. *кэркуйвз* „избы, дома“; коми-зыр. *чойяс*, коми-перм. *сойез*, коми-язьв. *соййвз* „сёстры“; коми-зыр. *шыръяс*, коми-перм. *шыррез* (из **шырйэз*), коми-язьв. *шрйвз* „мышь“.

2. В коми-пермяцком наречии имеется сравнительный падеж с суффиксом *-ся*; в коми-зырянском литературном языке и в большинстве говоров вместо этого падежа употребляется форма исходного падежа, а в коми-язьвинском — послеложная конструкция с послелогом *кин'а*, например: коми-зыр. *ме ыджыдджык тэысь*, коми-перм. *ме ыджытжык тэся*, коми-язьвинск. *мэ вгõtжик тэ кин'а* „я больше тебя“.

3. Дательный падеж в коми-зырянском имеет суффикс *-лы*, коми-перм. *-лõ* и в коми-язьвинском *-лв*, например: коми-зыр. *мортлы*, коми-перм. *мортлõ*, коми-язьв. *мортлв*.

4. Форма 3 лица мн. ч. будущего времени глагола в коми-зыр. *мунасны*, коми-перм. *мунасõ* и коми-язьвинск. *мунанис*.

5. Деепричастным суффиксом в коми-зырянском наречии является *-иг* (в северных говорах *-ыг*), в коми-пермяцком *-ик(õ)* и в коми-язьвинском — *-ки*, например: коми-зыр. *кериг-*, коми-перм. *керик*, коми-язьв. *кэрки* „делая, когда делал“.

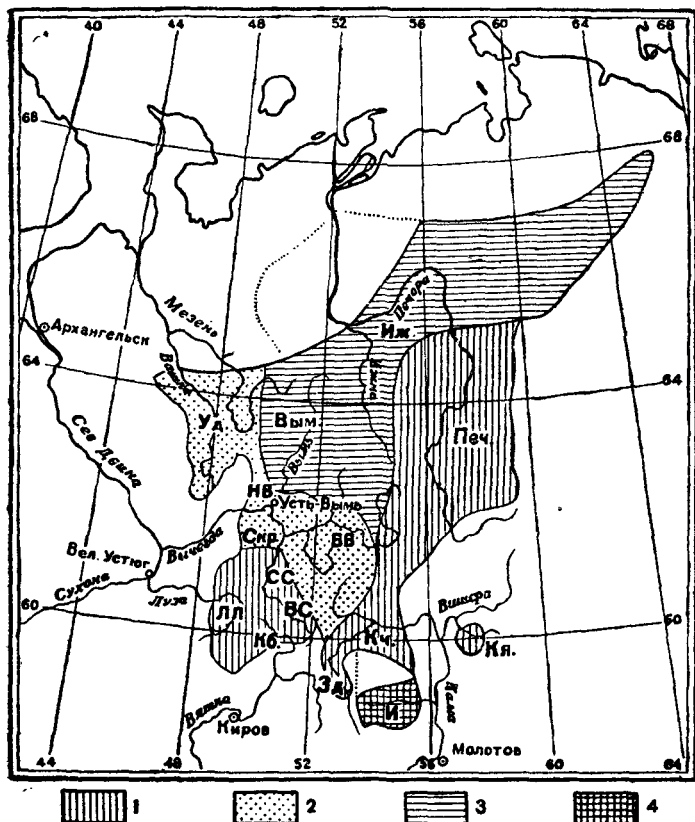
6. Из уменьшительных суффиксов существительного в коми-зырянском наречии широко употребительным является *-тор*, коми-пермяцком — *-ок* и коми-язьвинском — *-пйан*, например: коми-зыр. *бедьтор*, коми-перм. *бедёк* (*бэд'ок*), коми-язьв. *бэд'пйан* „палочка“, коми-зыр. *жеркатор*, коми-перм. *керкуок*,

коми-язьв. *кэркупйан* „избушка“; коми-зыр. *йӧвтор*, коми-язьв. *йӧлпйан* „молочко“.

Лексика. Заметное различие между наречиями коми языка существует также в лексике. Приведём примеры:

Коми-зыр.	Коми-перм.	Коми-язьв.	
ыж	баля	<i>вж</i>	„овца“;
мича	басӧк	<i>бвд'ор</i>	„красивый“;
озыр	богатӧй	<i>бвйӧр</i>	„богатый“;
кучкавны	вартлӧны	<i>вӧткалнӧ</i>	„бить, колотить“;
гӧгӧрвоны	вежӧртны	<i>вӧлалнӧ</i>	„понимать“;
гач	вешьян	<i>вӧшйан</i>	„штаны“;
дӧрӧм	йӧрнӧс	<i>йӧрнӧс</i>	„рубашка“;
кӧч	кӧч	<i>н'имӧл</i>	„заяц“;
куйӧд	назём	<i>гӧнӧй</i>	„навоз“;
найӧ	ня	<i>нӧда</i>	„они“;
шыран	ножнич	<i>бӧтрак</i>	„ножницы“;
зэв	ӧддӧн	<i>л'ӧка</i>	„очень“;
юкмӧс	ӧшмӧс	<i>кӧдм</i>	„колодец“;
сэсса	сыбӧрын	<i>тӧжнӧ</i>	„затем“;
кӧса	чикись	<i>ч'икӧл'</i>	„коса (волосы)“;
регыд	чожа	<i>пӧрта</i>	„скоро“.

Мы привели здесь наиболее характерные особенности трех наречий коми языка; эти особенности являются характерными для абсолютного большинства говоров этих наречий. Однако, в этих наречиях существуют переходные говоры, расположенные обычно на границе с другими наречиями; в этих переходных говорах иногда мы видим черты, совмещающие особенности двух наречий. Таким, например, является зюздинский говор коми-пермяцкого наречия, находящийся в бассейне верхнего течения Камы. Этому говору, кроме коми-пермяцких черт, присущи некоторые коми-зырянские особенности: суффикс мн. ч. *-яс*, употребление *д* в конце суффикса (*йӧзыд* „белый“, *кӧз'ыд* „холодно“) и т. д. Верхнесысольскому и летскому говорам коми-зырянского наречия свойственны некоторые коми-пермяцкие черты: в верхнесысольском говоре, например, мы наблюдаем (как и в коми-пермяцких говорах) отсутствие начального *в*- перед *о* (*ом* „рот“, *ой* „ночь“, *оз'* „рано“); в летском говоре ударение тождественно с ударением коми-пермяцких диалектов.

Схематическая карта коми диалектов:

1 — эловые; 2 — вэ-эловые; 3 — нуль-эловые; 4 — без-эловые.

Нердвинский и оньковский эловые коми-пермяцкие диалекты на карте не обозначены.

Коми-пермяцкие говоры.

§ 33. Основная масса коми-пермяцких говоров расположена в Коми-Пермяцком округе Молотовской области. Небольшая часть коми-пермяцкого населения живёт также в верховьях Камы в Зюздинском р-не Кировской области (по переписи 1926 г. числилось 7,3 тыс. человек) и в разных местах Приуралья и Сибири, куда они переселились, в основном в течение последнего столетия (по переписи 1926 г. всего ок. 5 тыс.).

Территориальные разновидности коми-пермяцкой речевой системы в пределах Коми-Пермяцкого округа (т. е. без зюздинцев) можно объединить в две диалектные группы: северную и южную. Население, говорящее на южных говорах, живёт в южной части Коми-Пермяцкого округа, в бассейне

рек Иньвы и Нердвы (Белоевский, Юсьвинский и Кудымкарский районы), а население, пользующееся северными говорами, живёт в северной части округа, главным образом в бассейне р. Косы (правого притока Камы) и отчасти в бассейне Камы и некоторых правых её притоков (Гаинский, Косинский и Кочевский районы). Между этими двумя частями коми-пермяцкого населения расположена территория с русским населением (Юрлинский район).

Северная диалектная группа отличается от южной следующим:

1. Все северные (косинско-камские) говоры принадлежат к эловым говорам, т. е. в них в конце слога сохраняется старое *л*, например: *ныл* „девушка, дочь“, *вёл* „лошадь“, *вёл-тёг* „без лошади“, *полны* „бояться“. Кроме того, характерной чертой этих говоров является вообще сохранение звука *л* в любом положении, который исчез в южных говорах (исключение представляют оньковский и нердвинский говоры, см. ниже), например: сев. *лок* „иди“, *лым* „снег“, *лöz* „синий“, южн. *вок*, *вым*, *вöz*.

2. В северных говорах, как и в других говорах языка коми, послелог *выл-* употребляется в первичном виде, в южных же (иньвенских) говорах он превратился в падежный суффикс, например: сев. *пызан вылö*, южн. *пызанвö* „на стол“, сев. *пу вылöt*, южн. *пувvöt* „по дереву“, сев. *пызан вылын*, южн. *пызанвын* „на столе“.

3. Ударяемый слог в северных говорах мало отличается от безударного (как и в коми-зырянских говорах), тогда как в южных говорах ударяемый слог значительно разнится от безударных и в отношении силы и в отношении долготы. При этом в северных говорах наблюдается колебание в месте постановки ударения в глаголах с суффиксами *-ал*, *-öt*, *-ись*, *-ör*, *-ас* (*вуграсьны* — *вуграсьны* „удить“, *пукалны* — *пукалны* „сидеть“, *виччисьны* — *виччисьны* „ожидать“ и т. д.); в южных говорах (за исключением нижнеиньвенского и оньковского, в которых особая система ударения, см. ниже) в таких глаголах ударение покоится на суффиксе.

§ 34. В составе южной диалектной группы можно выделить следующие говоры: кудымкарско-иньвенский, нердвинский, оньковский и нижнеиньвенский.

Кудымкарско-иньвенский говор, легший в основу коми-пермяцкого литературного языка (за исключением употребления звука *л*, см. выше), представляет собой по количеству говорящих самый крупный говор среди говоров коми языка в целом, при этом он является в территориальном отношении центральным по отношению к другим коми-пермяцким говорам. При сравнительной характеристике северной и южной диалектных групп мы уже указали самые существен-

ные особенности этого говора. Здесь следует ещё раз подчеркнуть, что основной особенностью этого диалекта является отсутствие звука *л*, вместо которого произносится *в*, например: *мйан д'э'рэвн'а суваво кэрёсвын* „наша деревня стоит на горе“, *ковкóзн'иккэз узавóны бúra* „колхозники работают хорошо“, *вэз'ом курóггэз котóртисó и вэбз'исó* „выпущенные куры бежали и летели“.

Нердвинский говор распространен в самой южной части Коми-Пермяцкого округа, в бассейне р. Нердвы, притока р. Обвы, являющейся в свою очередь притоком р. Камы (Ленинский и Пятинский сельсоветы). Основное отличие этого говора от кудымкарско-иньвенского выражается в наличии звука *л*, которого нет в кудымкарско-иньвенском говоре. Примеры: *лок* „иди“, *пукáлис* „он сидел“, *вистáльны* „сказать“, *сийа му́нис н'án'лó* „он ушёл за хлебом“, *з'óз'ыл* „ящерица“. В отношении других фонетических явлений (в частности, ударения), а также лексики и грамматики этот говор мало отличается от кудымкарско-иньвенского говора.

Онъковский говор, самый юго-восточный говор коми языка, распространен на территории только Онъковского сельсовета Юсьвинского района (с. Малые и Большие Они с прилегающими к ним деревнями), являющегося самым восточным сельсоветом (по р. Иньве) Коми-Пермяцкого округа. Этот говор значительно отличается от кудымкарско-иньвенского. Отличительные черты его заключаются в следующем:

1. В отличие от соседнего нижеиньвенского говора, онъковский относится к эловому говору, здесь *л* употребляется так же, как в нердвинском и косинско-камском говорах, например: *вэтли* „ходил“, *вэтлилли* „хаживал“, *лóкта* „приду“, *голбэч'* „подполье“, *пин'áла* „бороню“, *ч'иглáли* „ломал“ и т. д.

2. Самой характерной чертой онъковского говора является своеобразная система ударения, близкая к коми-язьвинской системе ударения (см. выше); она выражается в следующем: а) ударение всегда падает на гласные нижнего и среднего подъёма корня слов (*а, э, ö, о*), например: *ва́шóта* „прогоню“, *лóс'óтны* „приготовить“, *пэ́тала* „выйду на время“, *кóтрас'ны* „бегать“; б) ударение в двусложных и многосложных словах не падает на гласный звук верхнего подъёма корня слов (*и, ы, у*), а переносится на суффиксальный слог, например: *вугрáсны* „удить“, *пукáльны* „сидеть“, *виз'óтны* „смотреть“, *пырá* „захожу“, *гижá* „пишу“, *вундйísó* „они жали“, *шыр'óс* „мышку“, *йур'óс* „голову“, *ки'óс* „руку“, *вурс'óны йим'он* „шьют иголкой“.

Словом, здесь ударение, как и в коми-язьвинском наречии, качественно-вокальное.

Нижеиньвенский говор непосредственно примыкает с запада к онъковскому говору и распространен на территории

следующих пяти сельсоветов Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа: Тиминского, Купросского, Крохальского, Аксёновского и Доегского; в общем этот говор занимает бассейн северных притоков р. Иньвы — Доега, Поя и Исыла с прилегающими к ним территориями по р. Иньве.

Особенности этого говора:

1. Говор относится, как и кудымкарско-иньвенский, к беззловому говору — этим и отличается от соседнего оньковского.

2. В глаголах, не имеющих словообразовательных суффиксов, ударение этого говора ничем не отличается от оньковского ударения, т. е. в этом случае ударение качественно-вокальное (*пэ́тны* „выйти“, *ко́рны* „просить“, *вэ́з'ны* „отпустить“, *пы́рны* „зайти“, *с'ывны* „петь“, *ус'ны* „падать“, *сувта́* „встаю“, *гижис́* „он писал“, *ч'игá* „сломаю“); в глаголах же, имеющих словообразовательные суффиксы, и в других частях речи ударение в общем не отличается от кудымкарско-иньвенского ударения (*пэ́тавны* „выходить“, *ко́расны* „сватать“, *ч'ышкис'ны* „утираться“ и др.; *руч'ос* „лису“, *йу́рыс* „его голова“).

3. В нижнеиньвенском говоре, как и оньковском, отрицательный глагол имеет огласовку *и*, например: *иг мун* „я не шёл“, *ин мун* „ты не шёл“, *из мун* „он не шёл“, *игõ мунõ* „мы не шли“ и т. д.

В таком же звуковом виде этот отрицательный глагол встречается также в коми-язьвинском наречии и в северных говорах коми-зырянского наречия. В других диалектах коми языка в отрицательном глаголе мы имеем огласовку *э* (*эз, эн, эз* и т. д.).

§ 35. К коми-пермяцким говорам мы относим также зюздинский говор, представляющий собой нечто среднее между коми-пермяцким и коми-зырянским наречиями.

Из коми-зырянских черт этого говора мы отметим следующие:

а) употребление *д* в конце суффикса: *йэзгид* „белый“, *шогõдõ* „тошнит“, *кõз'ыд* „холодный“;

б) суффикс мн. ч. существительных *-йас*: *мортйас* „люди“, *кõбинйас* „волки“;

в) перед *с'* стоит *ы*, а не *и*: *гортыс'* „из дому“, *мортлыс'* „у человека“, *ч'отыс'* „хромой“.

Черты коми-пермяцкие:

а) отсутствие начального *в* перед *о*: *ом* „рот“, *ор* „корыто“, *орсны* „играть“;

б) употребление уменьшительного суффикса *-ок*: *понок* „кончик“, *кылок* „язычок“, *кол'ч'аок* „колечко“;

в) суффикс 3 л. мн. ч. глагола *-исõ*: *локтысõ* „они пришли“, *каз'алисõ* „заметили“.

Зюздинский говор имеет ряд своих специфических особенностей, напр.:

а) перед э согласный л смягчается: л'эбавны „летать“, л'эптыны „поднять“, л'эч'ыд „острый, наточенный“, л'эч' „силок“;

б) во многих словах вместо аффрикат других говоров з', з и ч в зюэдинском говоре встречаются фрикативные з', ж, ш: гырз'а „локоть“, н'эз'ыл „червь“, гортбз' „до дому“, жоож и зоз „пол“, н'эшкыны „рвать“;

в) глагол во 2 л. мн. ч. настоящего-будущего времени имеет суффикс -анб, а глагол прошедшего времени -инб: мунанб „идёте“, мунинб „вы ушли“.

Коми-зырянские говоры.

§ 36. Различаются следующие коми-зырянские говоры: нижневычегодский, присыктывкарский, верхневычегодский, среднесысольский, верхнесысольский, лузско-летский, вымский, удорский, ижемский и печорский. Население, говорящее на этих говорах, занимает следующие территории: нижневычегодский говор распространен на территории р. Вычегды с притоком Пожег, начиная с Часовского сельсовета вниз до границы с русским населением; носители присыктывкарского говора живут в г. Сыктывке и прилегающих к нему сельсоветах: до Шошкинского вверх по р. Сысоле, Зеленецкого — вниз по Вычегде и Озельского — вверх по Вычегде включительно; среднесысольский говор распространен в бассейне р. Сысолы, начиная с с. Лозыма, до Палауза включительно, с ним с севера граничит присыктывкарский говор, а с юга — верхнесысольский; население с верхнесысольским говором занимает верховья р. Сысолы (начиная с Гривенского сельсовета) и верховья р. Кобры, притока Вятки; лузско-летским говором пользуется коми население, живущее на р. Лузе, притоке Юга, образующего вместе с Сухоной Северную Двину, и на Летке, притоке Вятки; вымский говор распространен в бассейне р. Вымь, являющейся северным притоком Вычегды, при этом население нескольких сельсоветов, примыкающих к Устьвыми, говорит на нижневычегодском говоре; население с удорским говором занимает территорию той части верхнего течения р. Мезени и её притока Вашки, которая находится в пределах Коми АССР; на ижемском говоре говорит население, живущее по р. Ижме, левому притоку Печоры, и Печоре, начиная ниже с. Щугора; на ижемском говоре говорит также коми население низовья Оби; верхневычегодский говор бытует в бассейне верхней части р. Вычегды (с притоками Локчим, Вишера и др.), начиная с Визябожа; печорский говор распространен на территории от верховьев Печоры до с. Щугора включительно.

Дадим краткую характеристику этих говоров.

Нижневычегодский говор, относящийся к *вэ-эло-вой* и *йд-йт-овой* разновидности, характеризуется следующими чертами:

1. Звуки *ы* и *õ* в суффиксальных слогах после мягкого согласного не встречается, а вместо них употребляется *и* и *э*, например: *виз'эдны*, сиктывк. *виз'õдны* „смотреть“, *õз'эс*, сиктывк. *õз'õс* „дверь“; *войин*, сиктывк. *войын* „ночью“, *пукс'ины*, сиктывк. *пукс'ыны* „сесть“.

2. В начале слова перед *и* и *э* звук *г* перешёл в *д'*, а *к* — в *т'*, например: *т'эрка*, сиктывк. *кэрка* „изба“, *т'и*, сиктывк. *ки* „рука“, *д'ижны*, сиктывк. *гижны* „писать“.

3. Уменьшительный суффикс *-инз'ик*: *з'õл'ин'з'ик* „маленький“, *косин'з'ик* „сухонький“.

Верхневычегодский говор характеризуется следующим:

1. В суффиксальных слогах всегда имеем *и* и *э*, а не *ы* и *õ*: *С'эмэ да Вас'э мõдэтч'исни вõрэ мунни* „Семен и Василий собрались в лес идти“.

2. На территории верхневычегодского говора широко распространено стяжение гласных: *кэркан* вм. литературного *керкаын* „в избе“, *кэркас'* вм. литерат. *керкаысь* „из избы“, *мунэ-мас'* вм. литературного *мунõмайсь* „они ушли, оказывается“.

Верхневычегодский говор в своем большинстве относится к вэ-эловому говору, однако на территории распространения его встречаются и другие разновидности относительно употребления звука *л*: население по р. Вишере, а также Мылдинского, Устькуломского и Устьнемского сельсоветов говорит на нуль-эловом говоре, а говор населения Керчёмского, Пожегодского и Вочевского и др. сельсоветов относится к эловому говору.

Среднесысольский говор, относящийся к эловому и *т'*-ому говору (*вõл* „лошадь“, *вõлным* „наша лошадь“; *н'ат* „грязь“, *кват'* „шесть“, *н'ут'* „тина“), характеризуется следующим:

1. Перед суффиксом, начинающимся с *и*, конечный звук основы *л* часто выпадает: *вис'таис* вм. литерат. *висьталіс* „он рассказал“, *кэраи* вм. литерат. *кералі* „я рубил, срубил“, *гус'аис* вм. *гусяліс* „он украл“.

2. В 3 л. ед. ч. неочевидного прошедшего времени употребляется окончание *-õм* вм. литерат. *-õма*: *мунõм* вм. сиктывкарск. *мунõма* „он ушёл, оказывается“, *локтõм* вм. литер. *локтõма* „он пришёл, оказывается“.

3. 3 л. мн. ч. прошедшего неочевидного времени имеет суффикс *-õмны* вм. литер. *-õмайсь*: *кыйõмны* вм. литер. *кыйõмайсь* „они поймали, оказывается“, *бос'тõмны* вм. литер. *бос'тõмайсь* „они взяли, оказывается“.

Печорский диалект близок к среднесысольскому.

§ 37. Верхнесысольский говор, относящийся (как и среднесысольский) к эловому и *т'*-*д'*-овому говору, характеризуется следующим:

1. В этом говоре имеется особая гласная фонема — закрытое *ô*: *пôn* „собака“, *пôn* „конец“, *кôрс'а* „веник“, *кôрс'а* „ищу“.

2. Отсутствие начального *в* перед закрытым *ô*: *ôз'* в м. лит. *водз* „рано“, *ôй* в м. литер. *вой* „ночь“, *ôм* в м. литер. *вом* „рот“.

3. Между мягкими согласными *а* перешло в *э*: *н'эн'* в м. литер. *нянь* „хлеб“, *ч'эл'* в м. *чаль* „мизинец“, *гортс'эн'* в м. лит. *гортсянь* „из дому“.

4. Суффикс приблизительного падежа *-лэн'* в м. литер. *-лань*: *гортлэн'* в м. литер. *гортлань* „к дому, в сторону дома“.

Лузско-летский й говор характеризуется следующими чертами:

1. Суффиксом достигательного падежа является *-эз'* в м. лит. *-ôдз*: *ч'ом динэз'* „до шалаша“, *сэтч'эз'* „дотуда“.

2. Суффикс дательного падежа *-лô* в м. литер. *-лы*: *мортлô* в м. литер. *мортлы* „человеку“, *кас'лô* в м. литер. *каньлы* „кошке“.

3. Уменьшительным суффиксом прилагательного является *-гôм*: *ч'орыдгôм* в м. литер. *чорыдкодъ* „твердоватый“, *маты-гôм* в м. лит. *матынкодъ* „близковатый“.

Лузско-летский говор относится к эловому говору, за исключением Объячевского и Читаевского сельсоветов, относящихся к вээловому говору.

Вымский й говор характерен следующими особенностями:

1. Он относится к нуль-эловому говору: *вôô* в м. лит. *вôв* „лошадь“, *кыы* в м. лит. *кыв* „язык, слово“, *ооны* в м. лит. *овны* „жить“, *пий*, удорск. *пив* „облако“, *пэй* в м. лит. *пев* „большой палец“; перед двумя согласными в середине слова и перед одним согласным в конце слова удлинения мы не наблюдаем: *сутны* в м. литер. *сувтны* „встать“, *кыт* в м. литер. *кывт* „плыви“, *кытны* в м. литер. *кывтны* „плыть по течению“.

2. Инфинитив с притяжательными суффиксами имеет форму *-ныад*, *-ныас* и т. д.: *мунныад* в м. литер. *мунныйô* „идти-то (ты)“, *мунныас* в м. литер. *мунныс* „идти-то (он)“ и т. д.

3. В отрицательном глаголе прош. вр. и повел. наклонения огласовкой (как и в нижневыхегодском, ижемском и удорском говорах) является *и*: *иг гиж* „я не писал“, *ин гиж* „ты не писал“, *ин гиж!* „не пиши!“

Удорский й говор, относящийся к вэ-эловому говору, характеризуется следующими чертами:

1. В суффиксальных слогах перед мягкими согласными не бывает *ы* и *ô*, а вместо них имеется *и* и *э*: *н'айтэс'* в м. лит. *няйтôсь* „запачканный грязью“, *бурэс'* в м. лит. *бурôсь* „хороши“, *мортлис'* в м. лит. *мортлысь* „у человека“, *н'укил'* в м. лит. *нюкыль* „согнутость“.

2. После начального *в* во многих словах мы имеем *ô* в м. о других диалектов: *вôз'* в м. лит. *водз* „рано“, *вôн* в м. лит. *вон*

„полог“, вѡр в м. лит. вор „корыто“, вѡс'тыны в м. лит. вѡс'тыны „открыть“.

3. В начале многих слов, имеющих в конце первого слога твёрдый шипящий *ж* или *ш*, употребляется твёрдое *ч* вместо мягкого *ч'* других диалектов: *чуж* (*тшуж*) в м. лит. *чуж* „солод“, *чѡжны* (*тшѡжны*) в м. лит. *чѡжны* „копить“, *чужйыны* (*тшужйыны*) в м. лит. *чужйыны* „пнуть“. С этим явлением мы встречаемся также в летском говоре.

4. Суффиксом мн. ч. существительных является *-йэс* в м. *-яс* других коми-зырянских диалектов: *мортйэс* в м. лит. *мортъяс* „люди“, *порс'йэс* в м. лит. *порсъяс* „свины“.

5. Суффиксом соединительного падежа является *-кѡт*: *морткѡт* в м. лит. *морткѡд* „с человеком“.

Ижемский говор, относящийся к нуль-эловому говору, характерен следующим:

1. Мягкие аффрикаты *з'* и *ч'* очень близки к *д'* и *т'* — фрикативный момент их очень краток; твердые аффрикаты *ч* и *з* произносятся мягче, чем в других говорах.

2. В суффиксальных слогах стоит *э* в м. *ѡ* других говоров, кроме верхневычегодского, в котором тоже *э*: *скаскаэн вис'тас'э ѡд'д'э*, *а врэмйа муэнэ уна* „скоро сказка сказывается, а времени проходит много“.

3. В 3 л. глагола мн. ч. суффикс *-ныс*: *мунисныс* в м. лит. *мунисны* „они ушли“, *мунасныс* в м. лит. *мунасны* „уйдут“.

§ 38. Необходимо специально остановиться на присыкты в карском говоре, лёгшем в основу коми-зырянского литературного языка. Территория этого говора расположена между тремя говорами: нижневычегодским, верхневычегодским и среднесыольским, и этот говор является переходным между названными тремя говорами: сыктывкарский говор в одних своих особенностях совпадает с нижневычегодским, но не совпадает с двумя другими говорами, в других своих чертах тождественен с среднесыольским, но отличается от прочих соседних говоров, в третьих своих особенностях совпадает с верхневычегодским, но разнится от других двух говоров. Об этом ясно говорит следующая сравнительная таблица.

Сыктывкарск. Среднесыс. Нижневыч. Верхневыч.

а) Сыктывкарск. говор не совпадает с среднесыольским.

л — в в конце слога.

вѡв	вѡл	вѡв	вѡв	„лошадь“
вѡвла	вѡлла	вѡвла	вѡвла	„за лошадью“

-йт — -ть в конце слога.

квйт	кват'	квйт	квйт	„шесть“
н'айт	н'ат'	н'айт	н'айт	„грязь“

Форма 3 л. мн. ч. неочевидн. прош. вр.

мунѡмаѡс'	мунѡмны	мунѡмаѡс'	мунѡмас'	„они ушли“
-----------	---------	-----------	----------	------------

1. л. множ. ч. глагола.

мунам	мунамѡ	мунам	мунам	„идѣм“
-------	--------	-------	-------	--------

Наличие или отсутствие срав. пад.

мортыс'	мортс'а	мортыс'	мортыс'	„чем человек“
---------	---------	---------	---------	---------------

Разная лексика.

ч'ой	соч'	ч'ой	ч'ой	„сестра“
------	------	------	------	----------

Разная семантика.

вины	вины	вины	вини	
„убить“	„бить“	„убить“	„убить“	

б) Сыктывкарский говор не совпадает с нижневычегодским.

К- и г- в начале слова перед э и и.

гиж	гиж	д'иж	гиж	„пиши“
кэр	кэр	т'эр	кэр	„бревно“

Суффиксальное *ы-э* после мягк. согл.

уз'ѡ	уз'ѡ	уз'э	уз'э	„спит“
пач'ын	пач'ын	пач'ин	пач'ин	„в печке“

Именит. и вин. падежи личн. мест. 3 л.

сийѡ	сийѡ	сийа	сийа	„он“
сийѡс	сийѡс	сийэ	сийэ	„его (в. п.)“

Отрицательн. глагол прош. времени.

эг	эг	иг	эг	„я не“
эн	эн	ин	эн	„ты не“

Уменьшительные суффиксы: прилагат.

косин'ик	косин'ик	косин'з'и	косин'ик	„сухонький“
----------	----------	-----------	----------	-------------

Разная лексика.

йэшчѡ	йэшчѡ	нѡшта	йэшчэ	„ещѣ“
эм	эм	выйим	эм, выим	„есть, имеется“
ич'ѡт	ич'ѡт	з'ѡл'а	з'ол'а, ич'эт	„маленький“

в) Сыктывкарский говор не совпадает с верхневычегодским.

Гласные *э-и* в суффиксальных слогах.

мунѡ	мунѡ	муѡ	мунэ	„идѣт“
мунны	мунны	мунны	мунни	„идти“

Падежный суффикс после гласной основы.

кэркаын	кэркаын	кэркаын	кэркан	„в избе“
			кэркаинн	
кэркаѡ	кэркаѡ	кэркаѡ	кэрка, кэркайэ	„в избу“.

II. ФОНЕТИКА.

I. ДРЕВНЕЙШИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

A. ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Отпадение конечных гласных в пермских языках.

§ 39. Если мы сравним слова пермских языков со словами других финноугорских языков, то заметим, что слова пермских языков обыкновенно короче слов многих родственных языков — мордовского, финского и т. д.; сравните, например, следующие слова: коми *сизь* „дятел“, удм. *сизь*, марийск. *шиштэ*, финск. *hähnä*, саамск. *чаихнэ*; коми *шөрт* „пряжа, нитка“, удм. *шорт*, марийск. *шуртö*, финск. *hursti*; коми. *шуд* „счастье“, удм. *шуд*, эрзя-морд. *чандо* „цена, стоимость“, финск. *hintä* „цена“, коми *нэль* „4“, удм. *нъль*, эрзя-морд. *ниле*, финск. *neljä*, саамск. *нэ́йэ*, мансийск. *нил'а*; коми *поз* „гнездо“, удм. *пуз* „яйцо“, эрзя-морд. *пизэ* „гнездо“, финск. *pesä* „гнездо“.

Приведённые слова являются словами единого происхождения, они унаследованы ещё от финноугорского языка-основы. Различие в звучании этих слов современных финноугорских языков объясняется тем, что отдельные финноугорские языки в период своей обособленной жизни пережили определённые звуковые процессы, получившие отражение в вышеприведенных словах, в частности, мы наблюдаем отсутствие конечного гласного в пермских языках.

Это отсутствие конечного гласного объясняется тем, что в пермских языках некогда произошло отпадение конечного гласного основы слова. В финноугорском языке-основе как именные, так и глагольные основы обыкновенно были двусложные или многосложные и оканчивались на краткий гласный звук. Этот гласный звук в определённых суффиксальных формах сохранился во всех финноугорских языках. В именительном же падеже, который в финноугорских языках не оформлен падежным суффиксом, этот конечный гласный звук

в некоторых языках сохранился (в финском, саамском, мордовском и т. д.), в пермских же языках и в венгерском он в большинстве случаев отпал.

В каких же случаях в пермских языках этот конечный гласный отпал и в каких сохранился? Сравнивая коми слова *бур* „добрый, хороший, добро“ и удм. *бур* со словами других финноугорских языков — мар. *поро*, морд. *паро*, финск. *para-*, саамск. *буорре*, мы заметим, что в пермских языках конечный гласный отсутствует. Это отсутствие конечного гласного мы видим не только в форме именительного падежа, но и в некоторых других формах словоизменения; например, в следующих формах в конце основы мы не наблюдаем гласного звука — основа, как и в именительном падеже, оканчивается на согласный звук: *бурлӧн* „у хорошего“, *бурлы* „хорошему“, *бурсӧ* „хорошего-то“ и т. д. С точки зрения современного языка основой слова является *бур-* также и в следующих формах слов: *бурӧн* „добром“, *бурӧсь* „хороши“ и т. д. Но с точки зрения истории языка в этих словах второй гласный звук относится не к суффиксу, а к основе слова; раньше грамматическую функцию выполнял согласный звук без предшествующего гласного; слово расчленялось на морфемы следующим образом: *бурӧ-н8**, *бурӧ-с8*. Впоследствии граница между морфемами изменилась, конечный гласный звук основы примкнул к суффиксам, произошел процесс переразложения, вызванный отпадением конечного гласного суффикса *бурӧ-н8* → *бур-ӧн*, *бурӧ-с8* → *бур-ӧс*.

В некоторых формах слов пермских языков конечный гласный основы взял на себя функцию суффикса, некогда следовавшего за основой и впоследствии отпавшего, например: **мэӧ-м* > *мэӧ-ӧ* „меня“, **карӧ-к* > *кар-ӧ* „в город“ (см. § 59).

Итак, конечные гласные основы, имевшие место в финноугорском языке-основе, в пермских языках или отпали, или примкнули к суффиксам, сделавшись составным элементом их (*бур-ӧн*), или же взяли на себя функцию суффикса (*мэӧ-ӧ*).

§ 40. Процесс отпадения конечных гласных в пермских языках охватил большое количество слов финноугорского происхождения, мы можем привести целые сотни примеров на такое отпадение. Кроме вышеприведённых, мы приведём ещё следующие примеры:

- коми *бӧр*, удм. *бер* „задняя часть“, финск. *perä*;
- коми *гӧн*, удм. *гон* „волос, шерсть, перо“, финск. *кунä*;
- коми *гӧп*, удм. *гон* „ямка, лужа“, финск. *kuoppa*;

* Знаком 8 обозначаем неизвестный гласный заднего ряда, а знаком ӧ — неизвестный гласный переднего ряда.

коми *гырк* „внутренность“, удм. *гырк* „дупло“, марийск. *кӱргӱ* „внутренность“, морд. *кирга* „горло“, финск. *киркки* „горло“;

коми и удм. *ыж* „овца“, мокша-морд. *уча* „овца“, мар. *ыжга* „шуба“;

коми и удм. *кык* „два“, эрзя-морд. *кавто*, финск. *kahle-*;

коми *ньӧв*, удм. *ньӧл* „стрела“, финск. *piole-*;

коми *сӧп*, удм. *сэп* „желчь“, эрзя-морд. *сэпе* „горечь“, финск. *sappe-* „желчь“;

коми и удм. *сӧн* „жила“, финск. *suone-*;

коми *сыл*, удм. *сул* „сажень“, финск. *sule-*;

коми *син* (*синм-*), удм. *син* „глаз“, эрзя-морд. *сельме*, финск. *silmä*;

коми и удм. *сюр* „рог“, эрзя-морд. *сюро*, финск. *sarve-*;

коми и удм. *шыр* „мышь“, финск. *hiire-*;

коми *тӧв*, удм. *тол* „зима“, мар. *тэлэ*, эрзя-морд. *теле*, финск. *talve-*;

коми *тош* (*тошк-*), удм. *туш* „борода“, финск. *tähkä* „колос“;

коми *ва*, удм. *ву* „вода“, финск. *vete-*;

коми и удм. *вир* „кровь“, финск. *vere-*;

коми *воль* „оленья шкура“, финск. *vuode* „постель“;

коми *вом* „рот, устье“, удм. *ым*, финск. *ove-* „дверь“;

коми *вуг* и удм. *вугы* „рукоятка, черенок“, мар. *отго* „петля“, финск. *opke-* „удочка“;

коми *во* „год“, финск. *vuote-*;

коми *вудж* „лук (оружие), шерстобитный смычок“, удм. *вуж*, финск. *vante-*.

§ 41. Все ли конечные гласные отпали в тех словах пермских языков, которые унаследованы от финноугорского языка-основы? Нет, не все. В коми и удмуртском языках имеется немало таких слов, в конце которых сохранился старый финноугорский гласный, например:

коми *лыа*, диалектн. *лыва*, удм. *луо* „песок“, финск. *liiva*;

коми *горда* „кряква (утка)“, удм. *гурдо*, норвежско-саамск. *гурттэ*;

коми *яла* „ягель“, финск. *jäkälä*;

коми *сьӧла*, удм. *сяла* „рябчик“, мансийск. *шула*;

коми *кола* „лесная избушка“, удм. *куала* „шалаш-кухня“, мар. *кудо* „шалаш“, финск. *kota* „хижина, шалаш“;

коми *сёрни* „разговор“, финск. *saarna* „проповедь“;

коми и удм. *зарни* „золото“, мар. *шӧртньӧ*, эрзя-мордовск. *сырне*;

коми *чукчи* „глухарь“, норвежско-саамск. *чукча*; и т. д.

Знаменательно, что эти слова, в которых сохранился конечный гласный звук, оканчиваются или на гласный ниж-

него подъёма (-а, в удмуртском языке конечное -о вторичного происхождения, оно развилось из -а в тех словах, где в предыдущем слоге стоит огублённый гласный о или у, под влиянием этих последних — из *луа, *гурда получилось луо, гурдо), или же на гласный верхнего подъёма (и, ы). Гласные среднего подъёма (э, ё) в конце слов древнего происхождения в пермских языках не встречаются: эти гласные в пермских языках отпали. На то, что отпавшими гласными являлись гласные среднего подъёма, указывает также финский язык, сохранивший гласные звуки в весьма архаичном виде — в финском языке в большинстве примеров на отпадение конечных (см. § 40) мы видим в конце основы гласный среднего подъёма -е- или -ä-.

На то, что отпавший звук был гласным среднего подъёма, указывают также современные коми и удмуртский языки, в которых сохранился этот звук в суффиксах в виде гласных среднего подъёма ё, э, например: коми литературн. черён, диалектн. (ижемск. и верхневычегодск.) ч'эрэн, удм. тирен „топором“; коми литер. гортё, диалектн. (иж. и верхневыч.) гортэ, удм. гуртэ „домой“; коми литер. петё, диал. (иж. и верхневыч.) пэтэ, удм. потэ „выходит“ и т. д. (выделенные звуки некогда являлись конечными звуками основы слова).

На это же указывают и чувашские заимствования, попавшие в пермские языки ещё в общепермскую эпоху: конечные -а и -и (-ы) в них не отпали, а конечное -э (-ä) отпало, например:

коми *шабала*, удм. *шабала* „отвал у сохи“ из чувашск. *шабала;

коми *кольта*, удм. *культо* „сноп“ (из *кол'та) заимствовано из чувашск. *кол'та;

коми *чарла*, удм. *сюрло* „серп“ (из *с'орла) заимствовано из чувашск. *с'орла;

коми *сюри*, удм. *серы* „шпулька, цевка“ заимствовано из чувашского *сере.

Коми *кёч* „заяц“, удм. *кеч* „коза, заяц“ из чувашского *кăчă (собственно, *кече* с широким е).

Итак, мы можем констатировать следующее: конечные гласные среднего подъёма в пермских языках отпали; гласные нижнего подъёма (а) и гласные верхнего подъёма (и, ы) во многих случаях сохранились — последнее относится, главным образом, к удмуртскому языку (см. ниже § 53).

Вообще, в эпоху перед распадением общепермского языка-основы в конце слов имелись только гласные нижнего подъёма (а) и верхнего подъёма (и, ы), а гласных среднего подъёма не было. Такое состояние в общем и целом сохранилось и до сих пор в коми языке, где гласные среднего подъёма (ё, э, о) встречаются только в определённых условиях.

§ 42. В абсолютном конце слова современного коми языка гласные среднего подъёма встречаются в следующих категориях лексики:

а) в заимствованных словах, попавших в коми язык позднее, чем чувашские, т. е. тогда, когда закон отпадения гласных среднего подъёма уже не имел силы, например: *перõ* (диалектн. *пэрэ*) из русск. *перо*, *платьё* (диалектн. *плат'тэ*) из русск. *платье*, *бытьё* „как будто“ из русск. *будто* и т. д.

б) в словах, где конечный гласный несёт грамматическую функцию (является суффиксом или входит в состав суффикса): *мунõ* (диалект. *мунэ*) „идёт“, *огõ мунõ* (диалектн. *огэ мунэ*) „не идём“, *карõ* (диалектн. *карэ*) „в город“ и др.

в) в сложных словах, в которых составные части во время отпадения конечных гласных ещё сознавались: *гашкõ* „может быть, наверно“ (из **гаж-кõ* „если угодно“), *вичкõ* „церковь“ (из **виз'-ко* < **виз'-кола* „молитвенный дом“) и т. д.

г) в словах, образованных из звательной формы с суффиксом *õ* и употребляемых обыкновенно в детском языке: *чибõ* „жеребёнок“, *ляльõ* „рубашка“, *кекõ* „рука, рученька“, *няньõ* „хлеб“ и т. д.

§ 43. Мы видели, что конечные гласные звуки определённого качества (по преимуществу гласные среднего подъёма) в пермских языках отпали. Возникает вопрос, когда же произошло это отпадение? Точно установить время отпадения весьма трудно, так как в нашем распоряжении нет древних памятников письменности. В древнепермских памятниках письменности отражается язык коми лишь XIV—XV веков. В это время в интересующих нас словах коми языка конечных гласных уже не было, ср. древнепермск. *ва*, финск. *vete* „вода“; древнепермск. *кыл*, финск. *kiele* „язык, слово“; древнепермск. *синм-*, финск. *silmä* „глаз“ и др.

В обскоугорские языки коми слова попали тоже без конечного гласного (коми наиболее интенсивные сношения с обскими уграми имели в XIII—XVI вв.): хантыйск. *туш* из коми *тош* (собственно **тош*) „борода“, хант. *сип* из коми *соп* „желчь“ и др.

Слова, попавшие в пермские языки из разных индоиранских языков (а это могло случиться до появления тюркоязычных булгар на Средней Волге, т. е. до VI—VII века), потеряли конечный гласный, например: коми и удм. *сюр*, финск. *sarve-*; коми и удм. *ма* „мед“, финск. *mete-*; коми *морт*; удм. *мурт* „человек“, мокша-морд. *мирде* „муж“ и т. д.

Однако, конечное *а* и *и* во многих иранских заимствованиях сохранились, например: коми-перм. *пода*, удм. *пудо* (из **пода*) „скот“, ср. таджикск. *пода* „стадо“; коми-зыр. *тасьти*, удм. *тусьты* „миска“, иранск. *таш'ти*; коми и удм. *зарни* „золото“ и др.

На основании приведённого материала мы можем сделать следующий вывод: отпадение конечного гласного среднего подъёма произошло ещё в общепермскую эпоху, позднее этот звуковой закон уже не имел силы, поэтому слова, попавшие в удмуртский и коми языки в период их обособленной жизни, не подпали под этот звуковой закон и сохранили конечный гласный звук, например: удм. *бече* „сосед, родственник“ из чув. *пичче*; коми *море* из русск. *море*; коми *тӧщӧ* „пустой, полый“ из северно-русск. *тощій*.

Отпадение конечного гласного *и* в коми языке.

§ 44. Мы уже говорили, что не все конечные гласные отпали — гласные *а* и *и* (*ы*) оказались весьма устойчивыми, при этом, нужно заметить, что конечный звук *и* (*ы*) оказался устойчивым только до конца общепермского периода. В конце общепермского периода и после распада общепермского языка-основы он сохранил свою устойчивость лишь в удмуртском языке, а в коми языке он исчез. Об исчезновении конечного *и* (*ы*) свидетельствуют нижеприведённые примеры:

коми *пон* (вторая основа *понй-*), удм. *пуны* „собака“, финск. *peni*;

коми *гум* (*гумй-*), удм. *гумы* „полый стебель растений“, финск. *käämi*;

коми *лым* (*лымй-*), удм. *лымы* „снег“, финск. *lute-*;

коми *чаль* (*чал'л'-* из **чал'й-*), удм. *чӧльы* „мизинец“, эстонск. *tsil'l'i*;

коми *чир* (*чирй-*) „мельчайшая часть чего-нибудь“, удм. *чыры* в выражении *чыры-пыры* „мелочь“, финск. *siru* „осколок, обломочек, кусочек“;

коми *дар* (*дарй-*), удм. *дуры* „уполовник, разливательная чашка“ заимствовано из иранских языков, ср. древнеиндийск. *дарви-*.

Из примеров ясно, что общепермский конечный гласный верхнего подъёма в удмуртском языке сохранился в виде *-ы* (в диалектах также *-и*), а в коми языке отпал, оставив следы в виде вставочного звука *й-*, появляющегося при словоизменении и словообразовании перед гласным звуком суффикса, например: *лым* „снег“, *лым-й-ӧн* „снегом“, *лым-й-ысь* „из снега“, *лым-й-ӧ* „в снег“, *лым-й-ыд* „снег-то, твой снег“, *лым-й-а* „со снегом, снежный“ и т. д.

Когда произошло отпадение конечного *-и* в коми языке? Чувашские заимствования, попавшие ещё в общепермский язык, в коми языке потеряли конечный гласный: коми *куд* (*кудй-*) „лукошко“, удм. *куды* из чувашск. (ср. современное чувашск. *кунта*), коми *гоб* (*гобй-*) „губчатый гриб“, удм. *губи* из чувашск. (ср. современное чувашск. *кампа*), об исчезнове-

нии носовых *н* и *м* в этих чувашских заимствованиях см. § 62. Но в одном чувашском заимствовании конечное *-и* в коми языке не исчезло: коми *сюри*, удм. *серы* „шпулька“ (современное чувашское *сере*).

Посмотрим, как обстоит дело с отпадением конечных гласных в вепско-карельских заимствованиях коми языка. В следующих вепско-карельских заимствованиях конечные гласные отпали: коми лузск. *кас'* „кошка“ из карельск. *кас'и*, коми *пач* „печка“ из карело-вепск. **пачси* (ср. олонечно-кар. *пӓтчи*, вепск. *пӓтс*), коми *чан* „дубец цепа“, в нижневычегодском диалекте „цеп“ из карело-вепск. **ч'ианпи* (ср. кар. *ч'ианпи*, вепск. *ч'ан*) — впрочем, последние два слова могли попасть в коми язык из такого диалекта прибалтийско-финских языков, в котором конечный гласный уже отсутствовал (ср. вепские формы этих слов *пӓтс*, *ч'ан*).

В удорском и нижневычегодском диалекте коми языка имеются отдельные вепско-карельские заимствования (уд. *аллы* „вид ныряющей птицы“ из вепско-кар. **алли*, нижневыч. *сабри* „стог“ из олонечно-кар. *саабри*), в которых конечный гласный не отпал.

В русских заимствованиях конечный гласный *-и* обычно сохраняется, например: коми *гужи* из русск. *гужи*, коми *часи* из русск. *часы*, коми *кӧти* из русск. *коты* и др. Однако имеются два заимствования, в которых конечный гласный *-и* отпал: коми *лызь* „лыжи, обитые шкурой“ из древнерусского **лыж'и* (древнерусские мягкие *жь* и *шь*, отвердевшие в русском языке около XIV в., в коми языке передаются через *с'* и *з'*); коми-зырянск. *гач* „штаны“ из древнерусск. *гачи* (ср. старославянск. *гашти*, общеславянск. **гатѣа*).

Таким образом, часть чувашских и вепско-карельских заимствований, а также древнейшие русские заимствования претерпели отпадение конечного гласного *-и*, попали под этот звуковой процесс (*куд*, *гоб*, *кась*, *лызь*, *гач*), а другая часть (значительно меньшая) чувашских и вепско-карельских заимствований (*сюри*, *сабри*, *аллы*) не попала под звуковой процесс *tati > tat* (под *t* понимается всякий согласный звук, а под *a* — всякий гласный), следовательно, эти последние слова были заимствованы коми языком тогда, когда звуковой закон *tati > tat* в коми языке уже не имел силы. Отсюда можно сделать вывод, что этот звуковой закон имел силу в коми языке в то время, когда предки коми имели соприкосновения с чувашами (на юге) и с вепско-карелами и русскими (в северодвинском бассейне), при этом в конце чувашско-коми и вепско-карельско-коми соприкосновений процесс *tati > tat* в коми языке прекратился.

Принимая во внимание то, что у коми-зырян имелась непосредственная связь с вепско-карелами примерно в X—XIII вв., а южные коми в этот период, по-видимому, ещё не потеряли

связи с чувашами, с русскими же встретились коми-зыряне не позднее XI века, мы можем сделать вывод относительно времени действия звукового закона $tati > tat$ в коми языке: отпадение конечного гласного *-и* (*ы*) в коми языке произошло около XI—XII вв. Все слова, попавшие в коми язык после этого времени, сохранили конечное *-и* (*сюри*, *сабри*, *кӧти*, *тюни*, *часі* и т. д., см. § 45). В словах же, имевшихся в коми языке до этого периода, конечный гласный *-и* отпал, если он не попал под воздействие иных законов конца слов. Необходимо специально остановиться на рассмотрении слов коми языка, в которых конечный гласный *-и* сохранился.

§ 45. Конечное *-и* в двусложных и многосложных словах коми языка сохранилось в следующих категориях слов: а) в поздних заимствованиях, б) в сложных словах, в) в словах, в которых конечное *-и* несёт грамматическую функцию, г) в словах, в которых некогда за конечным *-и* следовал согласный звук, отпавший после прекращения действия $tati > tat$, д) после сочетаний определённых согласных.

а) Поздние заимствования с конечным *-и* в основной своей массе являются заимствованиями из русского языка, попавшими в коми язык в разное время. Оригиналом этих заимствований послужила форма множественного числа русского языка, воспринятая коми языком как основа слова, например: *кӧти* „коты (обувь)“, *вески* „весы“, *вӧжжси* „вожжи“, *клещици* „клещи“, *моски* „мостки, тротуарчик“, *угри* „угри“, *тиӧтки* „счёты“, *часі* „часы“, *гужси* „гужи“, *ӧчки* „очки“, *лясни* „ясли“, *чувки* „чулки“, *носки* „носок“, *ветки* „маленькая лодка“ и др.

Из других заимствований назовём уже упомянутые в предыдущем § чувашское *сюри* „шпулька“, вепско-карельское *сабри* „стог“, также ненецкое *пими* (ненецк. *пиме*) „обувь из оленьего меха“, коми-перм. „валенки“.

б) Сложные слова: *мазі* „пчела“ (*ма* „мёд“, *зі* „вид насекомого“); *йики* „ость, усик колоса“ (ср. удмуртск. *ю* „зерно, хлеб“ и удорск., лузско-летск. и иньвенс. *кы* „ость“); *изки* „жёрнов“ (ср. коми *из-* „молоть“, удмуртск. *кӧ* „жёрнов“, марийск. *кӱ* „камень“, коми *из-ки* обозначало „камень для помола“).

в) Слова с конечным *-и*, несущим грамматическую функцию: *шӧри* „пополам“ (*шӧр* „середина“), *ылі муніс* „вдали (на вопрос *где?*) шёл“ (*ыл-* „даль“), *вылі* „в вышине“ (*выл-* „верх“), *улі* „по низу“ (*ул-* „низ“) и т. д.

г) За конечным *-и* некогда был согласный: *тури* „журавль“ (ср. хантыйск. *тарэх*), коми *чери*, лузск. *чериг*, удм. *чорыг* „рыба“; *посни* „мелкий“ из *поснид*, *векни* из *векнид*, *сідзи* из *сідзик* „так“ и др.

д) Конечный гласный *-и* сохранился после сочетаний определённых согласных *-рн-*, *-рж-*, *-льс-*, *-мль-*, *-нд-*,

-сьт- и т. д., например: *зарни* „золото“, *сёрни* „разговор“, *аржи* „сарафан из грубого холста“, *кальсі* „клест“, *кумли* „лоток в виде корытца“, *письти* „оспа“, *тасьті* „миска“, *шонді* „солнце“.

Возникает вопрос, почему отпали конечные гласные, чем было вызвано это явление? Явление отпадения конечных гласных в языках встречается довольно часто. Мы знаем, что конечные гласные отпали не только в пермских языках, но и в венгерском. Далее, мы наблюдаем аналогичное явление и в индоевропейских языках (в английском, в романских и т. д.). В русском языке конечные гласные тоже отпали во многих словах (чтобы > чтоб, остави > оставь, писати > писать и т. д.). В процессе общения конечные безударные гласные постепенно ослабевают в произношении, „выветриваются“ и в конце концов отпадают.

Последствия отпадения конечных согласных.

§ 46. Таким образом, процесс отпадения конечных гласных протекал в два приёма, в два разных периода времени: в общепермский и общекоми периоды. Общепермское отпадение конечных гласных произошло в глубокой древности, оно охватывает период существования общепермского языка-основы вплоть до появления булгар на Средней Волге. Под действие этого звукового явления попало громадное количество слов общепермского языка: гласные отпали во всех тех словах, в конце которых не стояли *-а* или *-и (-ы)*, а таких слов, в которых в конце стоял иной гласный, а не *а, и (ы)*, были сотни.

Второе, общекоми, отпадение конечных гласных было более поздним и охватило меньшее количество слов, при этом, если первое охватило (поскольку оно протекало ещё в общепермскую эпоху) и удмуртский язык, то второе отпадение гласных коснулось только коми языка. Под второе отпадение конечных гласных попало тоже много десятков слов коми языка.

Эти два процесса отпадения конечных гласных коренным образом изменили весь облик коми языка; так например, вследствие отпадения гласных в конце слова появились закрытые слоги, чего раньше не было (в финноугорском языке-основе слово всегда оканчивалось на краткий гласный звук): из **куусэ* образовалось *коз* „ель“, из **бобылі* — *бобыв* „бабочка“ и т. д.; образовалась масса односложных слов, которых в языке-основе не было: из **пэръ* получилось *.бёр* „задняя часть“, из **виитэ* — *вит* „пять“, из **вэтэ* — *ва* „вода“ и т. д.

Кроме того, отпадение конечных гласных вызвало целый ряд изменений в области гласных и согласных коми языка, как-то: появление гласных между согласными некоторых сочетаний, отпадение конечного согласного из сочетания соглас-

ных, образование вставочных звуков, сужение гласных корневого слога и т. д.

Остановимся на рассмотрении этих явлений.

§ 47. После отпадения конечного гласного в конце слова очутились сочетания согласных: *-бр*, *-тр*, *-гр*, *-йм*, *-рн*, не свойственные пермским языкам; в целях устранения этих необычных, трудно произносимых сочетаний согласных произошла вставка гласного звука между согласными этих звукосочетаний. Такие гласные, например, появились в следующих словах:

габыр, *кабыр* „кулак“ из **кабр* < *кабрэ*, ср. финск. *копра*, карельск. *кобра*; сочетание *-бр-* сохранилось в производных словах перед гласным звуком суффикса: *кабравны* „мять, сжимать в руках“;

котыр „группа (о людях)“ из **котр* < **котрэ*, ср. финск. *katra*;

гöгöр „кругом“ из **гöгр* < **гöгрэ*, ср. финск. *кöуру* (< **кöүр-*); сочетание *-гр-* без вставочного гласного встречается в производных словах: *гöгравны* „кружиться“, *гöгрöс* „круглый“;

куйим „три“ из **куйм* < **кулм* < **колмс* (см. § 64), ср. эрзя-мордовск. *колмо*, финск. *kolme*; сочетание *-йм-* без вставочного гласного сохранилось в порядковом числительном *коймöд* „третий“;

кырым „рука“, удм. *кырым* „горсть“ из **кырм* < **кырмэ*, ср. марийск. *кормыж* „горсть“, мокша-морд. *курмозь*;

пöйим „зола“ из **пöйм* < **пöймэ*, ср. финск. *pelme*;

турун, удм. *турын* „трава, сено“ из **турн* < **турнэ*, ср. финск. *tarna*; сочетание *-рн-* сохраняется в некоторых производных словах: коми лузск. *турналны* „работать на сенокосе“, удм. *турнаны* „косить“, *турнась* „косец“;

чабыр „кулак“ из **чабр* < **чабрэ*, ср. карельск. *чоброттоа* „пробовать пальцем“.

§ 48. Мы рассмотрели явление вставки гласного между двумя согласными, очутившимся в конце слова после отпадения конечных гласных; таким образом было устранено трудно произносимое сочетание согласных конца слов. Устранение неудобопроизносимых сочетаний конца слов происходило и другим путём — путём пропуска второго (конечного) компонента сочетания согласных, при этом в определенных сочетаниях согласных второй компонент бесследно исчезал. Так например, в пермских языках бесследно исчезли (отпали) конечный согласный *-в* в сочетании *-рв* и *-н* в сочетании *-звн-* в следующих словах:

йир „омут, глубокое место в реке, озере“ из **йирв* < **йöрвэ*, ср. финск. *järvi* „озеро“;

пур, удм. пур „плот“ из *пурв < *парв8, ср. финск. *parvi*; коми и удм. пызь „мука“ из *пыз'н < *п8з'н8, ср. летск пыз'на „мучной“, пыз'налны „посыпать мукой“, удм. пызьна-ны „посыпать“, мансийск. пасэн „мука“;

коми и удм. сизь „дятел“ из *с'из'н < *с'из'н8, ср. финск. *hähnä*.

В этих словах согласные *в* и *н* бесследно исчезли, они в коми языке не восстанавливаются при словообразовании и словоизменении. Но в коми языке не все отпавшие согласные бесследно исчезли: некоторые согласные, отпавшие в конце слова, восстанавливаются при словоизменении и словообразовании. Таковыми являются так называемые вставочные звуки. Рассмотрим, как образовались эти вставочные звуки.

§ 49. В финноугорском языке-основе в середине слова было большое количество разнообразных сочетаний согласных. Эти сочетания согласных в пермских языках после отпадения конечных гласных очутились в конце слова. Часть из сочетаний конца слова сохранилась без изменения. Таковыми являются, например, следующие: *-рп*, *-рп*, *-рк*, *-рд*, *-льк* и некоторые другие; ср.: *тырп* „губы“, финск. *turpa* „морда“; *пöрт* „котёл“, финск. *purtilo* „корыто“; *гырк* „внутренность (человека)“, мар. *кöргö*; *берд* „стена (мера холста)“, удм. *борд* „стена, забор“, финск. *parte* „балка“; *пельк* „чистый, опрятный; ловкий“, финск. *pelkkä* „чистый“.

Рассмотренные сочетания не противоречат фонетическим законам коми языка. Но имелись в финноугорском языке-основе такие сочетания согласных, которые не свойственны коми языку, поэтому второй компонент этих сочетаний, очутившийся в пермских языках в конце слова, отпал. Такое отпадение мы наблюдаем в следующих случаях: а) отпадение конечного *-м* в сочетании *-нм*, б) отпадение *-к* в сочетаниях *-ск*, *-ськ*, *-шк* и в) отпадение *-т* в сочетаниях *-пт*, *-кт* (вставочный звук *й* иного происхождения, поэтому рассмотрим мы его отдельно).

Вставочные звуки обладают одним общим свойством: они в конце слова и в середине слова перед согласным отсутствуют, а в середине слова перед гласным звуком восстанавливаются, например: *син* „глаз“, *синтöг* „без глаза“, *синмö* „в глаз“, *синмысь* „из глаза“; *мус* „печень“, *муссянь* „от печени“, *мускын* „в печени“, *мускыс* „его печень“; *шеп* „колос“, *шептöг* „без колоса“, *шепсянь* „от колоса“, *шептын* „в колосе“, *шептö* „колос-то (вин. п.)“.

Однако вставочные звуки в современном языке появляются не во всех тех словах, в которых имелись выше перечисленные сочетания согласных: появляются только в части слов, а в другой части слов они бесследно исчезли. Но зато по аналогии появляются они иногда в таких словах, в которых никогда их и не было. Примеры на указанное явление мы приведём при рассмотрении истории вставочных звуков.

§ 50. Финноугорское *-лм-* во многих словах пермских языков перешло в *-нм-* (см. § 64). После отпадения конечного гласного это *-нм-* очутилось в конце слова, вследствие этого второй компонент этого сочетания отпал, например:

син „глаз“ (*синм-ын* „в глазу“), удм. *син* (*синм-*), финск. *silmä*, морд. *сельме*;

ен „бог“ (*енм-ӧс* „бога“), удм. *ин* (*инм-*) „небо“, финск. *ilma* „воздух, погода“;

он „сон“ (*онм-ыс* „его сон“), удм. *ум* (*умм-* из **унм-*), мансийск. *уулэм*.

В следующих словах звук *-м-* восстанавливается только в удмуртском языке:

коми *ён* „сильный“ (*ёнӧс* „сильного“, *ёна* „сильно“ — вставочный звук *м* не появляется), удм. *юн* (*юнм-*) „крепкий, твёрдый, прочный, упругий“, финск. *julma* „жестокий, грозный, свирепый, страшный“;

коми *кын* „мёрзлый“, удм. *кын* (*кынм-*), мар. *кылмэ* „мёрзлый“, эрзя-морд. *кельме* „холод, холодный“, финск. *kylmä* „холодный“.

Отпавший звук *-м* не восстанавливается в коми языке (в удмуртском языке нет соответствующих слов):

кень „пенка“ (*кеньыс* „пенка-то“, *кеньын* „в пенке“), финск. *kelme*;

сён „долина, низкое место“, финск. *salmi* „канал, залив, пролив“;

кун в слове *кун-ва* „щёлок“, финск. *kulma* „пыль, грязь“.

По аналогии с приведёнными словами этот вставочный звук иногда появляется в таких словах, в которых раньше не было этого звука, например: *зон* „парень“ (*зонм-ӧс* „парня“, *зонм-ыс* „парень-то, его парень“) — слово заимствовано из иранск., где этого *-м-* нет (ср. осетинск. *занӕг* „мальчик“, авестийск. *зан-*).

§ 51. В аналогичных же условиях происходило отпадение *-к*, входившего в состав сочетаний *-ск-*, *-ськ-* и *-шк-* и очутившегося после отпадения конечных гласных в конце слова. Приведём примеры:

кос „поясница“, *коск-ӧ* „в поясницу“, *коск-ын* „в пояснице“, удм. *кус* (*куск-*) „то же“, финск. *keski* „средний, центральный“;

тош „борода“ (*тошк-ыс* „его борода“), удм. *туш* (*тушк-*), мар. *тушкӓ* „волос бороды“, финск. *tähhä* „колос“;

юсь „лебедь“ (*юськ-*), удм. *юсь* „то же“, мар. *йүкшӧ* „то же“;

ӧш „бык“ (*ӧшк-ӧс* „быка“), удм. *ош* (*ошк-*) „то же“, мар. *ушкүж* „то же“.

В следующих словах сначала в пермских языках произошла перестановка согласных (*-кс->-ск-*, *-ксь->-ськ-*), потом лишь отпадение конечного *-к*:

мус „печень“ (муск-ын „в печени“), удм. мус (муск-) из *макс8, ср. морд. максима, финск. taksa „то же“;
сос „рукав“ (соск-ыс „его рукав“) из *сокс8, ср. мар. шокиш „то же“.

В следующих словах пермских языков -к не восстанавливается, хотя этот звук и существовал в финноугорском языке-основе:

õс в слове õдзõс „дверь“ (õдз-õс обозначало „передняя дверь“, удм. õс „дверь“ из *õск < *õкс8, ср. финск. uksi;
кутиш „орёл“, мар. куткыж „то же“, финск. kotka „то же“;
кот в слове кодзув-кот „муравей“, мар. кутко „то же“, эрзя-морд. коткодав „то же“, саамск. котка.

В коми языке встречается немало таких слов, где вставочный звук -к- появился в силу аналогии со словами типа тош — тошкын, кос — коскын и т. п. (раньше, до отпадения конечных гласных, в нижеприведенных словах звука -к- не было). Таковыми являются, например, следующие:

потш „жердь (в изгороди)“, потшõс „изгородь“ (потш-кõн „жердью“), удм. пуч „жердь“, мар. пицэ, пэчэ „прясло, изгородь“, финск. piha „двор“;

нõш „колотушка“ (нõшк-õн „колотушкой“), удм. нушы „то же“, финск. pähjä „дубина, палица“;

пыш „конопля“ (пышк-õн „коноплей“), удм. пыш „то же“, мар. пачаш „посконь“.

Вставочное -к- появляется также в русских заимствованиях, в оригинале которых не было этого звука, например:

тьõс „тёс“ (тьõск-õн „тёсом“);
шыш „бродяга“ (шышк-õс „бродягу“) из русск. шиш; ср. шиш вятск. „шатуи, бродяга, вор“ (Даль).

§ 52. В финноугорском языке-основе имелись сочетания согласных, вторым компонентом которых был -т-, например: коми локта, удм. лыкто „приду“, мар. ләктәм „выхожу“, финск. lähteä „отправляться, выходить“. После отпадения конечных гласных эти сочетания в пермских языках очутились в конце слова, и конечный согласный -т отпал в тех сочетаниях согласных, которые не свойственны пермским языкам в конце слова и перед согласным звуком (-кт, -пт), например:

лок „иди“ из *локт < *лаккл;

тык „поперечное дерево“ (тыкт-а пыж „две лодки, соединённые поперечными жердями“), мар. тэкте „ребро“, манс. тохт;

коми и удм. кык „два“ (удм. кыкт-этй „второй“, в коми языке вставочный звук не появляется), мар. коктыт, финск. kahde- „два“.

Во многих словах вставочное -т- вторичного происхождения, например:

гõп „ямка, углубление, маленькое озеро“ (*гõпт-ын* „в ямке“), удм. *гон*, мар. *куп* „болото“, финск. *киорра* „яма“;

сõп „желчь“ (*сõпт-ыс* „желчь-то, его желчь“), эрзя-морд. *сэпе* „горечь“, венг. *ере* „желчь“;

лоп „селезёнка“ (*лопт-ыс* „его селезёнка“), удм. *луп* „то же“, мар. *лэп* „то же“;

лоп „лопасть“ (*лопт-ыс* „лопасть-то“), эрзя-морд. *лапужа* „сплюснутый“, финск. *ларе* „лопасть“.

§ 53. Вставочный звук *й* имеет несколько иное происхождение, чем *м*, *к*, *т*. Последние произошли от согласных, являвшихся вторым компонентом звуко сочетания, а вставочный звук *-й-* является рефлексом конечного гласного *-и*, отпавшего в коми языке. При этом вставочные звуки *м*, *к*, *т* встречаются в обоих пермских языках, а вставочное *-й-* мы имеем только в коми языке.

Процесс отпадения конечного *-и*, по-видимому, протекал следующим образом: **пониõс* > *пониõс* — конечное *-и* перед гласным звуком суффикса перешло в *-й-*, и таким образом было устранено стечение гласных; в результате, в качестве основы слова часто стало выступать *пони-* (*пони-õн* „собакою“, *пони-ыс* „его собака“, *пони-õй* „моя собака“ и т. д. — во всех случаях, когда суффикс начинается с гласного звука) и это *пони-* постепенно стало пониматься как основа слова вообще (не только в положении перед гласным звуком суффикса). При употреблении этого *пони-* в именительном падеже и падежах, в которых после основы следует согласный, звук *-й* должен был исчезнуть, поскольку в этом положении сочетание согласного и *й* несвойственно коми языку; поэтому из **пони*, **пониõн*, **понилы* и т. д. получилось *пон*, *понõн*, *понлы* и т. д. Мы слово *пон* взяли только в качестве образца для показа изменения слов типа *tlti* в *tlt*, *tltt* ∼ *tltj*-л (под *t* понимается всякий согласный, под л — всякий гласный, а знак ∼ обозначает чередование).

Такой процесс изменения конечного *-и* мы наблюдаем во многочисленных словах коми языка. Приведём примеры:

джадж „полка“ (*джаджй-ын* „на полке“), удм. *жажы*;
гыж „ноготь, коготь, копыто“ (*гыжй-õн* — тв. падеж), удм. *гыжы*;

вуж „корень“ (*вужй-õн* „корнем“), удм. *выжы*;
бедь из **бэд*, ср. нижевич. *бэд* „палка“ (*бэд'д'-õн* из **бэдй-õн*), удм. *боды*;

ном „комар“ (*номй-õн* „комаром“), удм. *нымы*;
моль „шарик, перл, пуговица“ (*молльõн* из **мол'й-õн*), удм. *мульы*;

пев „большой палец“ (*певй-õн* „большим пальцем“), удм. *пõлы* и т. д. (см. также примеры в § 44).

В некоторых словах в коми языке вставочный звук *-й-* не появляется, хотя в этих словах удмуртского языка в конце имеется гласный верхнего подъёма (*ы, и*). Таковыми являются, например, следующие:

- пань* „ложка“ (*пань-ӧн* „ложкой“), удм. *пуньы*;
нёнь „сосок, соска“ (*нёнь-ӧн* „соской“), удм. *ноны*;
чунь „палец“ (*чунь-ӧн* „пальцем“), удм. *чиньы*;
чань „жеребёнок“ (*чань-ӧс* „жеребёнка“), удм. *чуньы*;
руч „лиса“ (*руч-ӧс* „лису“), удм. *зичы* и др.

Немало в коми языке и таких слов, в которых вставочный звук *-й-* появился под влиянием слов типа *пон* ∼ *понйыс*, *лым* ∼ *лымйыс*, *гум* ∼ *гумйыс*, т. е. под влиянием слов, где вставочный звук *-й-* восходит к конечному гласному *-и*. В следующих словах коми языка, имеющих вставочный звук *-й-*, нет оснований предполагать существование конечного *-и* (в удмуртских словах, соответствующих коми примерам, нет конечного *-и*):

- борд* „крыло“ (*бордй-ыс* „его крыло“), удм. *бурд*;
гоз „пара“ (*гозй-ӧн* „парой“), удм. *куз*;
гор „каменка“, коми-перм. „печка“ (*горй-ын* — местн. п.), удм. *гур*;
гыр „ступа“ (*гырй-ын* „в ступе“), удм. *гыр*;
зыр „лопата“ (*зырй-ӧн* „лопатой“), удм. *зыр* и т. д.

Звук *-й-* является наиболее распространённым вставочным звуком в коми языке. Остальные вставочные звуки (*м, к, т*) встречаются реже.

§ 54. В финноугорском языке-основе была единая основа слова, оканчивающаяся на краткий гласный звук. После отпадения конечных гласных и некоторых согласных многие слова коми языка стали иметь две основы: краткую — в нулевой форме и перед согласным словоизменительного суффикса (*син, син-тӧг; мус, мус-тӧг; лок, лок-ны; пон, пон-тӧг*) и полную — перед гласным звуком словоизменительного суффикса (*синм-ыс, муск-ыс, локт-а, понй-ыс*).

Мы при рассмотрении вставочных звуков до сих пор оперировали данными коми-зырянского литературного языка. Нужно сказать, что употребление вставочных звуков в диалектах коми языка не носит единообразного характера: иногда в одних диалектах мы видим один вставочный звук, в других — другой, а в третьих он совсем отсутствует, ср. коми-зыр. литерат. *понйӧн*, лузск. *понмӧн*, верхнесысольск. *пӧнӧн* „собакой“; коми-зыр. литер. *сиськӧн*, коми-перм. *масисьӧн* „свечкой“, удм. *сюсьто* „свечной, имеющий свечку“.

Такой разноречивой в употреблении вставочных звуков объясняется тем, что слова со вставочными звуками, представляющими собой остаток конца прежней основы, и слова без вставочных звуков всё время влияли и влияют друг на друга.

Кроме того, происходило взаимовлияние и между словами с разными вставочными звуками — *м, к, т, й*. Такое влияние одних слов на других в одних диалектах происходило в одном направлении, в других — в другом, в одном диалекте верх брала форма со вставочными звуками и распространялась на ряд слов, где раньше не было этих звуков; в другом диалекте, наоборот, формы без вставочных звуков брали верх и вытесняли формы со вставочными звуками.

В современных коми-зырянских диалектах (за исключением верхнесысольского) вставочные звуки имеют широкое распространение; в этих диалектах слова, сохранившие в определённом положении звуки прежней основы, оказали воздействие на целый ряд других слов, и в этих последних по аналогии стали употребляться вставочные звуки: в словах *садйён* „садом“, *дробйён* „дробью“, *сярйён* „шаром“ и т. д. звук *-й-* появился, безусловно, под влиянием форм типа *кудйён* „лукошком“, *гобйён* „грибом“, *гөрйён* „сохой“, в которых вставочный звук исторически возник из *-и*.

В верхнесысольском и в коми-пермяцких диалектах, наоборот, формы со вставочными звуками почти совсем вытеснены формами без вставочных звуков; в этих диалектах мы имеем следующие формы: *ч'ал'ён* „мизинцем“, *гыжён* „ногтем“, *лымён* „снегом“, *нёшён* „колотушкой“, *дод'ён* „санями“, *дарён* „поварёшкой“, *идён* „ячменем“ и т. д. Таким образом, в этих диалектах произошло выравнивание основы слова, краткая основа почти совсем вытеснила полную, полная и краткая основы сохранились лишь в отдельных словах, вроде *кос* „поясница“ и *коскын* „в пояснице“.

Сужение гласных в корне слова.

§ 55. Сравнивая слова пермских языков со словами других финноугорских языков, мы заметим, что гласные звуки первого слога в пермских языках уже (более высокого подъёма), чем соответствующие звуки других финноугорских языков, в первую очередь финского, венгерского и мордовского, в которых качество гласных языка-основы сохранилось лучше. В этом можно убедиться на основании следующей таблицы:

коми	удм.	венг.	финск.	морд.	примеч.
мус „печень“	мус	máj	maksa	максо	
ув „низ“	ул	al	ala	ал	
уд- „пойть“	уд-	ad-	anta-	андо-	
сюр „рог“	сюр	szarv	sarve-	—	
сё „сто“	сю	száz	sata	сяда	<иранск. *ш'ата
вуг „скоба“	вугы	ág	onke-	—	<иранск. *анка
куль „чёрт“	кыль	hagymaz	koljo		<и. -е. *колийо
кык „два“	кык	kettő	kahte-	кафта	
ки „рука“	ки	kéz	käte-	кедь	
вир „кровь“	вир	vér	vere-	вер	

Факт наличия в первом слоге пермских языков более узких (высокого подъёма) гласных, по сравнению со словами венгерского, финского и мордовского языков, не подлежит сомнению — мы располагаем многими десятками примеров, подтверждающих это положение. Кроме того, на первоначальный широкий гласный указывают не только венгерский, финский и мордовский языки, но и иранские языки, откуда попали в пермские языки слова ещё до прекращения действия закона сужения гласных первого слога и пережили этот процесс на пермской почве. Таковыми являются, например, следующие:

коми и удм. *пурт* „нож“ заимствовано из какого-то иранского языка, ср. осетинск. *фӕрӕт*, санскр. *парас’у* „топор“;

коми *зон* „парень, молодой человек“, коми-перм. „сын“ из иранск., ср. осетинск. *зӕнӕг* „мальчик“, авестийск. *зан-* „рождать“;

коми *кӧрт*, удм. *корт* „железо“ из иранск., ср. авестийск. *карета*, осетинск. *кард* „нож“ и др.

Сужение гласных, по-видимому, связано каким-то образом с явлением отпадения конечных гласных. Сужение гласных первого слога могло протекать в процессе компенсационного удлинения: *toto* > *tōt* > *tôt*, т. е. отпадение конечного гласного вызвало удлинение оставшегося гласного, а затем уже сужение его. С аналогичным явлением мы встречаемся во многих языках (например, в венгерском, галицко-волынских говорах древнерусского языка и т. д.).

Широкие гласные сохранились в корнях некоторых деэтимологизированных сложных слов коми языка, например:

кӧкъя-мыс „восемь“ — из первоначального „два до десяти“, ср. *кык* „два“; финск. *каһте-*;

веты-мын „пятьдесят“ — из первоначального „пять десятков“, ср. коми *вит*, морд. *вете*, венг. *öt*;

неля-мын „сорок“ — из первоначального „четыре десятка“, ср. *нӧль*, коми-язвинск. *н’ул’*, удм. *нӧль*, финск. *neljä*.

В первом компоненте деэтимологизированных сложных слов (*кӧкъя-*, *веты-*, *неля-*) сохранился более широкий (более низкого подъёма) гласный потому, что в них конечный гласный ещё не отпал в момент образования сложного слова; в числительных же, употребляемых в отдельности (*кык*, *вит*, *нӧль* < *н’ол’*), произошло сужение гласных, которому предшествовало отпадение конечного гласного (**кактэ* > **какт* > **как* > *кык*; **вэтэ* > **вэт* > **вит*).

Сужение гласных первого слога произошло, однако, далеко не во всех словах финноугорского происхождения, в которых отпал конечный гласный звук; так например, мы не видим сужения в следующих словах: коми *радз* „решётка в санях“, финск. *raaski*, саамск. *рашко*, венг. *rács*; коми *кач* „кора дерева“, финск. *каски*, венг. *hàncs* и др.

Б. СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Отпадение одиночных конечных согласных в конце односложной основы.

§ 56. В финноугорском языке-основе взрывные *к, т, п*, попадая в интервокальное положение, произносились с ослаблённой артикуляцией, вроде: *лүл, лдл, лвл*. После отпадения конечного гласного эти согласные с ослаблённой артикуляцией очутились в конце слова и в большинстве случаев отпали в пермских языках. В результате, в пермских языках образовались односложные слова, оканчивающиеся на гласный звук, типа *пу* „деревцо“, *му* „земля“, *лы* „кость“ и т. д.

Таким способом, например, образовались следующие слова: *пи* „сын, детёныш“, удм. *пи* „то же“, хант. *пox*; финноугорская форма **плүэ* > общепермск. **пиү* > коми *пи*;

йи, удм. *йö* „лёд“ из **й8ү* < **й8үэ*; ср. хант. *йэүк*, финск. *jää* из **jäя*;

сё, удм. *сю* „сто“ из **с'ад* < **с'ада* (заимствовано из индоиранск. **ш'ата-*), ср. марийск. *шүдö*, финск. *sata*;

ки, удм. *ки* „рука“ из **кэд* < **кэдэ*, ср. мар. *кидэм* „моя рука“, финск. *käte-* „рука“;

ва, удм. *ву* „вода“ из **влд* < **влдэ*, ср. мар. *вудэм* „воду“, морд. *ведь*, финск. *vete-*;

ты, удм. *ты* „лёгкие“ из **тыβ* < **тлβэ* или **тлвэ*, ср. эрзя-морд. *тевелявт* „лёгкие“, финск. *tävy* „то же“;

ку, удм. *ку* „кожа“ из **куβ* < **к8вэ*, ср. эрзя-морд. *куво* „корка“, эст. *кõва*, венг. *korál*.

Таким же путём образовались и следующие коми слова: *шы* „штык“ (финск. *hui* из **шоје*), *лы* „кость“ (финск. *luhi* из **лүве*), *му* „земля“ (хант. *мэү*, финск. *таа* из **таүе*), *ма* „мёд“ (морд. *медь*, финск. *mete-*, заимствовано из индоевропейского **medhu-*), *гы* „волна“ (вепск. *кобэ* „пена“), *ю* „река“ (финск. *joke-*), *пу* „пар“ (хант. *пут*), *во* „год“ (финск. *vuote-*), *сю* „рожь, зерновой хлеб“ (морд. *сюва* „мякина“, слово заимствовано из иранск., ср. авестийск. *sūka-*), *пи-* в слове *пипу* „осина“ (мокша-мордовск. *пою*) и т. д.

Отпадение -м и -к в абсолютном конце слова.

§ 57. Утрата конечных гласных вызвала отпадение некоторых суффиксов, очутившихся в абсолютном конце двусложного или многосложного слова. Таковыми являются, например, суффиксы *-м* и *-к*, нёсшие в языке-основе разнообразные грамматические функции.

Ещё в общепермскую эпоху конечное *-м* отпало, передав свою грамматическую функцию предшествующему гласному звуку, входившему раньше в состав предыдущей морфемы. Отпадение суффикса *-м* мы наблюдаем в следующих грамматических категориях:

1. Суффикс винительного падежа:

тэнӧ, удм. *тонэ* „тебя“ из **тлнэм*; *менӧ*, удм. *монэ* „меня“ из **млнэм*; нижевыч., ижемск. *сийэ*, лузск-летск., коми-перм. *сийӧ*, коми-язьв. *сийр*, удм. *сое* „его“ (вин. п.) из **слэм*; коми-зыр. литературн., сыктывкарск., среднесысольск. *сийӧс* „его“, нижнелузск. *мэнӧс* „меня“, *тэнӧс* „тебя“ в конце имеют *-с* вторичного происхождения (этот *-с* не что иное как определённо-притяжательный суффикс 3-го владеющего лица, выражавший сначала определённую объект: *сийӧс* „его-то, именно его“, нижнелузск. *мэнӧс* „меня-то, именно меня“, *тэнӧс* „тебя-то, именно тебя“);

питӧ, удм. *пидэ* „твоего сына“ из **питэм*;

писӧ, удм. *пизэ* „его сына“ (вин. п.) из **писэм*;

вокнытӧ „вашего брата“ из **вокнытэм*;

вокнысӧ „их брата“ из **вокнысэм*.

В этих формах *-т-*, *-с-*, *-ныт-*, *-ныс-* являются притяжательными суффиксами.

В приведённых формах суффикс винительного падежа *-м* отпал после исчезновения конечных гласных, и функция выражения этого падежа передалась гласному предшествующей морфеме, произошёл следующий процесс: **млнэ-мэ* > **млнэ-м* > *мен-ӧ* (верхневыч. и ижемск. *мэн-э*, удм. *мон-э*).

Суффикс винительного падежа *-м* восходит, по крайней мере, к прибалтийско-финско-пермской эпохе; он сохранился в ряде финноугорских языков, например: мар. *пӧрт* „изба“, *пӧртым* „избу“; саамск. *манна* „ребёнок“, *манам* „ребёнка“; финск. *isä* „отец“, *isän* „отца“ (из **isäm*).

Не исключена возможность, что суффикс *-м* винит. падежа восходит даже к уральской общности (он встречается также в самодийских языках). В уральском и финно-угорском языке-основе в роли винительного падежа употреблялась, наряду с *м-овой* формой, также нулевая форма, при этом *м-овая* форма показывала бóльшую определённую объект, чем форма без *-м*.

2. Суффикс I-го лица единственного числа глагола настоящего, будущего и первого прошедшего времени.

В финноугорском языке-основе показателем I лица глагола служил суффикс *-м-*, за которым шёл гласный звук. После отпадения конечного гласного в пермских языках это *-м*, оказавшись в абсолютном конце слова, отпало; произошёл следующий процесс: **млнлмэ* > **млнлм* > *муна* „иду, пойду“.

Суффикс *-м* сохранился во многих современных финноугорских языках, например: мар. *луд-ам* „читаю, прочту“,

эрзя-морд. *ловн-ан* „читаю“ (из **ловнам*), финск. *sano-n* „говорю“ (из **sanom*), норв.-саамск. *мана-м* „иду“, манс. *минэ-м* „иду“, венг. *alszo-m* „сплю“, *mente-m* „шёл, ушёл“.

В коми языке этот суффикс в ед. числе исчез бесследно, а в удмуртском языке он сохранился лишь в отдельных формах. Приведём примеры:

муна „иду, пойду“, удм. *мынйсько* „иду“, *мыно* „пойду“; коми *муні*, удм. *мынй* „шёл, ушёл“ (*муна* из **млнам*, *муні* из **млним*).

Однако в некоторых грамматических категориях удмуртского языка это *-м* ещё сохранилось до сих пор, например: *ку лыктом?* „когда я приду (когда мне можно прийти)?“; *лэсьтом-а мон?* „сделаю ли я (могу ли я сделать, разрешается ли мне сделать)?“. Форма без суффикса *-м* в современном удмуртском языке употребляется в несколько ином значении: *лэсьто-а мон?* „сделаю ли я (буду ли в состоянии сделать, сумею ли сделать)?“ Приурочение новой смысловой нагрузки форме с суффиксом *-м* и удержало от отпадения конечного звука этой формы.

В языке памятников древнепермской письменности прекрасно сохранился этот суффикс. Приведём примеры:

гажалам (ЛЕ 11) „хочу“, *вйпам* (ЛЕ 20, 44, 51) „говорю“, *кылам* (ЛЕ 76) „слышу“, *эскам* (ЛЕ 141) „исповедую“, *бос'там* (ЛЕ 200) „беру“, *корам* (ЛЕ 201) „призову“, *адз'им* (Тр. 2) „я увидел“.

Сохранение этого *-м* в древнепермском языке следует объяснить морфологическими причинами: он был необходим для разграничения формы 1-го лица от формы 3-го лица глагола единственного числа (глагол в 3-м лице часто употреблялся без *-с*); если бы отпал *-м*, то получились бы формы типа *пышйи* „я убежал“ и *пышйи* „он убежал“, *локта* „приду“ и *локта* „придет“; ср. древнепермск. *локта* (Л 53) „придет“, *лолз'и* (Л 16) „он воскрес“, *пышйи* (Тр. 4) „он побежал“ и т. д. Отпадение *-м*, имевшее место в этих формах в весьма позднее время (XVI-XVII вв.), когда рассматриваемый нами звуковой закон потерял свою силу, следует объяснить тоже морфологически: это отпадение было необходимо для устранения омонимных форм, образовавшихся после исчезновения суффикса *-ным* в 1 л. мн. ч.: *мунам* „я иду“ и *мунам* (из **мунамным*) „мы идем“; одновременно с этим процессом происходит распространение *с* -овых форм 3-го лица ед. ч. (из *пышйи* получается *пышйис*) и тем самым 1-е лицо по своей форме перестало смешиваться с 3-м лицом ед. ч. (*пышйи* „я убежал“ и *пышйис* „он убежал“).

3. Определённо-притяжательный суффикс 1 л. в именительном падеже.

В финноугорском языке-основе притяжательным суффиксом I лица служил суффикс *-м*. Этот суффикс сохранился во всех финноугорских языках: мар. *ача-м* „мой отец“, морд. *тол-га-м* „моё перо“, финск. диалект. *isä-m* „мой отец“, хант. *сэмэ-м* „мой глаз“, венг. *lova-m* „моя лошадь“. Суффикс *-м* сохранился также в некоторых косвенных падежах пермских языков, например: коми *керкаам*, удм. *коркам* „в моём доме, в мой дом“, коми *керкасьюм*, удм. *коркаюсьтым* „из моего дома“, коми *керканам*, удм. *коркаеным* „моим домом“.

§ 58. В именительном падеже этот суффикс *-м* в пермских языках отпал: коми нижневыч. *т'эркао̄*, ижемск. *кэркаэ*, коми-перм. *керкуо̄*, удм. *коркае* „мой дом“ из **клрк8эм*. Этот суффикс в им. падеже сохранился лишь в летском диалекте коми языка, например: *пöч'ым лактö* „моя бабушка идёт“, *мужикым вöралö* „мой муж охотится“.

Таким образом, звук *-м* в абсолютном конце двусложной и многосложной основы в пермских языках отпал. Возникает вопрос, если конечный *-м* отпадал, почему в современных пермских языках имеются слова с конечным *-м*? Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо предположить следующее: в то время, когда протекал процесс отпадения конечного *-м*, за звуком *м*, (в тех словах, в которых этот звук сохранился в современном языке) стоял гласный звук. Теперь мы имеем конечное *-м*, например, в следующих грамматических категориях:

к. *мунам* и *мунамö* (по диалектам), удм. *мыном* и *мыномы* „идём“, из **млнлмл*;

к. *пиным* „наш сын“, из **пинымл*;

к. *киам*, удм. *киам* „в моей руке“, из **киамл*; *кисьюм*, удм. *киюсьтым* „из моей руки“, из **кис'ымл*, **киюсь'тымл*,

к. *менам*, удм. *мынам* „мой“, из **млнам*, к. *меням*, удм. *мыным* „мне“, из **млнлмл*; *ачым*, удм. *ачим* „я сам“, из **ач'ымл* и т. д.;

к. *олöм*, удм. *улэм* „жизнь“, из **ллмл*, ср. финск. *elätä* „жизнь“;

к. *пиньтöм*, удм. *пиньтэм* „беззубый“, из **пиньтэмл*, ср. финск. *voimattoma-* „бессильный“ (*voima* „сила“) и т. д.

§ 59. Конечное *-к* отпало тоже в общепермскую эпоху. Мы наблюдаем следующие случаи отпадения:

1. Суффикс вступительного падежа: коми *карö*, удм.-глазовск. *карэ* „в город“, из **карэк*; коми *четвергö*, удм. *четверге* „в четверг“; этот падеж отвечает на вопрос, кроме *куда?*, ещё *когда?* (*в какое время?*). В последнем значении сохранились два слова с древним суффиксом вступительного падежа (*-к-*): коми *сэки*, *сэк*, удм. *соку* „тогда“, коми *аски*, удм. *аскы* „завтра“; корень первого слова *сэ-*, *со-* (ср. *сэ-н*

„там“, *сэ-сь* „оттуда“ и т. д.), а корнем второго слова является *ас-* (ср. *ас-ыв* „утро, восточный“, *ас-йа* „утренний“). В этих словах *-к* сохранился потому, что он стоял не в конце слова; кроме того, если бы он оказался в конце слова (*сэк*), то всё равно бы не отпал, так как он стоял бы в конце односложного слова, а конечные гласные *-к* и *-м* отпадали только в конце двусложных и многосложных слов.

Суффикс *-к-* хорошо сохранился в других финноугорских языках, например: мар. *у́лкõ* „вниз“ (*у́л* „низ“), финск. диалект. *alak* „вниз“, манс. *сисыҕ* „назад“ (*сис* „задняя часть“).

2. Суффикс дательного падежа: коми *вõвлы*, удм. *валлы* „лошади“ (коми *вõв*, удм. *вал* „лошадь“) из **влллк*. Суффикс этого падежа с элементом *-к-* сохранился в некоторых послелогах и наречиях марийского языка: *анчы-лко* „вперёд“ (*анчыл-* „перед“), *шенге-лкэ* „назад“ (*шенгэл-* „зад“); финск. диалектн. *alaha-lek* „книзу“.

3. Суффиксы 1, 2 и 3 л. множ. числа глагола настоящего и первого прошедшего времени:

коми диалект. *мунамõ*, коми-перм. *мунамõ*, удм. *мыномы* „пойдём“, из **млнлмлк*; коми диал. *мунимõ*, коми-перм. *мунимõ*, удм. *мунймõ* „мы шли“, из **млнимлк*; звук *-к* являлся показателем множественного числа; в этой форме глагола показатель множественного числа сохранился в следующих языках: эрзя-морд. *ловны-нек* „мы читали“, финск. *sano-tte* < *sapok-tek*, древневенг. *вод'-мук* „мы есмь“;

4. Весьма возможно, что конечное *-к* отпало и в следующих формах: а) в 3-м лице ед. ч. глагола настоящего времени (коми *мунõ*, удм. *мынэ* „идет“ из **млнлк*, финноугорский суффикс настоящего времени сохранился в отрицательном глаголе в виде *г*: коми *ог босьт*, удм. *уг босьтиськы* „не беру“); б) в 2-м лице ед. ч. повелительного наклонения (коми и удм. *пукты* „положи“ из **пвктвк*).

Озвончение глухих согласных в начале слова.

§ 60. В финноугорском языке-основе в начале слова звонких шумных согласных не было, в этом положении встречались только глухие шумные: *к, т, п, с, с', ш, ч* (*тш*), *ч'*. В словах большинства современных финноугорских языков, унаследованных от языка-основы, мы и теперь имеем глухие согласные. В пермских же языках во многих словах произошло озвончение, что видно из нижеприведённых примеров:

коми *гыж* „ноготь“, удм. *гижы*, мар. *куч*, эрзя-морд. *кенже*, финск. *kunte-*;

коми *дин* „основа“, удм. *дйнь*, финск. *tuye-*, венг. *to*;
коми *берд*, удм. *борд* „стена“, мар. *пырдыж*, финск. *parte-*, хант. *парт*;

коми *жеб* „слабый, хилый“, удм. *жоб* „грязный, мутный“, финск. *tuprei* „отвратительный, омерзительный“, венг. *sebes* „пораненный, стёртый до крови“;

коми *жодза* „прокисший (о молоке)“, мар. *шач, шачка* „с потерянным вкусом (о напитке)“, саамск. *циббза*;

коми *джыдж* „ласточка“, финск. *tiiti*, саамск. *цице*, хант. *штэшкэ*;

коми *дзир* „шарнир, петля (дверная)“, удм. *зирь*, мар. *цяр* „талия“, финск. *sarana* „петля (дверная), шарнир“.

Однако не во всех словах пермских языков произошло озвончение. В известной части слов финноугорского происхождения в пермских языках также сохранились глухие согласные, например:

коми *коз* „ель“, удм. *кыз*, мар. *кож*, морд. *куз*, финск. *kuuse-*;

коми *тöv* „зима“, удм. *тол*, мар. *тэл*, морд. *тяла*, финск. *talve-*, венг. *tél*;

коми и удм. *пу* „дерево“, мар. *пу*, финск. *puu*, манс. *па*;

коми *сöп* „желчь“, удм. *сэп*, морд. *сэпе*, финск. *sappe-*;

коми и удм. *син* „глаз“, морд. *сельме*, финск. *silmä*, манс. *сэм*, венг. *szem*;

коми и удм. *шыр* „мышь“, мокша-морд. *шеер*;

коми *тшöкыд* „густой, частый“, мар. *чога* „плотный“, хант. *шох* „густой“;

коми *чань* „жеребёнок“, удм. *чуньы* „то же“, мар. *чома*, финск. *sonni* „бык, вол“.

В большинстве прибалтийско-финских языков и в обско-угорских языках и в настоящее время в начале слова звонкие согласные совсем не встречаются. В других же финноугорских языках наряду с глухими появились и звонкие. Проф. Д. В. Бубрих объясняет появление звонких согласных в начале слова влиянием гласных звуков, а также звонких и сонорных согласных конца предшествующего слова. Такое явление озвончения наблюдается, например, в современном эрзя-мордовском языке. Если в этом языке слово начинается с глухого согласного, а предшествующее без паузы слово оканчивается на звонкий или сонорный согласный, то глухой согласный в произношении озвончается, например: *эрзянь-кель* (произносится *эрзяньгель*) „эрзянский язык“, *моньтаркам* (произносится *моньдаркам*) „моё место“ и т. д. Иногда звонкий согласный, возникший таким путём, в начале слова обобщается и начинает употребляться независимо от того, как оканчивается предшествующее слово и есть ли предшествующее слово вообще (*зняро* „столько“ из **сняро*, ср. мокша-морд. *сняра*).

Так мыслится озвончение согласных начала слова. Когда-то (вероятно, ещё в общепермскую эпоху, а может быть, и ещё раньше) действовал закон озвончения начальных соглас-

ных под влиянием звуков (гласных, сонорных и звонких шумных) конца предшествующего слова; после озвончения в этом фонетическом положении в некоторых словах звонкие согласные стали употребляться в любом положении, т. е. произошёл переход глухого в звонкий согласный: из *кузь* **кыж* получилось *кузь* *гыж* „длинный ноготь“ (под влиянием *зь* звук *к*-изменился в *г*-), из *зэв* **шеб* получилось *зэв* *жеб* „очень слабый“ (под влиянием *в* звук *ш* изменился в *ж*) и т. д.

В современных пермских языках этот закон озвончения не имеет силы, но кое-какие следы действия этого закона сохранились в некоторых словах, например: удм., с одной стороны, *витьтон* „пятьдесят“, *куатьтон* „шестьдесят“, *тямыстон* „восемьдесят“, *укмыстон* „девяносто“, а с другой стороны, *ньыльдон* „сорок“, *сизыьмдон* „семьдесят“, где в начале второго компонента сложных деэтимологизированных слов (*тондон*) звонкий согласный звук появляется в том случае, если в конце первого компонента мы имеем сонорный согласный (*ньыльдон*, *сизыьмдон*); удм. (д. Круглово) *вит'тас* 50, *куат'тас* 60, но *н'ыл'дас* 40, *с'из'ымдас* 70.

§ 61. Этот закон озвончения имел силу ещё в глубокой древности — вероятно, в ранний период существования общепермского языка-основы, и прекратил своё действие до отделения коми языка от удмуртского. Этим и объясняется то, что в обоих пермских языках слова с начальными звонкими и глухими согласными совпадают: если они в коми языке начинаются с звонкого, то и в удмуртском языке в начале слова стоит звонкий и, наоборот, если в коми языке в начале слова стоит глухой согласный, то и в удмуртском языке мы имеем глухой, например: коми *гӧн*, удм. *гон* „шерсть“; коми *дон*, удм. *дун* „цена“; коми *бур*, удм. *бур* „хороший“; коми *зэр*, удм. *зор* „дождь“; коми *кар*, удм. *кар* „город“, коми *тыр* и удм. *тыр* „полный“; коми *син*, удм. *син* „глаз“; коми *шыр*, удм. *шыр* „мышь“ и т. д. Таких примеров можно привести много десятков.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в общепермском языке в общем уже определилось употребление начальных звонких согласных в одних случаях и начальных глухих — в других. Знаменательно, что в иранских заимствованиях общепермского или более раннего периода начальные согласные в отношении глухости и звонкости не претерпели изменения (имеются лишь отдельные исключения) — иранские заимствования удм. *пыдын*, коми *подӧн* „пешком“, удм. *парсь*, коми *порсь* „свинья“, удм. *турын*, коми *турун* „трава“, удм. *корт*, коми *кӧрт* „железо“, удм. *курег*, коми *курӧг* „курица“ в иранском оригинале тоже имели глухой согласный, а слова *бурысь* „грива“, удм. *бун*, коми *бон* „лыко“, удм. *дуры*, коми *дар* „уполовник“, удм. и коми *дас* „десять“, являющиеся тоже

иранскими заимствованиями, в оригинале имеют звонкий согласный.

Однако в некоторых словах даже в конце общепермского периода начальный согласный звук в отношении звонкости и глухости ещё не установился, происходило ещё чередование *т-д*-, *п-б*-, *к-г*-, *с-з*- и т. д. Этим и объясняется то обстоятельство, что в некоторых (единичных) словах пермских языков (даже иногда отдельных диалектов этих языков) нет полного совпадения в отношении звонкости и глухости начальных согласных. Таковыми являются, например, следующие слова:

коми *гоз*, удм. *куз* „пара“; коми *гут*, удм. *кут* „муха“; коми *геб* „мошка“, удм. *кибы* „жук“; коми-язьвинск. *пабл*, коми-зыр. *бобув*, удм. *бубыли* „бабочка“; коми-перм. *голи*, коми-зыр. *коль*, удм. *кыли* „шишка“. В слове *бур* ещё в недавнем прошлом наблюдалось колебание в произношении начального согласного (в современных пермских языках произносится *бур* с звонким начальным *б*-): в лепёхинско-евгеньевских текстах мы читаем *пурдла дорын* (Е 128) и *бурдла дорын* (Л 128) „по правую сторону“, в собрании Аделунга, хранящемся в рукописном фонде Ленинградской публичной библиотеки, мы читаем удм. *пурь пала* „направо“.

Деназализация сочетаний *-мп-*, *-нт-*, *-нч-*, *-н'ч'-*, *-тк-*.

§ 62. В финноугорском языке-основе не в начале слова существовали сочетания согласных, состоящие из носового и соответствующего (по месту образования) ему взрывного или аффрикаты: губной носовой плюс губной взрывной согласный (*-мп-*), зубной носовой плюс зубной взрывной (*-нт-*), альвеолярный носовой плюс альвеолярная аффриката (*-нч-*), палатальный носовой плюс палатальная аффриката (*-н'ч'-*) и задненёбный носовой плюс задненёбный взрывной (*-тк-*).

По мнению некоторых учёных (например, Штейница), эти сочетания ещё в языке-основе чередовались следующим образом: *-мп- ∼ -п*, *-нт- ∼ -т*, *-нч- ∼ -ч*, *-н'ч'- ∼ -ч'*, *-тк- ∼ -к*. Второй компонент чередующихся пар (т. е. один взрывной или аффриката без носового гласного) появлялся в конце слога. Следы от такого чередования сохранились во многих современных финноугорских языках. Особенно интересными в этом отношении являются примеры хантыйского языка, в котором наблюдается парадигмическое чередование (в одной форме слова встречается один компонент, а в другой форме — другой), например: *ап* „собака“ *∼ ампа* (местн. падеж), *пек* „зуб“ *∼ пекка*, *шаш* „колени“ *∼ шанш-е*; марийск. *шинзым* „сизу“ *∼ шич* „сидел“.

Впоследствии в отдельных языках произошло выравнивание: в одних языках это выравнивание произошло в пользу первого

компонента *-мп-*, *-пт-* и т. д), а в других — в пользу второго компонента чередующейся пары (*-п-*, *-т* и т. д). Пермские и венгерский языки унаследовали звуки без носовых согласных, или, иначе выражаясь, произошла в этих языках деназализация рассматриваемых сочетаний согласных, другие же финно-угорские языки сохранили в этих сочетаниях носовой согласный звук. Приведём примеры:

коми *гыбавны* „плескаться“ (о рыбе), морд. *комболдомс* „волноваться“, манс. *хумп* „пена“, финск. *китриа* „пениться“; коми *собавны* „брести (в снегу)“, эст. *сомр* „туман, мгла, беспорядок“;

коми *зіб* „длинный шест“, финск. *сотра* „часть лыжной палки“;

коми *гид* „телятник“, удм. *гид* „то же“, финск. *kentä*;

коми *пад* „дорога“ в выражении *пад-вежён лоны* „разминуться дорогой“, хант. *пант*; из иранск., ср. новоперсидск, *панд*, старославянск, *понть* „путь, дорога“;

коми *вуджны*, удм. *выжны* „переправляться, переходить“, марийск. *ванжем*, манс. *вунш-* „то же“;

коми *кӧдж* „изгиб реки“, удм. *кож*, диал. *кож* „длинная бухта, залив, глубокое место в реке“, эрзя-морд. *кан'замо* „изгиб ноги, подколенная впадина“;

коми *водз*, коми-перм. *одз* „передний, рано“, удм. *азь*, мар. *анзал*, он'з'ыл, финск. *епте-* „первый“;

коми *вуг*, удм. *вугы* „рукоятка, скоба“, мар. *оҥго* „ручка посуды“, финск. *опке-* „крюк“, саамск. *вужк*;

коми *бугыль* (в выражении *син бугыль*) „глазное яблоко“, эст. *ping*.

§ 63. Приведённые примеры указывают на то, что в пермских языках произошла деназализация сочетаний *-мп-*, *-пт-*, *-тк-* и т. д. Когда протекал в пермских языках этот процесс деназализации? Ответ на этот вопрос мы можем дать только на основании анализа заимствованных слов. Иранские заимствования, попавшие в коми язык не позже общепермского периода, претерпели деназализацию (иранск. **панд* > коми *пад*, иранск. **оҥко* > коми *вуг*).

Под процесс деназализации попали также волжско-булгарские заимствования, попавшие ещё в общепермский язык, например: булг. **кундэ* > коми *куд*, удм. *куды* „лукошко“; булг. **кумба* > коми *гоб*, удм. *губи* „гриб“.

Процесс деназализации рассматриваемых сочетаний, по-видимому, прекратился вскоре же после отделения коми от удмуртов, так как заимствования, попавшие в коми и удмуртский языки в период обособленной их жизни, не пережили этого процесса, например: коми удорск. *карандыс* заимствовано из вепсского *кэрандэз* „ушат“, удмуртск. *кандэлэм* „свидетель“

из болгарск., ср. чувашск. *күндэлян'*, удм. *тӱнгыли* „ось“ из булг., ср. чувашск. *тигэл* (этих слов в коми языке нет).

Коми имели соприкосновение с вепсами (заволоцкой чудью, жившей в соседстве с коми примерно до XIII в.) около XI-XIII вв., следовательно, в это время процесс деназализации уже прекратился в коми языке. Приблизительно к этому же времени нужно отнести и прекращение этого звукового процесса в удмуртском языке.

Процесс деназализации сопровождался озвончением согласных в пермских языках: финноугорск. *-mp-* > пермск. *-б*, финноугорск. *-mt-* > пермск. *-д*, финноугорск. *-mč-* пермск. *-з*, финноугорск. *-n'č'-* > пермск. *з'*, финноугорск. *-čk-* > *-г*.

Деназализацию мы наблюдаем также в некоторых суффиксах, например: суффикс порядкового числительного *-öd*, ср. коми *нэльöд*, финск. *neljänte-* „четвертый“; суффикс существительного *-öd*, ср. коми *пыкöд* „подпора“, *тшунöд* „зарубка“ и т. д., финск. *-nt-*: *asunto* „жилище“, *perintö* „наследство“ и т. д.

Изменение сочетания *-лм-* в *-нм-* и *-йм-*.

§ 64. а) Финноугорское сочетание *-лм-* ещё в общепермском языке-основе перешло в *-нм-*, а затем — после отпадения конечных гласных — второй компонент этого сочетания *-нм-*, очутившись в конце слова, отпал. Отпавший согласный *-н* в определённых диалектах пермских языков восстанавливается перед гласным звуком суффикса в виде вставочного звука. В сочетаниях *-лм-* вместо *л* появился звук *н* под ассимилятивным влиянием следующего за ним носового *м* (регрессивная ассимиляция). Приведём примеры:

коми *син* „глаз“ (*синм-ысь* „из глаза“), удм. *син* „глаз“ (*синм-аз* „в его глаз“); *син* из **синм̄* < **силм̄*; ср. морд. *сельме*, финск. *siltä*;

коми *ен* „бог, небо“ (*енм-а му-а костын* „между небом и землёй“), удм. *ин* „небо“ (*инм-ысь* „с неба“): *ен* из **йэнм* < **лмл*; ср. финск. *ilma* „воздух, погода“;

б) В некоторых словах финноугорское *-лм-* претерпело дальнейшее изменение *-лм-* > *-нм-* > *-н'м-* > *-йм-*; *н* смягчилось, а затем мягкое *н'* перешло в акустически близкий звук *й*. Такое явление мы наблюдаем, например, в следующих словах:

коми *койм-* в слове *коймöд* „третий“ (слово *куйим* из **куйм*, см. § 47), удм. *куинь* „три“ (*куиньм-ос* „треть“); *койм-* из **квн'мл* < **квлмл*; ср. морд. *колме*, финск. *kolme*;

коми *пöйим* из **пöйм* (см. § 47), удм. *пень* „зола“ (*пеньм-алны* „золить“); **пöйм* из **пвн'м̄* < **пвлм̄*; финск. *pelte*.

Перестановка согласных в сочетании -кс-.

§ 65. Во многих словах произошла перестановка согласных -кс- (-кс- > -ск-), например:

сос „рукав“ (*соск-ыс* „его рукав“) из **свксв*, ср. марийск. *шокш* < **сокс* „рукава“;

мус „печень“ (*муск-ыс* „его печень“), удм. *мус*, из **мук-св*; ср. мар. *мокш*, эрзя-морд. *макс*, финск. *такса*;

юсь „лебедь“ (*юсь-ыс*, диалектн. *йус'к-ыс* „его лебедь“), удм. *юсь*, из **й҃с'к-* < **й҃кс'л*; ср. мар. *йукшӧ*, *йукчӧ* „лебедь“, финск. *joutsen*, *joksen* „лебедь“;

коми-перм. *юскыны*, коми-язьв. *йускинӧ* „распрягать“, удм. *юскыны*; из **йуксинл*; ср. эрзя-морд. *юксемс* „развязать, отстегнуть“.

Перестановка согласных -кс- и отпадение конечного -к- (-кс- > -ск- > -с-) произошла также во многих суффиксах, имеющих в своём составе звук *с*, например:

коми *пурт-ӧс* „ножны“ (*пурт* „нож“), *пыд-ӧс* „дно“ (*пыдын* „глубоко“), *ул-ӧс* „стул“ (*ул* „низ“) и т. д.; удм. *нюл-эс* „лес“ (*нюл-эскын* „в лесу“, *нбылпу* „пихта“); ср. морд. *сур-кс* „кольцо, перстень“ (*сур* „палец“); морд. *пиле-кс* „серьга“ (*пиле* „ухо“); финск. *sormi-kse-*, „кольцо“ (*sormi* „палец“).

II. ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А. ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Делабиализация звука *ö*.

§ 66. В коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах, а также в большинстве удмуртских диалектов звук *ö* является нелабиализованным гласным, т. е. при произношении его губы находятся в пассивном состоянии. Однако имеется основание предполагать, что в прошлом этот звук был огубленным. Такое предположение мы можем сделать на основании следующих данных.

1. Во многих окраинных диалектах пермских языков звук *ö* произносится как лабиализованный звук среднего подъёма средне-переднего ряда. Такое *ö* мы имеем в коми-язьвинском диалекте и в ряде южных и юго-западных говоров удмуртского языка (например, в удмуртских говорах Татарской ССР, в малмыжско-уржумских и некоторых других диалектах удмуртского языка). Коми-язьвинский диалект отделён от названных удмуртских диалектов пространством 500—600 км, поэтому не может быть речи о возникновении этого звука путём влияния одних диалектов на другие. Лабиализованное *ö* этих диалектов (весьма архаичных и в отношении других гласных, см. §§ 31, 68—73) унаследовано от общепермского языка-основы, в котором имелись лабиализованные гласные переднего ряда.

В коми-язьвинском диалекте этот звук *ö* напоминает немецкое *ö*, являющееся гласным переднего ряда среднего подъёма. Коми-язьвинское *ö* по сравнению с немецким *ö* немножко оттянуто назад, поэтому мы называем его гласным передне-среднего ряда.

2. Общекоми лабиализованный звук *ü*, сохранившийся в коми-язьвинском диалекте и исчезнувший в других коми диалектах (см. § 72), передается в коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах чаще всего через *ö*, который во время исчезновения *ü* должен был быть ещё лабиализованным — современное нелабиализованное *ö* акустически стоит очень далеко

от *ü* и поэтому допустить, чтобы первый звук (неогублённое *ö*) был непосредственным заменителем второго (*ü*). Следует думать, что общекومی *ü* в коми-зырянских и коми-пермяцких говорах было замещено сначала лабиализованным *ö*, а делабиализация *ö* произошла в этих говорах уже позже (*ü* > лабиал. **ö* > нелаб. *ö*). Если бы *ö* был нелабиализованным гласным при утрате *ü*, то это последнее заменилось бы не через *ö*, а через *у*. Примеры: коми-язьв. *буж*, остальн. коми *бöж* „хвост“; коми-язьв. *бурд-*, остальн. коми диалекты *бörд-* „плакать“; коми-язьв. *вуй-*, ост. диал. *вöй-* „тонуть“; коми-язьв. *вут*, ост. диал. *вöт* „сновидение“ и т. д. — можно привести свыше 50 примеров.

3. Коми словам со звуком *ö* весьма часто в других финно-угорских языках соответствует лабиализованный гласный, например:

коми *гön* „волос, шерсть, перо“, удм. *гон*, финск. *купä*;
 коми *кöл* „верёвка“, удм. *кал* из **кöл* (в удмуртском языке перед *л* звук *ö* перешёл в *а*, ср. коми *кöвтны*, удм. *калтыны* „ловить, вылавливать сетью, ложкой и т. д.“, коми *мöвпавны*, удм. *малпаны* „думать“, коми *сьöла*, удм. *сяла* „рябчик“ и др.); финск. *кöyte-*;

коми *вöнь* „пояс, подвязка“, финск. *вуö*, венг. *öv*;
 коми *лöм* „струп, короста“, мар. *лумö*;
 коми *гöп* „лужа, маленькое озеро“, удм. *гон*, мар. *куп*, финск. *киорра*, венг. *кира*.

4. Г. Ф. Миллер, член Петербургской Академии наук, немец по происхождению, во время путешествия по Сибири и Приуралью (1733—1743 гг.) лично сам на месте записывал коми слова немецкими буквами. Он коми-зырянское *ö* систематически передаёт немецкой буквой *ö*, например: *töl* „ветер“, *wör* „лес“, *öschmass* „колодец“, *gön* „шерсть“, *sjöliem* „сердце“, *öschen* „окно“, *möss* „корова“, *kötsch* „заяц“, *kör* „олень“, *jöl* „молоко“, *ssör* „овёс“, *öss* „дверь“, *jöra* „лось“ и т. д. Такая передача коми *ö* свидетельствует о том, что немецкий звук *ö* ближе стоял к коми *ö*, чем другие немецкие гласные (*e*, *ä*, *o*, *ü*, *u*). Знаменательно то, что Миллер передаёт через немецкое *ö* также коми *ö* после мягкого согласного: *sjöliem*, *schjöllam* „сердце“, *jöl* „молоко“, *jöra* „лось“ (современное коми *ö*, являющееся нелабиализованным гласным, в положении после мягкого согласного акустически ближе стоит к немецкому *e*, чем к немецкому *ö*) — это говорит о том, что в первой половине XVIII века *ö* произносилось ещё лабиализованно.

Нужно полагать, что с лёгкой руки Г. Ф. Миллера и вошло в традицию обозначение рассматриваемого гласного звука пермских языков при помощи буквы *o* с двумя точками (*ö*).

Впервые применил Миллер такое обозначение в своей книге *Sammlung Russische Geschichte*, СПб, 1758 г., т. III, в которой напечатал свыше трёхсот слов на коми, удмуртском и т. д. языках.

§ 67. Таким образом, звук *ö* в общепермском языке-основе был огублённым гласным; таковым он оставался и в удмуртском и коми языках после отделения их друг от друга. Потеря огублённости (делабиализация) этого звука, наблюдаемая в громадном большинстве коми и удмуртских диалектов, произошла в течение последних столетий самостоятельно в каждом из пермских языков, притом, этот процесс связан с процессом утраты всех переднерядных (точнее, передне-среднерядных) лабиализованных гласных в пермских языках.

Делабиализация *ö* сопровождалась передвижкой этого гласного назад: передне-среднерядное огублённое *ö* в коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах перешло в неогубленный гласный среднего ряда среднего подъёма, а в большинстве удмуртских диалектов — в неогубленный заднерядный гласный. На то, что раньше коми *ö* был звуком более переднего образования, указывают также коми заимствования, попавшие в хантыйский язык (до XVII в.). В них коми *ö* передается гласным переднего ряда *и, э* — хотя и нелабиализованным (лабиализованных гласных переднего ряда в западнохантыйских диалектах, имевших соприкосновение с коми языком, не имеется), например: хант. *тилэш* из коми *тöльсь* „луна, месяц“, хант. *тиштэ* из коми *тöжды-* „заботиться“, хант. *ширт* из коми *шöрт* „нитка, пряжа“, хант. *лэзат-* из коми *лöсьöд-* „поправить, привести в порядок“, хант. *йэрт-* из коми *йöрт-* „запереть“ и др.

Исчезновение закрытой гласной фонемы *ö*.

§ 68. В верхнесысольском говоре встречается особая фонема закрытого *ö*, которая противостоит открытому *о*. Закрытое *ö* в этом диалекте употребляется в определённых словах, и употребление его не зависит от фонетических условий (от места, занимаемого в слове, от качества соседних звуков и т. п.). Оно определённо выступает как звук-смыслоразличитель, например: *пöн* „собака“ и *пон* „конец“, *кöрс'а* „веник“ и *корс'а* „ищу“, *кöс* „сухой“ и *кос* „промежуток“, *ч'öж* „быстрый“, и *ч'ож* „дядя по матери“, *öз с'öй* „ешь землянику“ и *оз с'öй* „не ест“ и др.

Артикуляция этого звука, взятого в отдельности, следующая: положение губ совершенно такое же, как при *у*, но язык расположен немного выше того места, где он находится при произношении открытого *о*, поэтому закрытое *ö* иначе

мы называем гласным звуком заднего ряда средне-верхнего подъёма.

Два разных *o* существовали также в древнепермском языке, которые в стефановской письменности обозначались двумя разными буквами: закрытое *ô* буквой *вой*, а открытое *o* — *омегой* (см. таблицу на 42 стр.). Знаменательно то, что древнепермским звукам, обозначенным буквой *вой*, в верхнесысольском говоре строго соответствует закрытое *ô* и, наоборот, звукам, обозначенным в стефановской письменности *омегой*, в верхнесысольском соответствует открытое *o*. Кроме того, в тех словах, где в древнепермском языке и в верхнесысольском говоре мы имеем закрытое *ô*, в коми-язьвинском диалекте выступает ударяемое *y*, а на месте древнепермского и верхнесысольского открытого *o* в этом диалекте мы находим тоже обыкновенное открытое *o* (в коми-язьвинском диалекте нет двух *o*). Приведём сравнительную таблицу.

Древнепермск. язык	Верхне-сысольск.	Коми-язьв.
<i>vôz'</i> (Тр. 1, 2, 3, 6) „перед“	<i>ôz</i> ,	<i>ýz'</i>
<i>c'ôй</i> - (Тр. 3, 6) „есть, кушать“	<i>c'ôй</i> -	<i>c'úй</i> -
<i>кôйд</i> (Сош. 6) „подобно“	<i>кôд'</i>	<i>кúд'</i>
<i>кôд</i> - (Тр. 4, 6, Сош. 6) „кто, который“	<i>кôд</i>	<i>кúд</i> -
<i>дор</i> - (Тр. 1, 2) „у (послелог)“	<i>дор</i> -	<i>дор</i> -
<i>лой</i> - (Тр. 4) „месить“	<i>лой</i> -	<i>лой</i> -
<i>ло</i> - (Сош. 1, 4) „быть“	<i>ло</i> -	<i>ло</i> -
<i>морт</i> (Кыл.) „человек“	<i>морт</i>	<i>морт</i>

Из таблицы видно, что две фонемы *o* различаются не только в древнепермском языке и в верхнесысольском говоре, но и в коми-язьвинском диалекте (в последнем закрытое *ô* перешло в ударяемое *y*). На основании приведённых данных мы предполагаем существование двух *o*, закрытого и открытого, в общекومی языке-основе.

Имеется основание предполагать существование двух *o* также в общепермском языке-основе. Об этом говорит тот факт, что в отдельных удмуртских диалектах (напр., в урсыгуртском диалекте, находящемся в Татарской ССР) коми закрытому *ô* соответствует один звук (лабиализованное *y*), а коми открытому *o* — другой (*y*), например: коми верхнесыс. *лôл*, коми-язьвинск. *лúл*, удм. урсыгуртск. *лúл* „душа“; коми верхнесыс. *пôж*, коми-язьвинск. *пúж*, удмуртск. урсыгуртск. *пúж* „решето“; коми верхнесыс. и коми-язьвинск. *дон*, удмуртск. урсыгуртск. *дун* „цена“; коми верхнесыс. и коми-язьвинск. *морт*, удмуртск. урсыгурт. *мурт* „человек“.

§ 69. Таким образом, в современных коми диалектах нигде, кроме верхнесысольского, двух *o* не сохранилось: закрытое *ô* исчезло. Возникает вопрос, когда исчезло это

закрытое *ô*? В период существования древнепермской письменности (XIV—XVII вв.) на нижней Вычегде (вероятно, также и в других местах вычегодского бассейна) закрытое *ô* ещё не утратилось.

Коми слова, попавшие в хантыйский язык, тоже свидетельствуют о том, что в коми языке в то время (до XIV—XV вв.) ещё существовало закрытое *ô* — это *ô* в хантыйском языке передается через *y*; хантыйск. *кураc* из древнекоми **kôpъc'* „веник“ (верхнесыольск. *kôpс'a*), хант. *пус* из древнекоми **пôж* „решето“ (верхнесыольск. *пôж*, кя. *пуж*), хант. *туйт* из древнекоми **дôйд* „сани“ (нижневичегодск. *дойд*, верхнесыольск. *дôд'*, кя. *дуд'*) и др.

Коми слова попали в хантыйский язык из разных диалектов (по преимуществу из северных, как указывает на это звуковой вид слова *дойд*), поэтому нельзя думать, что оригиналом рассматриваемых хантыйских заимствований был коми-язьвинский диалект, характерный звуком *y*.

В некоторых коми-пермяцких диалектах, по-видимому, закрытое *ô* (или *y*) имелось ещё в XVIII веке. Акад. И. И. Лепёхин в 1771 г. в косинском диалекте записал коми *утир* вм. современного *отир* „народ“; другие же коми-пермяцкие слова, в которых мы должны ожидать открытое *o*, он записал через обыкновенное *o*: *соча* „сестра“, *поришь* „свинья“. Буквой *y* переданы также некоторые коми-пермяцкие слова, фигурирующие в книге „Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы“ (СПб, 1787 г.), а именно: *тумь* „молодой“ (верхнесыольск. *тôм*, коми-язьв. *тум*), *вудно* „лечь“ (верхнесыольск. *вôд-*, коми-язьвинск. *вуд-*), *устижи* „прежде“ (верхнесыольск. *ôз'-*, древнепермск. *вôз'-*, коми-язьв. *уз'-*), *гурза* „воплъ“ (коми-язьвинск. *гурзи-*), *лугья* „живо“ (верхнесыольск. *лôлья*, коми-язьвинск. *лумья*). Возможно, что эти слова в словарь попали из такого коми-пермяцкого диалекта, который был близок к современному коми-язьвинскому — в этом диалекте закрытое *ô* уже перешло в *y*.

В других памятниках письменности XVIII века — как в коми-пермяцких, так и коми-зырянских — в словнике Г. Ф. Миллера, Лепёхинском словарице, „Кратком пермском словаре“ Антония Попова 1785 года (рукопись) и т. д. — закрытое *ô* не получило отражения.

Нужно полагать, что в XVIII веке в громадном большинстве коми диалектов закрытого *ô* уже не было.

Закрытое *ô* в верхнесыольском диалекте быстро утрачивается, сливаясь с открытым *o*. Уже в 20-х годах текущего столетия в некоторых селах, говорящих на этом диалекте, молодёжь не употребляла этого звука, а бывалые люди вообще не различали двух *o*.

Итак, закрытое *ô*, восходящее к общекоми языку-основе, имело следующую судьбу: в верхнесысольском говоре оно сохранялось до самого последнего времени, в древнепермском языке этот звук обозначался особой буквой *вой*, в коми-язьвинском диалекте закрытое *ô* перешло в ударное *у*, в остальных же диалектах оно исчезло к XVIII веку, слившись с открытым *о*. Возможно, отдельные островки с закрытым *ô* в XVIII веке имелись ещё на территории современной Молотовской и Кировской областей.

Закрытое *ô* перешло в *у* не только в коми-язьвинском диалекте (там всякое закрытое *ô* перешло в *у*), но и в некоторых словах отдельных диалектов коми-пермяцкого и коми-зырянского наречий, например: вычегодск. и ижемск. *шуй*, сысольск., лузск. и кочевск. *шой*, верхнесысольск. *шбй* „труп“; северн. *руз'*, сысольск. и лузск. *роз'*, верхнесысольск. *рбз'* „дыра, отверстие“; северн. *ун*, сысольск., лузск. и коми-перм. *он*, верхнесысольск. *он* „сон“; лузско-летск. *узыр*, остальн. коми-зырянск. и коми-перм. *озыр*, верхнесысольск. *обыр* „богатый“; коми-перм. *умёл'*, коми-зыр. *омёл'*, верхнесысольское *омёл'* „плохой, худой“; нижевыч. *сус'с'ис'-*, удорск. *сус'с'ы'-* и иньвенск. *сус'кис'-*, кочевск. *суч'кис'-*, сысольск., лузск. и зюздинск. *сос'с'ы-*, верхнесысольск. *сбс'с'ы-* „отрекаться, отпираться“ и т. д.

Закрытая гласная фонема э.

§ 70. В древнепермском языке имелось два звука *э* — открытое *э* и закрытое *э*, которые обозначались разными буквами: открытое *э* — при помощи буквы *э* (эпсилон), а закрытое *э* — буквой *ять* (так условно мы называем эту букву, поскольку её начертание напоминает начертание славяно-русского *ять* и поскольку в лепёхинско-евгеньевских текстах этой древнепермской букве соответствует русская буква *ять*), например: *рЪгид* (Тр. 5) „скоро“, *вЪжа* (Сош. 8) „святой“, *кЪж-* (Тр. 4) „сворачивать“; *мэд* (Тр. 2) „пусть“, *с'эт-* (Тр. 5, Сош. 10) „дать“, *тэ* (Тр. 2) „ты“, *н'эбогиш'* (Синаит) „книги“.

В современных диалектах коми языка закрытое *э* как особая фонема нигде не сохранилась: в коми-язьвинском диалекте оно слилось со звуком *и*, а в остальных диалектах — со звуком *э*. Однако коми-язьвинское *и*, соответствующее закрытому *э* древнепермского языка и открытому *э* современных коми-зырянских и коми-пермяцких диалектов, отличается от того *и*, которое соответствует звуку *и* других диалектов и древнепермского языка тем, что оно всегда является ударным, тогда как другое *и* — в двусложных и многосложных словах безударное.

В коми-язьвинском диалекте древнепермскому Ъ (ять) соответствует ударяемое *и*, а древнепермскому Э — тоже э; в других коми диалектах обоим древнепермским звукам соответствует э. Приведём примеры:

древнепермск. *кЪжидныйд* (Тр. 4) „вы уклонились, свернули с дороги“, коми-язьвинск. *кйж-*, остальн. коми диал. *кэж-* „сворачивать с дороги, сторониться“;

древнеперм. *лЪтчас* (Е 28), *лЪтчас* (следует читать *лЪтчас*, Л 28) „спустится“, *лэтчомъ* (ЛЕ 120) „спустившийся“; коми-язьвинск. *лйч'ч'и-*, остальн. коми диал. *лэтч'ы-* „спуститься“;

древнепермск. *вЪжа* (Сош. 8, Синаит 1), *вэжа-* (ЛЕ 4, 5, 7, 102, 103 и т. д.) „святой“, коми-язьвинск. *виж* „крест“ (*туй-виж* „перекресток дороги“, *виж-ай* „крестный отец“), остальн. коми диал. *вэж* (*туй-вэж* „перекресток дороги“, *пад-вэжён* „крест-накрест“, *вэж-ай* „крестный отец“);

древнепермск. *тэрмодс'и* (Тр. 5) „поторопись, поспеши“, коми-язьвинск. *тэрмт-* „торопить“, остальн. коми диал. *тэрмас'-* „торопиться“;

древнепермск. *с'эт-* (Тр. 5, Сош. 10, ЛЕ 59, 61, 185), коми-язьвинск. и другие коми диалекты *с'эт-* „дать“;

древнепермск. *мэн-* (Кыл., ЛЕ 45, 77, 79) — основа личного местоимения 1 л. ед. ч., коми-язьвинск. и остальн. коми диалекты *мэн-*.

Приведённые данные древнепермского языка и коми-язьвинского диалекта дают основание сделать предположение о том, что в общекоми языке-основе существовали два э: закрытое и открытое. Эти два э в древнепермском языке ещё различались. В современных диалектах закрытое Э утратилось: в коми-язьвинском оно перешло в ударяемое *и*, а в остальных диалектах оно слилось с открытым э.

§ 71. Когда исчезло в коми языке закрытое Э? В отношении времени исчезновения закрытого Э можно сказать лишь то, что в древнепермском языке стефановского периода оно ещё существовало, ибо в ранних памятниках древнепермской письменности (Тр., Сош., Синаит — XV в., Кылд.— 1510 г.) буква ять (Ь) употребляется последовательно, например: *вЪжа* (Сош. 8, Синаит 1) „святой“, *вЪлмодс'ис* (Тр. 1, Сош. 5), *кЪж-* (Тр. 4) „ждать“, *кЪжтёмас'* (Сош. 2) „неожиданно“. В лепёхинско-евгеньевских текстах, а также в гамско-сидоровском списке древнепермской обедни, которые подвергались многократной переписке представителями разных диалектов XV—XVII веков, буква ять (Ь) уже смешивается с буквой э, например: *кЪжас'ан* (Е 15), *кэжас'ан* (Л 15) „надежда“, *кЪжалам* (ЛЕ 143) „ожидая“, *кЪж* (Е 35), *кэж* (Л 35) „к (последок)“, *вЪжа* (Гамско-Сидоровск. 8), *вэжа* (ЛЕ 4, 5, 7, 102, 103, 135, 140, 150, 195); *лЪтч'ас* (ЛЕ 28) „спустится, сойдёт“, *лэтч'ом* (ЛЕ 120) „спустившийся“; *нЪм-* (Е 37, 48, 145), *нэм-* (Л 37, 145, 48; ЛЕ 114) „век“ и т. д.

Различное написание (через *Ь* и через *Э*) одних и тех же слов, наблюдаемое в трёх сохранившихся списках древнепермской обедни (лепёхинском, евгеньевском и гамско-сидоровском) свидетельствует о том, что писцы этих памятников уже не различали в своём говоре закрытое и открытое *э*, а букву *Ь* употребляли по традиции, смешивая её с буквой *э*. Это обстоятельство даёт основание говорить о том, что в XVII веке в говорах вычегодского бассейна закрытого *э* как особой фонемы уже не было.

Итак, судьба общекочи закрытого *э* такова: этот звук имелся ещё в языке древнейших памятников стефановской письменности (XIV—XVI вв.), отражающих диалект Нижней Вычегды; он имелся, по-видимому, и в других коми диалектах этого времени; в диалектах вычегодского бассейна закрытое *э* исчезает примерно к XVII веку (у нас нет данных говорить о том, когда исчез этот звук в других диалектах); в современных диалектах коми языка закрытое *э* как особая фонема нигде не сохранилось; изменение общекочи закрытого *э* протекало в двух направлениях: в коми-язьвинском диалекте оно перешло в ударяемое *и*, а в остальных диалектах — слилось со звуком *э*.

Общекочи закрытое *э* в отдельных словах перешло в *и* также в некоторых других (кроме коми-язьвинского) диалектах коми языка. В северных диалектах коми-зырянского наречия и нижеиньвенских диалектах коми-пермяцкого наречия, например, отрицательный глагол в прошедшем времени имеет огласовку *и*, происходящую от общекочи закрытого *э*: нижевыч., вымск., удорск., ижемск., нижеиньвенск. и оньковск. (равно и коми-язьвинск.) *иг мун, ин мун, из мун* и т. д. „я, ты, он не шёл“ вместо *эг мун, эн мун, эз мун* и т. д. остальных коми диалектов; ср. также нижевыч., вымск., удорск. и ижемск. *ин'* „самка“ вм. сысольск. *эн'*; нижеиньвенск. и оньковск. *йим* „иголка“, *вим* „мозг“, *ч'ир* „топор“, *ч'игны* „сломать“ вм. *йэм, вэм, ч'эр, ч'эгны* других коми-пермяцких и коми-зырянских говоров.

О закрытом гласном *ö* (у̇).

§ 72. В коми-язьвинском диалекте имеется особая фонема — закрытое огублённое *ö*, обозначаемое нами буквой *у̇*. Коми-язьвинское *у̇* — это огублённый гласный верхнего подъёма передне-среднего ряда, акустически оно напоминает немецкое *ü*. В других диалектах современного коми языка этот звук не встречается. Этот звук не находит отражения также и в древнепермской письменности.

Коми-язьвинскому *у̇*, удерживающему на себе ударение, в других коми диалектах обычно соответствует звук *ö*, например:

б ^о уж,	ост. коми диал.	б ^о ж	„хвост“;
б ^у р ^и и-	остальн. коми диалекты	б ^о р ^и и-	„выбирать“;
б ^у рд-	„	б ^о рд-	„плакать“;
в ^у й-	„	в ^о й-	„тонуть“;
в ^у т	„	в ^о т	„сновидение“;
в ^у з ^и и-	„	в ^о з ^и и-	„предлагать“

и т. д. (свыше 50 случаев).

Имеется ряд случаев, когда коми-язьвинскому ударному *у* в других коми диалектах соответствует не *о*, а другие звуки (*о*, *у*, *ы*), например: *кя. д^уд'*, *ост. диал. (кроме верхнесыс.) д^од'* „дровни“; *кя. с'у^й*, *ост. диал. с'о^й* „глина“; *кя. с^уз'*, *ост. диал. соз'* „пригоршня“; *кя. у^й*, *ост. диал. во^й* „ночь“; *кя. т^уй-*, *ост. диал. т^уй-* „годиться“; *кя. й^ус'*, *ост. диал. й^ус'* „лебедь“; *кя. ку-*, *коми-зыр. кы-*, *коми-перм. кы^й-* „ткать“ и т. д. В этих словах коми-язьвинское *у* возникло из более раннего *у* (<**о*) — передвижка заднерядного *у* в средне-передний ряд произошла под влиянием следующего мягкого согласного, следовательно, в приведённых словах мы и не должны ожидать соответствия *о* в других коми диалектах.

Таким образом, коми-язьвинскому *у* в других коми диалектах закономерно соответствует *о*. В связи с этим нам необходимо вспомнить историю закрытого *о* и закрытого *э*. Общекоми заднерядное закрытое *о* в коми-язьвинском диалекте сузилось, т. е. перешло в более узкий гласный заднего ряда (**о* > *у*), в других коми диалектах оно, наоборот, расширилось (**о* > *о*). Аналогичные изменения произошли и с общекоми переднерядным закрытым *э*: этот общекоми звук в коми-язьвинском тоже сузился (**э* > *и*), а в других коми диалектах — расширился (**э* > *э*). Словом, общекоми закрытые заднерядное *о* и переднерядное *э* в коми-язьвинском диалекте представлены узкими гласными (гласными верхнего подъёма), а в остальных диалектах — относительно широкими (среднего подъёма) гласными. Аналогичное соответствие мы видим в рассматриваемом нами гласном среднего ряда: узкому гласному среднего (передне-среднего) ряда коми-язьвинского диалекта *у* в других диалектах коми языка соответствует гласный среднего подъёма *о*, т. е. гласный более широкий. Это обстоятельство наталкивает нас на предположение о существовании в коми языке-основе третьего закрытого гласного — закрытого гласного среднего ряда (закрытого *о*), который в коми-язьвинском диалекте сузился (**о* > *у*), а в других коми диалектах — расширился (**о* > *о*).

§ 73. В результате, в общекоми языке-основе мы можем предположить существование следующих гласных фонем:

Подъём	Р я д		
	передний	средний	задний
Верхний	<i>и</i>		<i>ы</i> <i>у</i>
Средне-верхний	<i>э</i>	<i>ѳ</i>	<i>ѳ</i> <i>ѳ</i>
Средний	<i>э</i>	<i>ѳ</i>	<i>ѳ</i> <i>о</i>
Нижний			<i>а</i>

Гласные средне-верхнего подъёма в современных коми диалектах исчезли (исключением является верхнесыольский диалект, сохранивший до последнего времени один гласный средне-верхнего подъёма — закрытое *ѳ*, который в этом диалекте тоже постепенно утрачивается).

Общекими узкие гласные (гласные средне-верхнего подъёма) *э*, *ѳ*, *ѳ* в коми-язвинском диалекте перешли в гласные верхнего подъёма (**э* > *и*, **ѳ* > *у*, **ѳ* > *у*), а в остальных диалектах — в гласные среднего подъёма (**э* > *э*, **ѳ* > *ѳ*, **ѳ* > *о*), при этом общекими закрытое огублённое *ѳ* в этих последних диалектах сначала перешло в лабиализованное *ѳ* и лишь впоследствии это *ѳ* потеряло огублённое произношение (претерпело делабиализацию, см. §§ 66—67).

Относительно принадлежности общекими гласных к определенному ряду нужно сказать следующее: звуки *ы* и *а* были гласными более заднего образования, а *ѳ* более переднего, чем в современных коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах. Звуки *ы* и *а* в языке-основе имели примерно такую артикуляцию, какую мы имеем при образовании соответствующих звуков современного удмуртского языка (в удмуртском языке они более заднего образования, чем в коми языке), а лабиализованные *ѳ* и *ѳ* коми языка-основы были передне-среднерядными гласными, какими они и являются в современном коми-язвинском диалекте и в тех удмуртских диалектах, где сохранились.

В современном удмуртском языке гласные переднего ряда (*и*, *э*) довольно резко противопоставляются остальным гласным (*ы*, *у*, *о*, *а*, нелабиализованному *ѳ*). Возможно, в коми языке-основе гласные переднего ряда (*и*, *э*, *э*, *ѳ*, *ѳ*) противостояли гласным заднего ряда (*ы*, *а*, *у*, *о*, *ѳ*), а гласных среднего ряда совсем не было. Выработка гласных среднего ряда связана, с одной стороны, с процессом утраты лабиализованного закрытого *ѳ* и делабиализации открытого *ѳ* и, с другой — с процессом влияния вокализма говоров русского населения, с которым коми народ в последние столетия — как показывают многочисленные заимствования — имел самые тесные связи.

Таким образом, в таблице общекими гласных звуки среднего ряда выделены условно.

Влияние мягких согласных на соседние гласные (ы, ѓ, а, у) в некоторых диалектах.

§ 74. Каждый мягкий согласный в известной мере палатализирует соседний гласный звук, иными словами, активные органы речи (прежде всего спинка языка), принимающие участие в образовании гласного звука, под влиянием соседнего мягкого согласного приближаются к твёрдому нёбу. В слове *с'ус'* „расторопный“, например, у является более переднерядным (палатальным), чем в слове *сус* „кедр“. Но эти разновидности у являются оттенками одной фонемы, они не выходят за пределы фонемы у, поэтому говорящие, неискушённые в вопросах фонетики, не замечают разницы между этими двумя у. Мы здесь не намерены говорить о такого рода влиянии мягкого согласного на гласный.

В коми языке наблюдается другого рода влияние мягкого согласного на соседний гласный. Это — такое влияние, когда одна гласная фонема под влиянием соседнего мягкого согласного переходит в другую фонему. В данном параграфе мы намерены рассмотреть явления этого порядка.

Переход одной фонемы в другую под влиянием соседних согласных встречается в отдельных диалектах коми языка; при этом, в одних диалектах такому влиянию подвергаются одни гласные, а в других — другие. Рассмотрим некоторые из этих явлений.

1. В суффиксальном слове нижневычегодского говора после мягкого согласного *ѓ* перешло в *э*, а *ы* — в *и*, например: *пач'э* „в печку“, *уз'э* „спит“, *кѓч'эс* „зайца“, *куз'эс'* „длинные“, *вийэн* „маслом“; в этих же суффиксах после твёрдого согласного произносится звук *ѓ* — *вѓрѓ* „в лес“, *куйлѓ* „лежит“, *мортѓс* „человека“, *кызѓс'* „толстые“, *йѓлѓн* „молоком“; приведём примеры на переход *ы* в *и*: *пэл'ин* „в ухе“, *пэл'ис'* „из уха“, *ч'ойид* „твоя сестра“, *айис* „его отец“, *вайис'* „приносящий“ и т. д.; после твёрдого согласного в этих суффиксах слышится *ы*: *вомын* „во рту“, *вомыс'* „изо рта“, *вокыд* „твой брат“, *мамыс* „его мать“, *муныс'* „идуший“.

В древнейших памятниках коми письменности, которые — как мы предполагаем — были написаны на нижневычегодском диалекте, перехода *ы* в *и* и *ѓ* в *э* ещё не наблюдаем, ср. *ѓз'ѓс* *вѓз'ын* „перед дверьми“ (*Тр. 1*), *тайѓ* „этот“ (*Синаит 1*), *туйѓ* „в путь“ (*Тр. 4*), *на вѓз'ын* „перед ними“ (*Тр. 6*). Но в лепёхинско-евгеньевских текстах уже встречаются отдельные примеры, свидетельствующие о переходе *ы* в *и* и *ѓ* в *э*, например: *айэ* (*ЛЕ 106*) „в отца“, *Пилат вѓз'ин* (*ЛЕ 124*), *н'ан'эс* (*ЛЕ 185*) „хлеб (вин. п.)“, *кос'эм* (*ЛЕ 123*) „распятый“ и нек. др.

Рассматриваемое изменение гласных в нижневычегодском говоре началось, вероятно, уже в XVI—XVII веке. Аналогичное явление мы наблюдаем также в нижнелузском говоре,

находящемся поблизости от русского населения. Переход среднерядных гласных (*ö, y*) после мягких согласных в переднерядные (*э, и*) следует объяснить влиянием русского языка, в котором после мягкого согласного не может стоять среднерядный гласный (*ы*).

2. В удорском говоре в суффиксальных слогах перед мягким согласным *ы* перешло в *и*, а *ö* — в *э*, например: *мортлис'* „у человека“, *мортис'* „из человека“, *бурэс'* „хороши“, *мортэз'* „до человека“, *н'айтэс'* „грязный“ и др.; в этом положении в других диалектах (нижневычегодском, сыктывкарском, сысольском и т. д.) мы имеем *ы* и *ö*: *мортлыс'*, *мортыс'*, *бурöс'*, *мортöз'*, *н'йтöс'*.

В некоторых других диалектах коми языка изменение *ö* и *ы* под влиянием последующего мягкого согласного мы наблюдаем только в определённых случаях. В коми-пермяцких говорах, например, *ы* перешло в *и* только перед одним мягким согласным *с'*: *мортлис'* „у человека“, *мунис'* „идуший“, *татис'* „отсюда“, *Кудымкарис'* „из Кудымкара“ и т. д. В лузско-летском диалекте *ö* перешло в *э* в суффиксе достигательного падежа под влиянием последующего мягкого *з'*: *карэз'* „до города“, *ч'ом динэз'* „до шалаша“, *сэтч'эз'* „дотуда“ и др.

3. В верхнесысольском говоре звук *а* между мягкими согласными перешёл в *э*, например: *н'эн'* „хлеб“, *йэй* „мясо“, *ч'эл'* „мизинец“, *н'эт'* „грязь“, *гортс'эн'* „из дому“ и т. д.; в других диалектах коми языка в этих словах мы имеем *а*: *н'ан'*, *йай*, *ч'ал'*, *н'айт* и *н'ат'*, *гортс'ан'*.

4. В коми-язьвинском диалекте гласный *у* под влиянием следующего мягкого согласного перешёл в *ü*: *уз'->üz'-* „спать“, *руч' >рүч'* „лиса“, *ул' >үл'* „сырой“, *сун'ис >сүн'ис* „нитка“ и др.

История ударения.

§ 75. В современных диалектах пермских языков мы наблюдаем четыре типа ударения (см. § 31, п. 3): 1. Коми-зырянский — свободное (не строго фиксированное) ударение с тенденцией ставить на первый слог; 2. Коми-пермяцкий тип — осново-разноместное ударение; 3. Коми-язьвинский — качественно-вокальное ударение и 4. Удмуртский — ударение покоится на последнем слоге слова (исключением являются некоторые морфологические категории: форма повелительного наклонения, приотрицательная форма глагола и т. д., в которых ударение стоит на первом слоге).

В общепермском языке-основе ударение, вероятно, было коми-зырянского типа или во всяком случае стояло близко к этому типу ударения: оно не было прикреплено к определенному слогу, при этом ударный слог мало отличался от безударного (что мы наблюдаем и в современных коми-зырянских диалектах).

Такой тип ударения является хорошей почвой для всякого рода изменений под влиянием разных факторов: влияния соседних языков; воздействия гласных, отличающихся друг от друга по своей звучности; различие отдельных морфологических и лексических категорий и т. п. Под влиянием этих факторов общепермское ударение претерпело большие изменения, приведшие к современному состоянию.

Удмуртское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское ударение является фиксированным; в каждом отдельном случае (в каждом слове или форме его) оно падает на определенный слог, говорящий не может произвольно перенести его на другой слог. Возникает вопрос, как выработались фиксированные типы ударения из общепермского нефиксированного (свободного) ударения? Выработка фиксированных типов ударения протекала в следующих трёх направлениях: перенесение (заимствование) типа ударения с 'соседних языков, закрепление ударения за более звучными гласными и морфологизация ударения. Рассмотрим в отдельности каждое из этих направлений в развитии фиксированного ударения.

Удмуртский тип ударения, несомненно, сложился под влиянием языков тюркских народов (древнечувацкого и татарского), с которыми удмурты имели тесную связь в течение многих столетий. В чувашском и татарском языках ударение стоит на последнем слоге слова.

Гласные звуки не одинаковы по своей звучности: гласные верхнего подъёма (узкие гласные) являются звуками менее звучными, чем остальные гласные. С течением времени гласные большей звучности (*а, э, о, ѓ, э, ѓ*) перетянули на себя ударение и закрепили его на себе. В результате образовалась такая система ударения, какую мы имеем в современном коми-язьвинском диалекте (в этом диалекте звук *у*, по-видимому, когда-то тоже был узким гласным). Этот процесс закрепления ударения на гласных большей звучности пережили также коми-пермяцкие диалекты и отчасти коми-зырянские (по крайней мере, те диалекты, которые отразились в памятниках древнепермской письменности). Таким образом выработалось качественно-вокальное ударение, представленное в настоящее время наиболее ярко коми-язьвинским диалектом.

Этот вид ударения в коми-пермяцких диалектах мы видим только в дестимологизированных словах, т. е. в словах, которые в настоящее время не расчленяются на морфемы (в остальных словах произошла морфологизация ударения, см. ниже); примеры: ударение падает на гласные нижнего и среднего подъёма первого слога (примеры взяты из коми-пермяцкого литературного языка) — *ба́ля* „овца“, *а́бу* „нет“, *а́шын* „завтра“, *го́жум* „лето“, *шо́нди* „солнце“, *го́ля* „шея“, *до́ра* „холст“, *о́гыр* „уголь“, *сэ́то́р* „смородина“, *ке́рку* „изба“, *пе́лыс* „весло“

и т. д.; ударение не падает на гласные верхнего подъёма (на гласные меньшей звучности) первого слога — *вуджѡр* „тень“, *куйм* „три“, *тури* „журавль“, *чукыр* „морщина“, *гыжна* „честотка“, *кырым* „горсть“, *изын* „жёрнов“, *кырныш* „ворон“ и др.

В Евгеньевском и Сидоровско-Гамском списках древнепермской обедни (в этих списках расставлено ударение), в которых представлены коми диалекты вычегодского бассейна XIV—XVII вв., мы видим большинство слов с ударением, наминающим коми-язьвинское, т. е. в большинстве случаев гласные 1-го слога *а, о, ѡ, э* являются ударными, а гласные *и, у, ы* — безударными, например: *чѡрыдь* „крепкий“, *ѡбуль* „нет“, *вѡйясь* „принесёт“, *вѡча* „навстречу“, *вѡйпамъ* (читается *вѡйпам*) „говорю“, *тѡно* (читается *тѡнѡ*) „тебя“, *мѡнамъ* „у меня“; *мылышты* „помилуй“, *миянды* „нас“, *тійяны* „вам“, *кутас* „возьмет“ и др. Правда, имеется немало отступлений типа: *култѡмо* вм. ожидаемого *култѡмо* „бессмертный“, *карсѡлы* вм. *кѡрсалы* „горожанам“, *лоѡмнымъ* вм. *лоамнымъ* „будем“, *шуйсь* вм. *шуйсь* „он сказал“ и т. д.

Наблюдаются также случаи колебания ударения: в Евгеньевском списке ударение занимает одно место, а в Сидоровско-Гамском — другое, например: *тенидъ* (Евг.) — *тѡнидь* (Сид.-Гам.) „тебе“, *войтырь* (Евг.) — *войтырь* (Сид.-Гам.) „народ“; *чюжѡмъ* (Евг.) — *чужомъ* (Сид.-Гам.) „рождѣнный“; *миянь* (Евг.) — *миянь* (Сид.-Гам.) „наш“, *нймидъ* (Евг.) — *нимидъ* (Сид.-Гам.) „твое имя“, *гора* (Евг.) — *горѡ* (Сид.-Гам.) „голос“; *корѡмъ* (Евг.) — *кѡрамъ* (Сид.-Гам.) „прошу“ и т. д. Имеются случаи колебания ударения и в пределах одного памятника древнепермской письменности.

Вышеприведѣнные отступления от нормы ударения коми-язьвинского типа, а также колебание в ударении древнепермского языка свидетельствуют о том, что в коми-зырянских диалектах XIV—XVII вв. ударение имело лишь элементы качественно-вокального характера, оно далеко не всегда соответствовало принципам качественно-вокального ударения коми-язьвинского типа. Однако ударение древнепермского языка ещё значительно отличалось от ударения современных коми-зырянских диалектов, в которых наблюдается определѣнная тенденция ставить ударение на первый слог. Не исключена возможность, что тенденция ставить ударение на первый слог, наблюдаемая в коми-зырянских диалектах, появилась под влиянием языка вепсов и карел, с которыми предки коми-зырян в течение ряда столетий имели тесные связи.

Развитие ударения в коми-пермяцких диалектах пошло по иному пути. Качественно-вокальное ударение, выработавшееся ещё в глубокой древности, в общекамский период (когда предки коми-пермяков и коми-язьвинцев ещё не были разъединены), постепенно стало подвергаться морфологизации: оно

закреплялось за определёнными морфемами основы слова (*печ-кán* „прялка“, *дёмáс* „заплата“, *гижёт* „письмо“, *лымбóк* „снежок“, *вундáвны* „резать“, *ныры́штны* „раздавить“ и др.), все словоизменительные и некоторые словообразовательные суффиксы остались безударными (*мóртлòн* „у человека“, *мóртòс* „человека“, *мóрттэз* „люди“, *бáляйт* „твоя овца“, *лòвья* „живой“, *кузьжык* „длиннее“, *у́зьтòг* „без сна“ и т. д.). В коми-пермяцких диалектах, таким образом, место ударения имеет отношение к грамматическим категориям, а иногда местом ударения различаются грамматические и лексические категории, например: *сёян* „кушанье“, *сёян* „кушаешь“; *юán* „питьё“, *юán* „пьёшь“; *петáс* „всходы“, *пéтас* „выйдет, взойдёт“; *гарйы́шта* „докопаю“, *гарйы́шта* „копну“; *олòм* „жизнь“, *олòм* „он жил“. Так сформировалось осново-разноместное ударение коми-пермяцких диалектов.

Итак, на базе не фиксированного общепермского ударения выработались четыре типа ударения: 1. В удмуртском языке ударение стало падать на последний слог (такой тип ударения выработался под влиянием тюркских языков); 2. В коми диалектах (в особенности в южных) еще в общекоми период ударение стало закрепляться за гласными большей звучности, в результате выработалась система ударения коми-язьвинского типа (качественно-вокальное ударение); 3. На базе качественно-вокальной системы ударения в коми-пермяцких диалектах происходит процесс морфологизации ударения — вырабатывается осново-разноместное ударение; 4. Процессом закрепления ударения за гласными большей звучности охвачены были также некоторые диалекты вычегодского бассейна XIV—XVII вв., но однако здесь не развилось качественно-вокальное ударение; коми-зырянские диалекты, в известной мере сохранив прежнюю свободу в месте ударения и слабое выделение ударяемых слогов, выработали (вероятно, под известным влиянием вепского и карельского языков) тенденцию ставить ударение на первый слог.

В пограничных районах территорий трёх наречий коми языка наблюдаются переходные типы ударения: ударение летского диалекта коми-зырянского наречия, например, напоминает коми-пермяцкое ударение, а ударение оньковского и нижнеиньвенского диалектов коми-пермяцкого наречия стоит близко к коми-язьвинскому ударению.

§ 76. Место ударения, наблюдаемое в современных диалектах пермских языков, установилось в общих чертах уже весьма давно: в памятниках письменности XVIII века слова зафиксированы в общем (имеются лишь отдельные исключения) с таким ударением, какое они имеют в современном языке. За

неимением более древних памятников письменности, написанных на удмуртских, коми-пермяцких и коми-язьвинских диалектах, мы не можем судить о времени формирования современного ударения этих диалектов.

Коми-зырянские диалекты представлены в памятниках разных периодов, начиная с древнепермского времени и кончая современностью. Если в древнепермских памятниках мы наблюдаем большое количество случаев с ударением не на начальном слоге слова, то в последующих памятниках эти случаи постепенно уменьшаются, ударение чаще начинают ставить на первый слог. Однако колебание в месте ударения наблюдается как в памятниках XVIII века, так и в последующих памятниках и современном языке. Приведём примеры на колебание в месте ударения из памятников XVIII века: в книге Г. Ф. Миллера „Описание живущих в Казанской губ. языческих народов“ (СПб, 1791 год) мы имеем, например, следующие коми-зырянские слова: *áзыль* „утро“, *сáрнай* „золото“, *вéресъ* „муж“, *чэрикъ* „рыба“, *чйпанъ* „курица“, но: *эшмэсь* „колодец“, *пызánъ* „стол“, *сулалáмъ* „стоим“; в записи акад. И. И. Лепёхина, произведённой в 1773 году со слов жильца Гамской волости Ивана Петровича Дичева, мы читаем (рукопись хранится в рукописном отделе Публичной библиотеки им. Щедрина, под шифром Собр. Аделунга, LXXVIII, текст написан немецкими буквами, мы передаем здесь транскрипцией): *гóтыр сýлõн пэл'тõм, оз кыв н'инõм* „жена у него глухая, ничего не слышит“, *ныв сý динын сулáлõ и бõрдõ* „дочь около нее стоит и плачет“, *куййм* „3“, *сизйм* „7“, *каккйáмыс* „8“, *õкмыс* „9“, *кóмын* „30“, *н'эл'áмын* „40“, *вэты́мын* „50“ и т. д. В рукописи „Служба божественная на зырянском языке“ (хранится там же, шифр О. 1. 1217; перевод сделан между 1779 и 1786 гг.) фигурируют слова с ударением как на первом, так и на последующих слогах, например: *бурси* „благослови“, *кúлтõмъ* „бессмертный“, *пýсо* „сына“, *бытсонъ* „все“, *áбу* „нет“, *сõстõмъ* (читается *сõстõм*) „чистый“, *тэныдъ* „тебе“; но наряду с этим мы имеем: *будõнлы* „всем“, *пйáнлы* „детям“, *ичётъ* „маленький“, *бытсы́ма* „всякий“, *ловнáныдъ* „вашим духом“, *лоõны* „будут“, *мия́нось* „нас“, *рамъя́сь* „кроткие“, *нимáлысесъ* „славного“, *сьоломнáнысь* „они своим сердцем“, *вескы́да эскы́сьясь* „правоверные“, *весалы́сесъ* „очищающего“ и т. д.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Б. СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

Исчезновение звука *ŋ*.

§ 77. В финноугорском языке-основе был особый согласный звук *ŋ*. Он произносился как немецкое *-ng-* в слове *Menge* „множество“. Этот звук сохранился во многих современных

финноугорских языках: удмуртском (в южных и юго-западных диалектах), марийском, мансийском и т. д., например: коми *дін* „основа“, удм. *дйнь*, диалектн. *диη*, мар. *түη*; коми *пон, пом* „конец“, удм. *пум, пун, пуη* (по диалектам), манс. *пöη*; коми *вом* „рот, устье“, удм. *ым*, мар. *аη*.

Этот согласный звук существовал ещё в общепермском языке-основе, например в следующих словах:

1. Коми *сунис* „нитка“, южно-удм. *сиηис*; коми *пинь* „зуб“, удм. *пинь*, морд. *пеш*; коми *чунь* „палец“ (из *ч’ун’и, см. § 44), удм. *чиньы*, южно-удм. *чиηи*; в этих словах η смягчилось под влиянием соседнего гласного переднего ряда; мягкое η’ передалось в коми языке через мягкое *н’*.

2. Коми *вом* „рот, устье“, удм. *ым*, саамск. *вуоηас*; коми *томан* „замок“, удм. южн. *туηгон*; коми *пом, пон* „конец“, южно-удм. *пуη* — в этих словах общепермское задненёбное η в коми языке передалось губным согласным — *м* под влиянием предшествующего огублённого гласного *о*.

3. Коми *ан* „челюсть“, южно-удм. *аη*; коми *бан* „лицевая сторона“, южно-удм. *баη*; коми *джын (зын)* „половина“, южно-удм. *зыηы*; коми *паныд* „навстречу“, южно-удм. *пуηит*, коми *тшыη* „дым“, южно-удм. *чыη* и т. д. — в этих словах общепермское η в коми языке передалось через *н*.

Задненёбный носовой согласный *η начал исчезать в северных диалектах общепермского языка-основы в конце общепермской эпохи. При исчезновении этот согласный заменялся тремя звуками: а) если в соседстве были гласные переднего ряда, то он замещался мягким *н’*; б) если предшествовал этому звуку лабиализованный гласный, то согласный η переходил в губное *м, н*, наконец, в) в прочих случаях (т. е. когда соседние звуки на него не оказывали влияния) общепермское *η переходило в *н*.

Образование сочетаний согласных в начале слова.

§ 78. В начале слова в финноугорском языке-основе стоял только один согласный, стечения согласных не могло быть. Однако в современных финноугорских языках мы нередко встречаем слова, имеющие в начале сочетание согласных, например: коми *квайт* „шесть“, *кравзыны* „каркать“, *грезд* „деревня“ и др., удм. *трос* „много“, *крезь* „гусли“ и т. д.

Эти слова в таком звуковом виде являются словами позднейшего происхождения, они не восходят к финноугорскому языку-основе. К словам, имеющим в начале два или несколько согласных, относятся определённые категории лексики, а именно: изобразительные слова, заимствования и новообразования, возникшие вследствие звуковых изменений начала слова. Рассмотрим эти категории слов.

а) Изобразительные (ономатопоэтические) слова образно передают звуковые, зрительные, моторные и т. п. признаки предметов и явлений; они часто воспроизводят звуки природы, крики животных и т. п., в которых могут встретиться самые разнообразные сочетания звуков, несвойственные членораздельному языку. При передаче таких звуков природы и животного мира и появилось в начале слова финноугорских языков стечение согласных, например: *жбыр лэбзыны* „порхнуть, улететь“, *звирк чечыштны* „прыг вскочить, вспрыгнуть“, *грымгыны* „раздаться грохоту“, *жборгыны* „журчать“, *кравзыны* „каркать“, *шлывгыны* „плавно лететь“ и др.

б) Заимствования. Начало слова иногда (а в коми языке очень часто) при заимствовании не изменяется, стечение согласных начала слова передается без изменения, например: *стул, груз, план, друг, клей, спор, склад, штык* и т. д. Однако, при заимствовании часто согласный из сочетания начала слов выпадает, например: *дѡва* из русск. *вдова*, *ладейтны* из русск. *владеть*, *Ласей* из русск. *Власий* и т. д.

Многие русские заимствования попали в коми язык из древнерусского языка, или изменили своё значение так, что для установления происхождения их приходится произвести специальный сравнительно-исторический анализ, таковыми являются, например, следующие: *скѡр* „сердитый“ из русск. *скор*, *скорый*, *грезд* „деревня“ из древнерусск. *грезд* „гроздь, кучка“.

в) Новообразования, представляющие собой результат звуковых изменений начала слова данного языка, например: коми *квйт* „шесть“ из **куат*’, ср. удм. *куать*, финск. *kuute*-; удм. *трос* „много“ из **тырос*, ср. коми *тыр* „полный“, *тырыс* „полно, довольно много“.

История начального в-

§ 79. Начальное в- коми языка троякого происхождения: в одних словах оно восходит к общепермскому в-, в других — к общепермскому неслоговому у- и в третьих — оно является в коми-зырянских диалектах новообразованием (в коми-пермяцких и коми-язьвинском диалектах оно отсутствует), развившимся перед начальным звуком о-. Рассмотрим в отдельности эти три аспекта развития начального в-.

а) Общепермское начальное в- сохранилось без изменения во всех диалектах пермских языков в следующих словах: коми *ва* „вода“, удм. *ву*, морд. *ведь*, финск. *vete*-; коми *вит* „пять“, удм. *вить*, морд. *вете*, финск. *viite*-; коми *вир* „кровь“, удм. *вир*, морд. *вер*, финск. *vere*-; коми *вый* „масло“, удм. *вѡй*, морд. *вай*, финск. *voi*; коми *вѡй-* „тонуть“, удм. *вый-*, морд. *вайсемс*, финск. *vajota*;

коми *вай-* „принести“, удм. *вай-*, морд. *вие-*, финск. *vie-* и т. д.;

б) В следующих словах в общепермском языке-основе было неслоговое *у-*, которое сохранилось в некоторых диалектах (например, в малмыжском, уржумском, глазовском) удмуртского языка:

коми-зыр. *во* „год“, верхнесыс. *ô*, коми-перм. *о-* в слове *ося* „яровое“, коми-язьв. *у-* в слове *тау* „в этом году“, удм. *ва-* в слове *ванум* „век, столетие“, диалектн. *уанум*; финск. *vuote-*;

коми-зыр. *вольôс* „подстилка“, верхнесыс. *ôл'-нас'* „постель“, коми-перм. *оль*, коми-язьв. *ул'* в слове *ул'-нас'* „постель“, удм. *валес* „постель“, удм. диалектн. *уал'эс*, финск. *vuode-*;

коми-зыр. *вомôн* „поперёк“, верхнесыс. *вôмôн*, коми-перм. *омôн*, удм. *вамен*, диалектн. *уамэн*;

коми-зыр. *вож* „оглобля“ в словах *додъвож*, верхнесыс. *ôж*; коми-перм. *ож*, удм. *вайыж*, диалектн. *уайыж*, морд. *ажия*;

коми-зыр. *ворс-*, верхнесыс. *ôрс-*, коми-перм. *орс-*, коми-язьв. *урс-* „играть“ (в удм. нет соответствия);

коми-зыр. *вороп* „черенок, ручка“, верхнесыс. *ôроп*, коми-перм. *ороп*, коми-язьв. *урп*, удм. (Видеман) *варып*;

коми-язьв. (в коми-зырянском и коми-пермяцком нет соответствующего слова) *утинв* „зарыть, захоронить“, удм. *ватыны* „спрятать, похоронить“, диалектн. *уатыны*.

В приведённых словах мы видим следующее закономерное соответствие звуков: в коми-зыр. (в т. ч. и в удорск.) *во-*, коми-перм. *о-*, коми-язьвинск. *у-*, удм. (в большинстве диалектов) *ва-*, удм. (в некоторых диалектах — глазовском, малмыжском, уфимском) *уа-*. В общепермском языке-основе предполагается **уô-* (неслоговое *у*, за которым следовал закрытый гласный *ô*).

Таким образом, общепермское **уô-* претерпело в разных диалектах коми и удмуртского языков следующие изменения:

* <i>уô-</i>	верхнесысольский говор	<i>ô-</i>
	остальн. коми-зыр. диал.	<i>во-</i> < * <i>вô-</i>
	коми-перм. диалекты	<i>о-</i>
	коми-язьвинские диалекты	<i>у-</i>
	удм. центр. говоры	<i>ва-</i>
	удм. окраинн. говоры	<i>уа-</i>

Из приведённой таблицы видим, что общепермское неслоговое *у-* сохранилось только в окраинных диалектах удмуртского языка, в других же диалектах этого языка, а также

В коми-зырянских говорах (кроме верхнесыольского) этот звук перешёл в *в-*, в верхнесыольском, коми-язьвинском и коми-пермяцких диалектах он совсем исчез.

§ 80. в) Следующие слова в общепермском языке-основе начинались с гласного звука, а согласный звук *в-*, наличествующий в коми-зырянских диалектах (кроме верхнесыольского), представляет собой новообразование:

1. Коми-зыр. ударск. *вѡм* „рот“, верхнесыс. *ѡм*, остальные коми-зыр. диалекты *вом*, коми-перм. *ѡм*, коми-язьв. *ум*, удм. *ым*, мар. *аг*, морд. *оҥкст*;

коми-зыр. ударск. *вѡн* „полог“, верхнесыс. *ѡн*, ост. коми-зыр. диал. *вон*, коми-перм. *ѡн*, коми-язьв. *ун*, удм. *ын*, финск. *nudin*;

коми-зыр. ударск. *вѡш-* „заблудиться, потеряться“, верхнесыс. *ѡш-*, ост. коми-зыр. диал. *вош-*, коми-перм. *ѡш-*, коми-язьв. *уш-*, удм. *ыш-*;

коми-зыр. ударск. *вѡс-* „тошнить, рвать“, верхнесыс. *ѡс-*, ост. коми-зыр. диал. *вос-*, коми-перм. *ѡс-*, коми-язьв. *усот-*, удм. *ѡск-*, мар. *укш-*, морд. *укс-*, финск. *oksenta-*.

2. Коми-зыр. ударск. *вѡс'* - в слове *вѡс'лѡс* „быстроходный“, в верхнесыс. нет соответствующего слова, ост. коми-зыр. диал. *вос'ков* „шаг“, коми-перм. *ос'ков*, коми-язьв. *ус'квл*, удм. (Видеман) *уч'кыл* „шаг“, мар. *ашкыл* и *ошкыл*, морд. *эскелькс*, финск. *askel*;

ударск. *вѡс'т-* „открыть“, верхнесыс. *ѡс'т-*, ост. коми-зыр. диал. *вос'т-*, коми-перм. *ос'т-*, коми-язьв. *ус'т-*, удм. *усьт-*;

ударск. *вѡз'* „передний, перед“, верхнесыс. *ѡз'*, ост. коми-зыр. *воз'*, древнепермск. *уѡз'-*, коми-перм. *оз'*, коми-язьв. *уз'* (но: *уз'вс* „дверь“ из „передняя дверь“), удм. *азь*, мар. *анзыл* и *ончыл*, финск. *otsa*;

ударск. *вѡйтыр* „народ“, в верхнесыс. нет соответствия, ост. коми-зыр. диал. *войтыр*, коми-перм. *от'ур* (у Лепёхина *утир*), коми-язьв. *ут'вр* (из **ут'вр*, у перешло в у под влиянием следующего мягкого согласного), удм. (Видеман) *от'ыр*.

В приведённых примерах в начале слова согласный *в-* встречается только в коми-зырянских диалектах (за исключением верхнесыольского), в других же диалектах пермских языков, а также в других финноугорских языках в начале слова стоит гласный звук. Следовательно, начальное *в-* развилось на коми-зырянской почве.

Возникает вопрос, в каких условиях в коми-зырянских диалектах выработался начальный согласный *-в?* Ведь в коми-зырянских диалектах немало слов, начинающихся с гласного звука, которым в других финноугорских языках тоже соответствует гласный, например:

коми *ордлы* „ребро“, удм. *урдлы*, мар. *ѡрдыж*;

коми *овны* „жить“, удм. *улыны*, финск. *eiyä*, мар. *илэм*;

коми *октыны* „насторожить капкан“, удм. *октыны*, финск. *ahtaa*, мар. *октыш* „петля, капкан“ и т. д.

В этих словах не выработалось начальное *в-*. Отсюда следует, что выработка начального *в-* в коми-зырянских диалектах происходила в каких-то особых условиях, а не перед всяким гласным звуком начала слова.

В первых четырёх примерах раздела „в“ (*вом, вон, вошны, восны*) в коми-язьвинском диалекте последовательно встречаем звук \ddot{y} , на этом основании (см. § 72) мы предполагаем в общекоми языке-основе существование в начале слова закрытого гласного \ddot{o} -, которому в разных диалектах коми языка соответствуют в начале слова следующие звуки:

общекоми * \ddot{o} -	удорский диалект	$v\ddot{o}$ -
	верхнесольск.	\hat{o} -
	ост. коми-зыр. диал.	vo -
	коми-пермяцкие диал.	\ddot{o} -
	коми-язьвинский	\ddot{y} -
	древнепермский язык	$y\hat{o}$ - (= $\ddot{y}\hat{o}$ -)

На основании рассмотренных примеров можно сделать следующий вывод: в коми-зырянских диалектах в начале слова выработался согласный *в-* в том случае, если в общекоми языке-основе в абсолютном начале слова стояло закрытое \ddot{o} -, сохранившееся в коми-язьвинском диалекте в виде \ddot{y} .

Сначала, как показывает древнепермский язык, выработалось неслоговое \ddot{y} -, перешедшее впоследствии в *в-*; произошло следующее изменение начала слова: $*\ddot{o}(\ddot{y})-$ > $y\hat{o}$ - > vo -. Выработка коми-зырянского начального *в-* происходила, по-видимому, в процессе утраты закрытого \ddot{o} (\ddot{y}). Данные древнепермского языка указывают на то, что в XIV—XV вв. начальное *в-* (\ddot{y}) уже существовало. Нужно полагать, что в это время в коми-зырянских диалектах закрытого \ddot{o} уже также не было.

Необходимо специально рассмотреть примеры, помещённые во втором разделе пункта „в“ (*вос'ков, вос'тыны, воз', войтыр*). В этих словах гласный звук первого слога стоит перед мягким согласным, и в коми-язьвинском диалекте имеем не \ddot{y} , а y (в слове *yt'ör* \ddot{y} появилось под влиянием следующего мягкого согласного). В остальных диалектах коми языка в начале слова стоят те же звуки, какие мы видели в предыдущих примерах, т. е. в удорск. $v\ddot{o}$ -, верхнесольск. \hat{o} -, ост. коми-зыр. диал. vo -, коми-перм. \ddot{o} -. Таким образом, в этих словах коми-зырянских диалектов (за исключением верхнесольского) тоже выработалось начальное *в-*. Как объяснить эту выработку этого *в-*?

Для объяснения образования коми-зырянского начального *в-* в этих словах мы выдвигаем следующее предположение: в общекоми языке-основе (или, может быть, позже — после отделения предков коми-язьвинцев от остальных коми) задне-нёбное закрытое *ô-* под влиянием следующего мягкого согласного перешло в передне-среднерядное закрытое *ö* (**ô-* > *ö-**). Поэтому при утрате этого **ö* в коми диалектах произошли те же изменения, какие мы наблюдали при исчезновении исконного закрытого *ö-*; в коми-зырянских диалектах произошла выработка звука *в-* перед начальным гласным: **ôt'-* > **öt'-* > *yôt'-* > *voŧ'-* (под *t'* понимается вообще мягкий согласный).

Явление передвижки гласных вперед под влиянием последующих мягких согласных нужно считать для коми языка обычным (см. выше § 74, п. 4).

§ 81. В древних коми-зырянских диалектах неслоговое *у* в начале слова было весьма употребительным: во-первых, оно было унаследовано от общепермского языка-основы, в котором оно было в виде **уô-* (см. § 80); во-вторых, этот звук выработался на месте общекоми начального **ö-*. Неслоговое *у-* начала слова прежде чем уступить место звуку *в-*, стало смешиваться в своём употреблении: этот звук стали употреблять и в начале тех слов, в которых было исконное *в-*; в древнейших памятниках стефановской письменности мы встречаем такие написания: *уа* (Тр. 3) „вода“, *уайс'асныс* (Тр. 3) „принесутся“, *уый* (Тр. 6) „масло“, *уылын* (Сош. 6, 7) „на“, *уойпны* „говорить“, *уормодчиныс* (Сош. 10) „провещивать“, *уэр* (Тр. 3, 4, 6) „раб“ и др. (древнепермской буквой *у* здесь, несомненно, обозначается неслоговое *у* или губно-губное *ж*). В приведённых словах всегда пишется *у*, поэтому нельзя объяснить такое написание простым смешением букв — в этих словах произносилось неслоговое *у* в языке нижней Вычегды XIV—XV вв.

В более поздних памятниках древнепермской письменности, евгеньевско-лепёхинских текстах, в начале слова всегда пишется *в-*, например: *ваясь* (ЛЕ 19) „приведёт“, *вочинжигь* (ЛЕ 113) „прежде“, *войп-* (ЛЕ 20 44 51 139) „говорить“, *вылын* (ЛЕ 154 156) „наверху“ и т. д. Такие написания говорят об утрате начального неслогового *у-* в коми-зырянских диалектах.

Таким образом, время исчезновения начального неслогового *у-* (переход его в звук *в-*) в коми диалектах вычегодского бассейна нужно отнести к XVI—XVII вв.

История начального й-

§ 82. Начальное й- в пермских языках тоже тройкого происхождения: в одних словах оно восходит к финноугорскому языку-основе, в других — оно в некоторых диалектах выпало и в третьих — развилось в отдельных диалектах перед начальными гласными переднего ряда (и, э).

а) В следующих словах й- унаследован от языка-основы: коми *йи* „лёд“, удм. *йӧ*, морд. *йэй*, финск. *jää*, венг. *jég*; коми *йу* (орф. *ю*), удм. *йу* в слове *йу-шур* (орф. *юшур*) „река“, мар. *йога* „течёт вода“, финск. *joke* „река“;

коми *йу-* (орф. *ю-*) „пить“, удм. *йу-* (орф. *ю-*), мар. *йү-*, финск. *juo-*;

коми *йук-* (орф. *юк-*) „делить“, удм. *йук-* (орф. *юк-*), морд. *йавомс* (орф. *явомс*), финск. *jakaa* и т. д.

В удмуртском языке начальное й- в некоторых диалектах перешло в д'- или л'-, например: удм. *л'ук-* и *йук-* (по диалектам), коми *йук-*; удм. *йугыт* и *л'угыт* „светлый“, коми *йугыд*; удм. *йыр* и *д'ыр* „голова“, коми *йур*; удм. *йӧ* и *д'ӧ* „лёд“, коми *йи* и т. д.

б) В следующих словах начальное й- в некоторых диалектах выпало:

коми *ид* „ячмень“, удм. *йыды*;

коми *йигӧдч'ы-* и *игӧдч'ы-* „стучать (в дверь)“, удм. *йыганы*;

коми *йики* и *ики* „ость, усик колоса“, удм. *йу* (орф. *ю*) „хлеб, посевы“ и т. д.

в) В следующих словах выработался й- перед э (и) в коми языке в целом или в отдельных его диалектах:

коми-язьвинск. *им* „иголка“, ост. коми диал. *йэм*, мар. *име*, финск. *äimä*;

коми *йэн* (орф. *ен*) „бог, небо“, удм. *инм-* „небо“, финск. *ilma* „воздух, погода“;

коми-зыр. *эновтны* „оставить, забросить“, коми-перм. *йэн-овтны*, древнепермск. *инэлтны* (ЛЭ 186 187), удм. *аналт-*;

коми-зыр. *эшты-* „закончиться делу, иметь досуг“, коми-перм. *йэштыны*, мар. *ыштэм* „делаю, строю“, финск. *ehtiä*;

коми-зыр. *эча* (орф. *этша*) „мало“, коми-перм. *йэча*, коми-язьв. *ича*, саамск. *уццэ*.

Смягчение начального ч- в некоторых словах.

§ 83. В ряде слов большинства диалектов коми языка начальное твёрдое ч- (орфографическое *тш-*) перешло в ч' (орфограф. *ч*), т. е. смягчилось. На то, что раньше было в этих словах твёрдое ч (*тш*), указывают некоторые окраинные диалекты коми языка (летский, удорский и ижемский), а также удмуртский и некоторые другие финноугорские языки, сохра-

нившие различие в замещении финноугорских твёрдого и мягкого *ч* (марийский, мордовский, саамский и др.).

Переход начального твёрдого *ч*- (орф. *тш*-) в мягкое *ч'*- (орф. *ч*-), наблюдаемый во всех коми-пермяцких и коми-язьвинских диалектах, а также в диалектах вычегодского и лузского бассейна коми-зырянского наречия, мы видим в следующих словах:

коми удорск. *чо́ж-ин'* (орф. *тшо́жинь*), летск. *чо́ж-эн'* (орф. *тшо́жэнь*) „тётя, жена брата матери“, ост. коми диалекты *ч'о́ж* (орф. *чо́ж*) „дядя, брат матери“, удм. *чу́ж* (орф. *чю́ж*) „родственник со стороны матери“, саамск. *чя́ццэ*;

коми удорск. и ижемск. *чо́ж* (орф. *тшо́ж*) „утка“, сысольское, печ. *с'ул-ч'о́ж*, нижевыч. *с'ув-ч'о́ж*, вымск. *с'уу-ч'о́ж* вид утки, гоголь“, удм. *чо́ж* (орф. *чю́ж*) „утка“, хант. *чач*;

коми удорск., летск. и ижемск. *чо́ж*- (орф. *тшо́ж*-) „копить“, ост. коми диал. *ч'о́ж*- (орф. *чо́ж*-), удм. (*Видем.*) *чо́жас'кыны* „размножаться“ (с твердым *ч*);

коми летск. и удорск. *чо́ж* (орф. *тшо́ж*) „в течение, в продолжение“, ост. диал. *ч'о́ж* (орф. *чо́ж*), удм. *чо́ж*- (орф. *чю́ж*);

коми ижемск. *ч'о́ж*, выч., сыс., лузск., летск. *ч'о́ж-рыс'* „селянка из молозива“, удм. *чо́жы* (орф. *чю́жы*) „молозиво“; в этом слове в ижемском и летском диалектах мы тоже имеем мягкое *ч'*, но твёрдое *ч* сохранилось в удмуртском языке;

коми летск. и удорск. *чу́ж* (орф. *тшуж*) „солод“, ост. диал. *ч'уж* (орф. *чуж*), удм. *чу́жйэм* (орф. *чю́жьем*), мокшаморд. *чу́ж* „ячмень“;

коми удорск., ижемск. и летск. *чу́ж*- (орф. *тшуж*-) „родиться“, ост. диал. *ч'уж*- (орф. *чуж*-), удм. *чы́жы-вы́жы* (орф. *чю́жы-вю́жы*) „родня, родственник, род“, хант. *чачэ*;

коми ижемск. *чу́жэм* (орф. *тшужем*) „лицо“, удорск. *с'о́д чу́жсõма* (орф. *сьо́д тшужсõма*) „неумытый“, ост. диал. *ч'ужсõм* (орф. *чю́жсõм*);

коми-перм. *ч'ужмõр*, коми-язьв. *ч'ужмõр*, коми-зыр. фолькл. *ч'ужмõр*, верхневыч. *ч'ужмэр* „горностай“, удм. *чу́жмэр* (орф. *чю́жмер*);

коми летск. и удорск. *чы́шйан* (орф. *тшышъян*) „платок“, ост. диал. *ч'ы́шйан* (орф. *чы́шъян*);

коми во всех диалектах с мягким *ч'* (в т. ч. в удорск.) *ч'и́шканы* „палить, опалить“, удм. *чу́шканы* (орф. *чю́шканы*);

коми ижемск., летск. *чы́шкыны* (орф. *тшышкыны*), удорск. *ч'и́шкыны* „места, стереть“, ост. диал. *ч'ы́шкыны*, удм. *чу́шыны* (орф. *чю́шыны*) „стереть“, саамск. *ци́цотэт*;

коми ижемск., летск. и удорск. *чужйыны* (орф. *тшужйыны*) „лягнуть, пнуть“, ост. диал. *ч'ужйыны*, удм. *чыжыны* (орф. *чыжыны*);

коми во всех диалектах (в летск. неизвестно) *ч'ушкыны* „жалить“, удм. *чушканы* (орф. *чушканы*) „обварить, обжечь, ошпарить“, *чушыны* (орф. *чушыны*) „прижигать (глаза от трахомы)“, ? удм. *чушйал* (орф. *чушьял*) „ёж“.

Из приведённых примеров ясно, что в начале этих слов раньше был твёрдый согласный *ч-* (орф. *тш-*) и что в коми диалектах (за исключением удорского, летского и ижемского, в которых тоже не всегда мы видим твёрдое *ч*) произошло смягчение *ч-*, этот звук перешёл в *ч'-*: *ч- > ч'-* (орф. *тш- > ч-*).

§ 84. Что является причиной этого смягчения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на то, в каких словах произошло это смягчение. Далеко не во всех словах мы наблюдаем такое смягчение. Например, в следующих словах исконное твёрдое *ч-* (орф. *тш-*) сохранилось во всех коми диалектах без изменения: *тшак* „гриб“, *тшупод* „зарубка“, *тшыг* „голодный“, *тшын* „дым“, *тшөкыд* „частый“, *тшыкны* „портиться“, *тшан* „модничающий, гордый“, *тшөгны* „ожиреть, разжиреть“, *тшөктыны* „велеть“ и т. д.

Следует обратить внимание на то, что во всех тех словах, в которых произошло смягчение начального *ч-* (*тш-*), в середине или в конце стоит твёрдый шипящий согласный (*ж* или *ш*): *чож*, *чөжны*, *чышйан*, *чушкыны* и т. д. Таким образом, в этих словах до смягчения начального *тш-* имелось по два твёрдых шипящих (*тшож*, *тшышьян*, *тшужйыны* и т. д.). В языке часто происходит устранение одинаковых или подобных звуков, имеющихсся в одном и том же слове, путем замены одного из них другим звуком — менее подобным; такой процесс, как известно, называется диссимиляцией (расподоблением). В рассматриваемых нами словах начальное твёрдое *ч-* (*тш-*) смягчилось (*ч- > ч'-*) в силу диссимиляции.

Процесс диссимиляции завершился, по-видимому, уже давно. Об этом говорит не только широкая распространённость этого явления в диалектах коми языка, но и данные памятников древнепермской письменности. В лепёхинско-евгеньевских текстах, например, в слове *чужны* „родиться“ произносился уже мягкий согласный — об этом свидетельствует написание буквы *ю* после *ч*: *чюжомъ* (ЛЕ 113 116) „рождённый“, *чюжътысь* (ЛЕ 165 172) „родившая“, *чюжтысьсо* (Е 172), *чюдтыссо* (Л 172) „родившую“, *чюштыслонъ* (Л 205), *чюжътыслонъ* (Е 205) „у родившей“.

Итак, начальное твёрдое *ч-* (орф. *тш-*) тех слов коми диалектов (кроме летского, удорского и ижемского),

в которых (в словах) имелось два твёрдых шипящих, смягчилось в силу диссимиляции; в диалектах вычегодского бассейна это смягчение произошло не позднее XVI—XVII века.

История звука л.

§ 85. Звук л в коми диалектах претерпел большие изменения (см. §§ 31—38): в одних диалектах (например, в иньвенском, кроме оньковского) совсем исчез, в других — в конце слога он перешёл в звук в, в третьих в конце слога заменился удлинением предшествующего гласного или же совсем исчез. Имеются также говоры, в которых старое л сохранилось в первичном, неизменном виде; таковыми являются: сысольский, лузско-летский (за исключением некоторых сельсоветов), печорский, косинско-камский и коми-язьвинский, в которых произносятся: *вёл* „лошадь“, *ныльяс* (орф. *ныльяс*) „девушки“, *олны* „жить“, *воыллӧ* „приходит (много раз)“ и т. д. (Огласовка суффиксов передана по-сысольски).

За то, что эловые диалекты являются более первичными, говорят следующие данные:

1. Древнепермские памятники (XIV—XVII вв.), которые в основном были распространены на Вычегде, т. е. на территории современных вэ-эловых говоров, были написаны на эловом говоре, например: *вълмосшис* „явился“ (Тр. 1), *узал* (Тр. 5) „делай“, *чол* (Тр. 5) „тихий, покойный“, *иол* (Тр. 6.) „молоко“, *ноллом* (Сош. 3) „носимый, носящийся“, *шыл* (Сош. 3) „буря, бурный“, *кылдаш* (Синаит 2) „дьяк“, *лӧлиа* (Синаит 5) „живой“, *култомо* (ЕЛ 5) „бессмертный“, *ябул* (ЕЛ 14 133) „нет“, *лолжи* (Л 16) „воскрес (он)“, *лолз-* (ЕЛ 30 56 71 72 125 143) „воскреснуть“, *пил-* (ЛЕ 34) „облако“, *кылзышь* (ЛЕ 46) „слушающий“, *тыдалтомось* (ЕЛ 109) „невидимого“, *инэлтъ* (ЕЛ 186 187) „оставь“ и др. В древнепермских памятниках мы не встречаем ни одного отступления в употреблении л, там этот звук употребляется так, как в современных эловых диалектах.

2. Удмуртский и другие родственные языки, в которых финноугорское л сохранилось, например:

коми литературн. *вӧв* „лошадь“, удм. *вал* „лошадь“, мар. *вӱлӧ* „кобыла“;

коми лит. *увті* „понизу“, *увсьыс* „он снизу“ и т. д., удм. *ул*, мар. *ул*, морд. *ал*, венг. *ал* „низ“;

коми лит. *тӧв* „зима“, удм. *тол*, мар. *тэл*, финск. *talve-*, венг. *té* „зима“;

коми лит. *лов* „душа, жизнь“, удм. *лул*, хант. *лил* финск. *lõyly*;

коми лит. *ньов* „стрела“, удм. *ньол*, морд. *нал*, хант. *н'ал*, финск. *niole-*, венг. *nyil*;

коми лит. *кбвты* „ловить рыбу неводом, снимать с поверхности“, удм. *калтыны*, финск. *kultee-*;

коми лит. *кбвдум* „колобок“, удм. *колды* „каравай хлеба из яровой муки“, финск. (в словаре Ленрота) *kaltea* „пресный хлеб“ и т. д.

3. Современные коми литературные языки, в которых звук *л* восстанавливается перед гласным звуком, например: *вбв* „лошадь“, но: *вблбн* „лошадью, на лошади“, *кодзув* „звезда“, но *кодзулыс* „звезда-то“; *пукавны* „сидеть“, но *пукала* „сизу“ и т. д.

4. В географических названиях тех территорий, где теперь распространены вэ-эловыи диалекты, в русской передаче сохранился звук *л* (правда, коми полумягкое *л* по-русски передано мягким *л*), перешедший в конце слова в вычегодском говоре в *в*; например, предместья гор. Сыктывкара называются по-русски *Кодзвиль*, *Кирули*, а по-коми *Кбдзвиль*, *Кырув*, что значит „под горой“.

На территории распространения иньвенского (без-элового) говора географическая номенклатура в официальных документах на русском языке фигурирует со звуком *л*, например: *Исыл*, *Велва*, *Косыл* (левые притоки Иньвы), *Ловва*, *Сылва* (притоки р. Мечкора, впадающей в р. Куву, которая в свою очередь является притоком р. Иньвы), *Сюрал*, *Лопан* (притоки р. Косы). Местное коми население иньвенского бассейна в этих словах произносит *в* вместо *л*.

5. Древние заимствования из коми языка в хантыйский и мансийский. Коми были в тесном общении с хантыицами до XIII—XIV вв., а с мансийцами — XVI—XVII вв. В этот период эти обско-угорские народы заимствовали из коми языка массу слов. Венгерский учёный Фокош-Фукс доказал, что в обско-угорские языки перешли коми слова также и с таких территорий коми языка, на которых в настоящее время говорят на вэ-эловом диалекте; тем не менее в этих языках коми заимствования фигурируют только со звуком *л* (например: манс. *калтэм* из коми **кблдэм* „колобок“; хант. *с'ал* из коми **з'ал* „дранка“; хант. *сайкалта* из коми **сайкалны* „отрезвиться“). Следовательно, было время, когда *в*-диалектов в коми языке не было.

§ 86. Возникает вопрос, когда же в коми языке появились вэ-эловыи, нуль-эловыи и без-эловыи диалекты? Вышеупомянутый венгерский учёный установил, что эти диалекты появились около XVII века: в начале XVIII века они уже имелись на территории распространения коми языка, а в памятниках древнепермской письменности и коми заимствованиях обско-угорских языков представлены *л*-овыи диалекты (в то время,

по-видимому, вся территория коми языка принадлежала к эловым диалектам).

Переход *л* в *в* и в *нуль* происходил, конечно, с известной постепенностью, при этом этот звуковой процесс в одном диалекте протекал раньше, а другом — позже.

В писцовой книге „Еренское городище“ 1608 года название реки Нившеры, притока Вишеры, являющейся в свою очередь притоком Вычегды, передано Нишера, что указывает уже на наличие нуль-диалектов. Трудно сказать точно, на каких территориях и когда протекал процесс изменения *л* в *в* и в *нуль* в продолжение XVII века, так как нет документальных данных, характеризующих диалекты коми языка этого времени. Можно лишь с полной уверенностью сказать, что *в*-диалекты в начале XVIII века уже имелись. Об этом красноречиво свидетельствуют памятники письменности этого времени. Приведём некоторые факты, подтверждающие сказанное.

Страленберг в своей работе, вышедшей в 1730 г., приводит коми-пермяцкие слова, собранные им между 1710 и 1722 годами. Среди этих слов имеются следующие: *kizillas* „звезды“, *kill* „язык“, но также *wow* „лошадь“. У Г. Ф. Миллера, записавшего коми-пермяцкие и коми-зырянские слова в начале 40-х годов XVIII века, мы находим такие написания: коми-перм. *Tyl, Töl*, коми-зыр. *Töl, Tol* „ветер“, коми-перм. и коми-зыр. *Jöl* „молоко“, коми-перм. *Kul*, коми-зыр. *Kūw* „язык“, коми-зыр. *Püvschem* „баня“, коми-перм. *Njöl*, коми-зыр. *Njow* „стрела“ коми-зыр. *SSju, Schju* „потроха, внутренности“. Таким образом, в записях Миллера представлены разные виды коми диалектов: *л*-диалекты (*кыл, төл, йөл, ньөл*), *в*-овые (*кыв, ньөв*) и нуль-диалекты (*сю* или *сюу* „кишка“).

В работе „Сравнительные словари всех языков...“ 1787 г. наряду с эловыми диалектами представлены также *вэ*-эловые диалекты, например: коми-зыр. *ныль, нывь* „дева“, *тъывь, тэль* „ветер“, *новлыны* „носить“, *кыскавны* „возить“, *сулавь* „стой“ и др.

„Лепёхинский словарь“ (1771 г.) уже целиком написан на *вэ*-эловом нижевычегодском диалекте — это самый ранний памятник, в котором так полно представлен вычегодский диалект (в этом памятнике около 200 слов и 100 коротких выражений). Приведём несколько примеров: *кывь* „язык“, *гыжъявь* „почеши“, *вузавны* „продать“, *вузалоны* „продают“, *адзили* „я видел“, *вевть* „кровля“, *невь* „палец“ и др.

Переход начальных *г*- и *к*- в *д'* и *т'*- перед гласными переднего ряда (*э, и*).

§ 87. В общепермском языке-основе в начале слова не могли стоять мягкие *д'*- и *т'*-. Эта черта фонетики сохранилась и в настоящее время в большинстве диалектов коми и

удмуртского языков, в которых названные мягкие согласные в начале слова встречаются только в заимствованиях и звукоподражательных словах, вроде: *тён-тён* „кап-кап“, *тапъявны* „ходить шлёпая“, *деньга* „деньги“, *диво* „диво“, *телега* „телега“ и т. д.

В литературных языках коми и удмуртов в прочих категориях слов (не звукоподражательных и не заимствованных) мягкие *д'*- и *т'*- в начале слова встречаются только в виде исключения, например: коми-зыр. *дерт* „конечно“, удм. *тямыс* из **кямыс* < **кыкъямыс* „восемь“.

В некоторых коми диалектах начальные *г*- и *к*- перед гласными *э* и *и* перешли в *д'*- и *т'*-. Таким диалектом является, например, нижневычегодский, в котором вообще звуки *к*- и *г*- в начале слова не встречаются, например: *т'эрка* вм. литературного *керка* „изба“, *т'эр* вм. лит. *кер* „бревно“, *т'эпыс'* вм. лит. *кепысь* „рукавицы“, *т'и* вм. лит. *ки* „рука“, *д'ид* вм. лит. *гид* „телятник“, *д'эз* вм. лит. *гез* „верёвка“, *д'эб* вм. лит. *геб* „мошка“ и т. д.

С явлением перехода *г*-, *к*- в *д'*-, *т'*- мы встречаемся и в некоторых других диалектах коми языка, в которых оно всё же выступает не так последовательно, как в нижневычегодском говоре: в одних словах произносится *г*- и *к*-, а в других — *д'* и *т'*-, одни представители этих говоров произносят *кэр*, *гэз*, а другие — *т'эр*, *д'эз*. Например, в присыктывкарском, лузском и кочевском говорах произносят как *гэб*, *гэз*, *кэр*, так и *д'эб*, *д'эз*, *т'эр*; вымск. *д'эб* „мошка“, верхнесыс. *д'эгдыны* „сильно озябнуть, коченеть“; в присыктывкарском говоре широко распространено параллельное употребление обеих форм — *гид*—*д'ид* „телятник“, *гэрт*—*д'эрт* „конечно“, *кэммыны* — *т'эммыны* „умолять, упрашивать“, *кэн'* — *т'эн'* „пенка“, *кэпыс'* — *т'эпыс'* „варежки, рукавицы“, *кэслыны* — *т'эслыны* „точить“ и др.

Переход *г*-, *к*- в *д'*-, *т'*- в начале слова перед *и* и *э*, наблюдаемый в некоторых диалектах, произошёл в течение последних столетий в связи с выдвинутением артикуляции гласных *и* и *э* в более передний ряд, что произошло, по-видимому, под известным влиянием русского языка. В памятниках древнепермской письменности этот переход ещё не отразился: в начале слова перед *и* и *э* здесь последовательно пишется *г*- и *к*-, например: *гиж*: (ЛЕ 126), *кэлм*- (ЛЕ 161) „молиться“, *кэж*- (Тр. 4) „сворачивать“, *кэж*- (ЛЕ 36) „к (последлог)“.

Образование сочетаний *-йд*, *-йт* в конце морфемы.

§ 88. В северных коми-зырянских диалектах обычно (хотя и не всегда и не везде) в конце морфемы мы имеем *-йд* и *-йт*, которым в коми-пермяцких, коми-язьвинских и удмуртских

диалектах соответствуют *-d'* и *-m'*. Другие коми-зырянские диалекты в отношении этого звукового явления занимают промежуточное место, при этом *-йт* там распространён на большей территории, чем *-йд*. Примеры:

Нижне-выч.	Коми-зыр. лит.	Средне-сыс.	Коми-перм. лит.	Коми-язьв.	Удм. лит.	Значение слова.
дойд	додь	дод'	додь	дуд'	додьы	сани
гайд	гадь	гад'	гадь		гадь	пузырь, мозоль
койд	кодь	код'	кодь	куд'	кадь	как, подобно
байд	бадь	бад'	бадь	бад'	бадь	ива
дайд	дадь	дад'	дадь	дад'	"	салазки
сайд	садь	сад'	садь	"	садь	сознание
байдөг	байдөг	байдөг	бадег	бад'ук	"	куропатка
мойд-	мойд-	мойд-	модь-	мод'-	мадь-	рассказывать
квайт	квайт	кват'	квать	кват'	куать	шесть
н'айт	няйт	н'ат'	нять	"	"	грязь
шайт	шайт	шат'	шать	шат'	"	рубель, прут
войт	войт	вот'	воть	вот'	"	капля
войтыр	войтыр	"	отир	ут'ыр	от'ыр	народ
					(Видеман)	
майтөг	майтөг	майтөг	матег	мат'иг	майтгал	мыло
вöйт-	вöйт-	вöйт-	вöть-	вот'-	"	утопить

Формы с конечным *-m'* и *-d'* нужно считать более первичными. В общепермском языке-основе, по-видимому, выработался тип слов с конечными *-m'* и *-d'*. Обычно это *-m'* и *-d'* стояло в конце морфемы, лишь в отдельных случаях оно встречается на месте сочетания звуков (*йт*), входящих в состав разных морфем (*вöйт-ны* „утопить“, ср. *вöйт-ны* „тонуть“).

Относительно некоторых из приведённых слов другие финноугорские языки указывают на то, что в них раньше стояли *-m* и *-d*, а не *-йт* и *-йд*, например:

коми *квайт*, *кват'* „шесть“, удм. *куать*, финск. *kuute*, морд. *кота*, мар. *кут*;

коми *кодь*, *койд* „подобно“, удм. *кадь*, мокша-морд. *кодма*.

Сочетания *-йт* и *-йд*, встречающиеся в северных диалектах коми языка, являются вторичными, появившимися позже на месте *-m'* и *-d'*. Однако *-йт* и *-йд* в северных диалектах коми языка появились очень рано. Раннее появление такого звукового вида слов засвидетельствовано памятниками древнепермской письменности и коми заимствованиями в обско-угорских языках. В древнепермских памятниках письменности

мы имеем два примера на *-йт* и *-йд*: *войтыр* „народ“ (ЛЕ 14 118), *койд* (Сош. б) „подобно“. Коми слова, попавшие в обско-угорские языки, указывают тоже на *-йт* и *-йд*: мансийск. *туйд* „сани“ из коми **дбйд*; хант. и мансийск. *сайт* „сознание“ из коми **сайд*; манс. *сайт*, хант. *шайэт* из коми **шайт* „прут, рубль“; хант. *майтэк*, манс. *муитэк* из коми **майтэг* „мыло“; хант. *пойтэк* из коми **байдэг* „куропатка“.

О ТРАНСКРИПЦИИ.

Слова коми-зырянского, коми-пермяцкого, удмуртского, марийского, мордовского, финского, эстонского и венгерского литературных языков передаются орфографическим письмом, принятым в этих языках (к транскрипции прибегаем лишь в необходимых случаях).

Слова других финноугорских языков (хантыйского, мансийского, карельского, вепского), а также диалектные слова всех финноугорских языков передаем фонематической транскрипцией на основе русского алфавита, при этом держим ориентацию на транскрипцию, употребляемую в „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка“ (М.-Л., 1947 г., Академия наук СССР), добавляя, однако, некоторые знаки, принятые финноугорской транскрипцией (Λ — предполагаемый гласный звук, δ — предполагаемый гласный звук заднего ряда, δ̈ — предполагаемый гласный звук переднего ряда и нек. др.).

По полиграфическим причинам транскрибированные слова не удалось выделить особым шрифтом от слов, передаваемых орфографическим письмом. По этим же причинам нижеприведенные звуки условно передаются следующими буквами:

закрытое э — полужирным курсивом (э),

закрытое ѓ — полужирным курсивом (ѓ),

аффрикату дж — буквой ж,

аффрикату д' з' — буквой з',

гласный средн. ряда средне-нижн. подъёма — перевернутым а (v),

древнерусск. ять — буквой Ъ,

среднебн. носовой согласн. марийск. литер. языка — буквой η,

венгерские долгие *ő*, *ű*, *í* остались не переданными (вм. них фигурируют краткие *ö*, *ü*, *i*).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск, 1948 г.
- В. И. Лыткин, Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах, статья в сборнике посвященном „Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию“. М. 1956, АН СССР, 180—189 стр.
- В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. М. Академия наук СССР. 1955 г.
- В. И. Лыткин, Древнепермский язык, М. 1952 г.
- В. И. Лыткин, Из истории словарного состава пермских языков, статья в журнале „Вопросы языкознания“, 1953 г., № 5.
- В. И. Лыткин, К вопросу о вокализме пермских языков, статья в „Трудах Института языкознания Академии наук СССР“, т. 1, 58—106 стр., М. 1952 г.
- В. И. Лыткин, О коми-пермяцком ударении, статья в „Трудах Института языкознания АН СССР“, т. 1, 107—119 стр., М. 1952 г.
- В. И. Лыткин, „О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках“, статья в „Известиях Академии наук СССР“ (отделение литературы и языка), т. X. № 4, 1951 г., 385—392 стр.
- В. И. Лыткин, Рецензия на работу Эрки Итконена „Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen“ в журнале „Вопросы языкознания“, 1956 г. № 3.
- В. И. Лыткин, Происхождение древнепермской азбуки, статья в „Учёных записках“ ЛГУ, 1948 г., сер. вост. наук, вып. 2, 133—139 стр.
- В. И. Лыткин, Фонетика, раздел книги „Современный коми язык“, Сыктывкар, 1955 г., 13—78 стр.
- Г. С. Лыткин, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, СПб, 1889 г.
- А. С. Сидоров, Коми письменность эпохи раннего феодализма, статья в „Учёных записках“ ЛГУ, сер. вост. наук, вып. 2, 1948.
- Петер Хайду, К этногенезу венгерского народа, статья на русском языке в журнале „Acta linguistica“, Будапешт, 1953 г., т. II, тетрадь 3—4, 247—315 стр.
- Erkki Itkonen, Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen (Acta Linguistica, том V, тетрадь 1—2, Будапешт, 1955 г. стр. 21—34).
- Erkki Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen, Helsinki, 1954 (Finnisch-ugrische Forschungen, 1954, 149—345) (К истории гласных первого слога в марийском и пермских языках).
- Fokos Dávid: A *коми* népnév etimológiájához (К этимологии названия народа коми), статья в журнале „Nyevtudományi Közlemények“, 51 т., Будапешт, 1954 г., 249—251.

Д. Р. Fokos-Fuchs, Aus dem Gebiete der Lehnbeziehungen, статья в журнале „Acta linguistica“, Будапешт, 1953, т. III, тетр. 3—4, 211—289 стр. (Из области заимствований).

Dávid Fokos-Fuchs, рецензия на книгу В. И. Лыткина „Древнепермский язык“ в журнале „Acta Linguistica“, Будапешт, 1954 г., стр. 225—252 (на немецком языке с резюме на русском языке).

Lakó György, A permii nyelvek szövégi magánhangzói, Будапешт, 1934 (Конечные гласные в пермских языках).

Irene N. Sebestyén, Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker, статья в журнале „Acta linguistica“, Будапешт, 1952, т. I, тетр. 2—4, 273—346 стр. (К вопросу о древнем месте жительства уральских народов).

Б. А. Серебрянников, Из истории образования глагольных времен в коми языке, статья в „Историко-филологическом сборнике“ Коми филиала АН СССР, вып. 3, Сыктывкар, 1956 г., стр. 57—69.

Wolfgang Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Стокгольм, 1944 г. (История финноугорских гласных).

W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus (История финноугорских согласных). Uppsala, 1952 г.

Josef Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Берлин и Лейпциг, 1922.

Szinyei József, Magyar nyelvhasonlítás, Будапешт, 1920 (Венгерское сравнительное языкознание).

Toivonen U. H. Über die syrjänischen Lehnwörtern im Ostjakischen (О коми заимствованиях в хантыйском языке), напечатана в журнале Finnisch-ugrische Forschungen, XXXII, 1—169 стр.

T. E. Uotila, Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etimologischem Wörterverzeichnis, Хельсинки, 1938 (Коми хрестоматия с грамматическим обзором и этимологическим словарём).

T. E. Uotila, Zur Geschichte des Konsonantismus in permischen Sprachen, Хельсинки, 1933 (К истории согласных в пермских языках).

Urgjō Wichmann, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Гельсингфорс, 1903 (Чувашские заимствования в пермских языках), издание серии Memoires de la Société finno-ougrienne, XXI.

Urgjō Wichmann, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, с приложением Grammatikalischer Abriss von D. R. Fuchs (Удмуртская хрестоматия с глоссариями и грамматическим обзором Д. Р. Фукса), Хельсинки, 1954 г., 2-е изд.

Zsirai Miklós, A finnugorság ismertetése, Будапешт, 1952 (Сведения о финноугорских народах).

Zsirai M., Finnugor rokonságunk (Наши финноугорские родственники), Будапешт.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТИМОЛОГИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В РАБОТЕ.

(Цифры указывают параграф.)

Коми язык.

Амысь 13.	вом 50, 77, 80.	гöп 40, 52, 66,
Бадь 88.	вомöн 79.	гужи 44, 45.
байдöг 8, 88.	вон 80.	гум 44.
бан 77.	ворсны 79.	гут 61.
бара 16.	восны. 80.	гы 56.'
бедь 53.	восьлöс 80.	гыбавны 20, 62.
берд 49, 60.	восьтыны 80.	гыж 53, 60.
бобыв 61.	вошны 80.	гыр 53.
бон 61.	вöжжи 45.	гырк 40, 49.
борд 53.	вöйны 79.	Дадь 88.
бöр 40, 46.	вöл- 7, 85.	дар 13, 44, 61.
*бöра 16.	вöнь 66.	дас 61.
бугыль 62.	вöра 8.	джадж 20, 53.
бур 39, 61.	вуг 40, 43, 55, 62, 63.	дзир 20, 60.
бурысь 61.	вудж 40.	джыдж 60.
бытьö 42.	вуджны 62.	дін 60, 77.
Ва 40, 43, 46, 56, 79.	вуж 20, 53.	додь 69, 88.
вай- 79.	Габыр 47.	Ем 82.
вески 45.	гадь 88.	ен 50, 64, 82,
ветки 45.	гашкö 42.	Ён 50.
ветымын 45.	гач 44.	Жеб 60.
вир 40, 55, 79.	геб 61.	жодза 60.
виски 45.	гид 62.	Зарни 41, 43.
вит 7, 46, 79.	гижны 21.	зіб 62.
вичко 42.	гижта 21.	зон 50, 55.
во 40, 56, 79.	гоб 20, 44, 63.	зыр 53.
водз 62, 80.	гоз 53, 61.	зэр 61.
вож 79.	гор 53.	Ид 82.
войт 88.	горда 41.	изки 45.
войтыр 80, 88.	гöгöр 47.	Йи 7, 82.
воль 40, 79.	гöн 40, 61, 66.	йигöдчыны 82.

йики 8, 45, 82.
йир 48.
йёрт- 67.
Кабала 22.
кабравны 47.
кабыр 47.
кан др. п. 13.
кар 61.
карандыс уд. 63.
кас' л. 44.
кач 55.
квайт 7, 78, 88.
кень 50.
ки 7, 55, 56.
клещи 45.
кодзувкот 51.
кодъ 88.
коз 7, 46, 60.
коймод 47, 64.
кола 41.
коль 62.
кольта 13, 41.
коск- 51.
кбвдум 85.
кбвтны 85.
кбв 66.
кбдж 62.
кбкъямыс 55.
кбр 7.
кбрт 55, 61.
кбти 44, 45.
кбч 41.
куд 7, 20, 44, 63.
куим 7, 47.
куль 55.
кунва 50.
курбг 61.
кутш 51.
кушман 13.
кы 8.
кыз 7.
кык 7, 40, 52, 55.
кыв 43.
кын 50.
кырым 47.
лов 85.
локны 52.
лоп 7, 52.

лбм 66.
лы 56.
лыа 41.
лыддыны 22.
лызь 44.
лым 7, 44.
лбм 7.
лясни 45.
Ма 8, 43.
мази 45.
майтбг 88.
мойдны 88.
моль 53.
морт 14.
моски 45.
му 56.
мус 7, 51, 55, 65.
муш кп. 8.
н'эббг др. п. 23.
нелямын 55.
нбль 7, 39.
нбнь 53.
низь 7.
ном 53.
носки 45.
нбш 51.
н'чмол кя. 7.
нббв 40, 85.
нбыв пу 7.
няйт 88.
нянь 13.
овны 80.
октыны 80.
он 50.
ордлы 80.
бдзбс 7, 51.
бксы 13.
бтик 7.
бчки 45.
бш 51.
Падвеж 62, 63.
паныд 77.
пань 53.
пас 21.
пасйыны 21.
пач 44.
пев 53.
пбж иж. 7.

пелысь 7.
пель 7.
пельк 49.
перб 42.
пи 56.
пив уд. 7.
пинь 77.
платбб 42.
пода кп. 13, 43.
подбн 61.
поз 39.
пом 77.
пон 20, 44, 54.
порсь 61. -
потш 51.
пбим 47, 64,
пбрт 49.
пу 7.
пур 48.
пызь 48.
пыридз 13.
пурт 55.
пыш 51.
Радз 55.
ру 56.
руч 7, 53.
роч 13.
садь 88.
сер 21.
сб 7, 55, 56.
сбн 50.
сбртны 22.
сбрни 41.
сизь 39, 48.
син 7, 40, 43, 50, 60,
61, 64.
сись 54.
собавны 62.
сос 7, 51, 65.
сбн 7, 40.
сбп 7, 40, 43, 52.
сбс нв. 7.
сунис 77.
сыв 7.
сын 7.
сббла 41.
с'ыл др. п. 17.
сую 56.

сюр 8, 40, 43, 55.
сюри 13, 44.
сыв 40.
Тас 7.
тасьті 13, 43,
тош 40, 43, 51.
төв 7, 40, 60, 85.
төдны 7, 20.
төжды- 66.
төлысь 66.
төщө 43.
тулыс 7.
тури 45.
турун 47, 61.
тшөкыд 60.
тшөтки 45.
тьöс 51.
ты 56.
тык 52.
тыр 61.

тырп кл. 49.
Ув 55, 85.
удны 7, 55.
ут'нв кя. 79.
Чабыр 47.
чаль 44.
чань 53, 60.
чап 44.
чарла 13, 41.
часі 44, 45.
чери 45.
чир 44.
чишкавны 83.
чөж 83.
чөжйөв 83.
чөжны 83.
чувки 45.
чуж 83.
чужйны 83.
чужмөр 83.

чужом 83.
чукчи 41.
чунь 53, 77.
чышкыны 83.
Шабала 41.
шайт 88.
шөрт 66.
шуд 39.
шыр 40, 60, 61.
шыш 51.
Ыж 40.
Эновтны 82.
этша 82.
эштыны 82.
Ю 56, 82.
юкны 82.
юны 82.
юсь 51, 65.
Яла 41.

Удмуртский язык.

Азь 62, 80.
амесь 13.
аналтыны 82.
Бер 40.
бече 42.
боды 53.
борд 49, 60.
бур 39.
бурд 53.
Вайыж 79.
вайыны 79.
вал 85.
валес 79.
вапум 79.
ватыны 79.
вир 40, 55, 79.
вить 77.
вöй 79.
ву 40, 56, 79.
вугы 40, 43, 55, 62.
вуж 40.
выжы 20, 53.
выжыны 62.
выйыны 79.

Гид 62.
гигы 60, 53.
гож 20.
гожъяны 20.
гон 40, 66.
гоп 40, 52, 66.
губи 20, 44.
гумы 44.
гур 53.
гурдо 41.
гыр 53.
гырк 40.
Дöнь 60, 77.
дуры 13, 44.
Жажы 20, 53.
Зарни 41, 43.
зыр 53.
зыры 20, 53, 60.
зöч 13.
ин 50, 64, 82.
йö 82.
йыганы 82.
Кадь 85.

кал 66.
калтыны 85.
кандэлэм 63.
кеч 41.
ки 55, 56.
кож 62.
колды 85.
корт 55.
ку 56.
куала 41.
куать 85.
куды 20, 44.
куз 53.
куинь 64.
культо 13, 41.
кум 14.
кун 13.
кус 51.
кушман 13.
кыз 60.
кык 22, 40, 55.
кыль 55.
кырым 47.
Лул 85.

луо 41.
луп 52.
лыдзыны 22.
лыктыны 52.
лымы 44.
Ма 43.
мулы 53.
мус 51, 55, 65.
мурт 43.
Ньыль 39.
ноны 53.
нушы 51.
ньёл 40, 85.
ньыл 55.
нымы 53.
нянь 13.
Октыны 80.
от'ыр (Вид.) 80.
ош 51.
ос 51.
оск- 80.
Пинь 77.
пёлы 53.
пу 60.
пудо 13, 43.
пужей 7.
пуз 39.
пуны 20, 44.
пуньы 53.
пур 48.
пурт 55.
пус 21.

пусйыны 21.
пуч 51.
пызь 48.
пырич 13.
пыш 51.
Саракум (Вид.) 14.
серы 13, 41, 44.
сизь 39, 48.
син 40, 50, 60, 64.
сон 40.
сул 40.
сэп 40, 60.
сю 55, 56.
сюр 40, 43, 55.
сюрло 13, 41.
сюсьто 54.
сяла 41.
Тунгили 63.
тол 40, 60, 85.
турын 47.
тусьты 13, 43.
туш 40, 51.
ты 56.
Удмурт 14.
удыны 55.
ул 55, 85.
ум 50.
урдлы 80.
усьтыны 80.
уч'кыл (Вид.) 80.
Чёлы 44.
чорыг 45.

чиньы 53, 77.
чуньы 53, 60.
чыры 44.
чожд 83.
чожас'кыны (*Вид.*) 83.
чожы 83.
чож 83.
чуж 83.
чужмер 83.
чужьем 83.
чушканы 83.
чушыны 83.
чушгьял 83.
чыжы-выжы 83.
чыжыны 83.
Шабала 41.
шорт 39.
шуд 39.
шыр 40, 60.
Ым 40, 77, 80.
ын 80.
ышыны 80.
Эксей 13.
Ю 8, 82.
юкыны 82.
юн 50.
юскыны 65.
юсь 51, 65.
юшур 82.
юыны 82.

Марийский язык.

Ангал 62.
ванжем 62.
вит, вич 7.
вудэм 56.
вулё 7.
Ий 7.
илэм 80.
икты 7.
име 82.
Йога 82.
йу- 82.
йукшө 51, 65.
Кид 7,

кивэм 56.
кож 7, 60.
кок 7.
коктыт 52.
комдыш 7.
кормыж 47.
көргө 40, 49.
куд 7.
кудо 41.
кум 7.
куп 52.
кут 88.
кутко 51.

куч 60.
кылмэ 50.
Лактам 52.
лэп 7, 52.
ломбо 7.
лу- 22.
луш 7.
лүмө 66.
Мокш 7, 65.
Ныл 7.
Одо марий 14.
октыш 80.
оҥго 40, 62.

ёрдыж 80.
Пачаш 51.
пице 51.
полго 7.
поро 39.
пу 7, 60.
пыл 7.
пылыш 7.
пырыж 60.
Тэкте 52.
тэл 60, 85.

тэлэ 7, 40.
түүг 77.
тушкă 51.
Уча 40.
үүл 85.
укуж 51.
цăц 60.
чога 60.
чома 60.
шач 60.
шекш 65.

шинча 7.
шиштэ 39.
шокш 7, 51.
шбн 7.
шбртньö 41.
шул- 7.
шудö 7.
шүлб 7.
шүртö 39.
ыжга 40.
ыштэм 82.

Мордовский язык.

Ажия 79.
ал 55, 85.
андо 7, 55.
Вай 79.
вайсемс 79.
ведь 56, 79.
верь 55, 79.
вете 7, 55, 79.
вие- 79.
Йавомс 82.
Кавто 40.
кан'гамо 62.
кафта 55.
кедь 7, 55.
кельме 50.
кенже 60.
кирьяга 40.
кодяма 88.
колма 7.
колме 47, 64.
комбăлдă 62.
кома 88.

коткодав 51.
кото 7.
куво 56.
куз 60.
кундо 7.
курмозь 47.
лапужа 52.
ловомс 22.
Макса 7, 51.
максо 55, 65.
мирде 42.
Нал 85.
ниле 7, 39.
нумоло 7.
Онксть 80.
Паро 39.
пел- 7.
печ 77.
пизёл 7.
пизэ 39.
пиле 7.
пою 56.

Ривезь 7.
сан 7.
сельме 7, 40, 49, 60, 64.
сёрма 21.
сёрмав 21.
сёрмадомс 21.
сола 7.
сырне 41.
сэкс 7.
сэль 7.
сэней 7.
сэпе 7, 40, 52, 60.
сюва 56.
сюро 40.
сядо 7, 55.
тевелявт 56.
теле 7, 40.
тяла 60.
Укс- 80.
ундо 7.
Чандо 39.

Финский язык.

Ahtaa 80
ala 55
ahta- 7, 55
askel 80.
ehtiä 82.
elää 80.
ente- 62.
Hüire- 40.
hintä 39.
hui 56.
hursti 39.

hähnä 39, 48.
Ilma 50, 64, 82.
Jakaa 82.
joke- 56, 82.
julma 50.
juo- 82.
juotsen 65.
jäkälä 41.
järvi 48.
jää 7, 82, 56.
Kahte- 7, 40, 52, 55.

kaltea 85.
kahte- 7.
kaski 7.
kaskü 55.
katra 47.
kelme 50.
kenta 62.
keski 51.
kiele- 43.
Кобэ венск. 56.
Кобра кар. 47.

koljo 55.
kolme 7, 47, 64.
kopra 47.
kota 41.
kotka 51.
kõva *эст.* 56.
kulmu 50.
kultee- 85.
kumpua 62.
kuoppa 40, 52, 66.
kurkku 40.
kuuse- 7, 60.
kuute- 7, 78, 88.
kylmä 50.
kynä 40, 66.
kynte- 60.
käte- 7, 55, 56.
käämi 44.
köyry 47.
köyte- 66.
Lape 52.
liiva 41.
lukea 22.
lumi 7, 44.
luu 56.
lähteä 52.
löyly 85.
Maa 56.
maksa 7, 51, 55, 65.
mete- 42, 56.
Nahja 51.
neljä 7, 39, 55.

Ad- 7, 55.
aj 7.
al 55, 85.
Epe 7, 52.
Fa 7.
faja 8.
fül 7.
Hagyamaz 55.
háncs 55.
három 7.
hat 7.
here 7.
In 7.
Jég 82.

nugis *эст.* 7.
nuole- 40, 85.
Oksenta- 80.
onke- 40, 42, 55, 62.
onte- 7.
otsa 80.
ove- 40.
Para- 39.
parte- 49, 60.
parvi 48.
pelkkä 49.
pelme 47, 64.
peni 44.
perä 40.
pesä 39.
piha 51.
pilve- 7.
pung *эст.* 62.
purtilo 49.
puu 7, 60.
Raasku 55.
Чоброттоа кар. 47.
roots *эст.* 13.
Saarna 41.
salti 50.
sappa- 7.
sappe- 7, 40, 60.
sarve- 40, 43, 55,
sata 7, 18, 55, 56.
silmä 7, 40, 43, 50 60, 64.
siru 44.
somp *эст.* 62.

Венгерский язык.

Két 7.
kettö 55.
kéz 7, 15.
kopal 56.
lép 7.
Máj 7, 55.
Negy 7.
Nyil 85.
nyil 7.
nyuszt 7.
Odu 7.
olvad- 7.
olvas- 52.
öl 7.

sompa 62.
sonni 60.
sula- 7.
suone- 7, 40.
syle- 7, 40.
säynää- 7.
Talve- 7, 40, 85.
tarna 47.
tiiti 60.
tsil'li *эст.* 44.
tunte- 7, 20.
tuoko 7.
turpa 49.
tähkä 40, 51.
tävy 56.
tympeä 60.
tyve- 60.
Uksi 7, 51.
uudin 80.
Vojota 79.
vante- 40.
vete- 40, 43, 56, 79.
vere- 40, 55, 79.
vie- 79.
viite- 7, 79.
voi 79.
vuode- 40, 79.
vuote- 40, 56.
vyö 66.
yksi 7.
äimä 82.

ön 7.
öt 7, 55.
öv- 66.
Rács 55.
ravasz 7.
Sebes 60.
Száz 7, 15.
szarv 55.
szem 7, 60.
Taj 7.
tél 60, 85.
tö 60.
ijj 7.
vér 55.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. Предмет и задачи исторической грамматики коми языка

§ 1. Язык — историческая категория	3
§ 2. Основа развития языка	5
§ 3. Предмет исторической грамматики	6
§ 4. Смежные дисциплины	7
§ 5. Разделы науки истории языка	8

Глава 2. Отношение коми языка к другим родственным языкам

§ 6. Финноугорские языки	9
§ 7. Родство финноугорских языков	11
§ 8. Происхождение финноугорских языков	13
§ 9. Пермские языки	15
§ 10. Общность в лексике пермских языков	17
§ 11. Общность в грамматике	18
§ 12. Звуковые соответствия	19
§ 13. Родство пермских языков	21
§ 14. Общепермская эпоха	24
§ 15. Общекоми период	25

Глава 3. Источники исторической грамматики коми языка

§ 16. Современные коми литературные языки	26
§ 17. Диалекты	28
§ 18. Родственные языки	29
§ 19. Памятники письменности	30
§ 20. Заимствованные слова и топонимика	31

Глава 4. Происхождение письменности у коми

§ 21. Первобытное письмо	34
§ 22. Способы первобытного письма	36
§ 23. Слово небог «книга»	37
§ 24. Возникновение буквенного письма. Стефан Пермский	38
§ 25. Преемники Стефана	40
§ 26. Памятники письменности, написанные стефановской азбукой	41
§ 27. Надписи в Номоканоне и на иконах	43

§ 28. Записи в книге Синаита и др.	44
§ 29. Памятники древнепермского языка, написанные русскими буквами	47
§ 30. Памятники письменности XVIII в.	51

Глава 5. Обзор диалектов коми языка

§ 31. Наречия коми языка. Фонетика	52
§ 32. Морфология и лексика	55
§ 33. Коми-пермяцкие говоры. Северная диалектная группа	57
§ 34. Южная диалектная группа	58
§ 35. Зюдинский говор	60
§ 36. Коми-зырянские говоры. Говоры, смежные с литературным говором	61
§ 37. Прочие коми-зырянские говоры	62
§ 38. Присыктывкарский говор	63

II. ФОНЕТИКА

I. ДРЕВНЕЙШИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Глава 6. А. Гласные звуки

§ 39. Отпадение конечных гласных в пермских языках	66
§ 40. Примеры на отпадение гласных	67
§ 41. Качество отпавших гласных	68
§ 42. Категории слов, в которых конечный гласный сохранился	70
§ 43. Время отпадения конечных гласных	70
§ 44. Отпадение конечного <i>-и</i> в коми языке	71
§ 45. Категории слов, в которых конечное <i>-и</i> сохранилось	73
§ 46. Последствия отпадения конечных гласных	74
§ 47. Вставка гласного звука между согласными	75
§ 48. Отпадение конечного <i>-в, -н</i>	75
§ 49. Образование вставочных звуков <i>-м, -к, -т, -й</i>	76
§ 50. Образование вставочного звука <i>-м-</i>	77
§ 51. Образование вставочного звука <i>-к-</i>	77
§ 52. Образование вставочного звука <i>-т-</i>	78
§ 53. Образование вставочного звука <i>-й-</i>	79
§ 54. Образование слов с двумя основами	80
§ 55. Сужение гласных в корне слова	81

Глава 7. Б. Согласные звуки

§ 56. Отпадение одиночных конечных согласных в конце одно- сложной основы	83
§ 57. Отпадение <i>-м</i> и <i>-к</i> в абсолютном конце слова	83
§ 58. Слова с конечным <i>-м</i> в современном языке	86
§ 59. Отпадение конечного <i>к</i>	86
§ 60. Озвончение глухих согласных в начале слова	87
§ 61. Время озвончения	89
§ 62. Деназализация сочетаний <i>-мп, -нт, -нч, -н'ч, -тк-</i>	90
§ 63. Время деназализации	91
§ 64. Изменение сочетания <i>-нм-</i> в <i>-лм</i> и <i>-йм-</i>	92
§ 65. Перестановка согласных в сочетании <i>-кс-</i>	93

II. ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

Глава 8. А. Гласные звуки

§ 66. Делабиализация звука <i>ö</i>	94
§ 67. Время делабиализации	96
§ 68. Исчезновение закрытой гласной фонемы <i>ö</i>	96

§ 69. Время исчезновения δ	97
§ 70. Закрытая гласная фонема ε	99
§ 71. Время исчезновения ε	100
§ 72. О закрытом гласном $\delta(\ddot{y})$	101
§ 73. Гласные фонемы общекоми языка	102
§ 74. Влияние мягких согласных на соседние гласные ($\varepsilon, \delta, a, y$) в некоторых диалектах	104
§§ 75, 76. История ударения	105

Глава 9.Б. Согласные звуки

§ 77. Исчезновение звука η	109
§ 78. Образование сочетаний согласных в начале слова	110
§ 79. История начального v -	111
§ 80. Появление v - в коми-зырянских диалектах	113
§ 81. Неслоговое y - в начале слова	115
§ 82. История начального \ddot{y}	116
§ 83. Смягчение начального $ч$	116
§ 84. Причины смягчения	118
§ 85. История звука $л$	119
§ 86. Время изменения первичного $л$	120
§ 87. Переход начального $г$ - и $к$ - в δ' - и $т'$ -	121
§ 88. Образование сочетаний $-й\delta$, $-йт$ в конце морфемы	122
Список использованной литературы	125
Указатель этимологии	127
Оглавление	133

Редактор *И. И. Тарабукин*

Техн. редактор *И. И. Оплеснин*

Сдано в набор 25/IV-1957 г. Подписано к печати 20/VI-1957 г. Формат $60 \times 92^{1/16} = 4,25$ бум. лист.
8,5 печ. лист. Уч.-изд. лист. 8,53. Тираж 1000. Ц00705. Заказ № 271.
Коми книжное издательство. Дом печати. Цена 6 руб. 90 коп.

г. Сыктывкар, Республиканская типография Полиграфиздата
Министерства культуры Коми АССР

Поляковский снимок древнепермской надписи на иконе „Сошествия св. духа“

Перевод древнепермского текста на русский язык:

Были (пребывали) все апостолы единодушно вместе. И внезапно с неба шум слышался, как носимое бурное дыхание, и наполнил весь дом, где (они) пребывали сидя. И явился им (дух), разделяя языки, на огонь походящие (огненные), сел на каждого в отдельности на них. И наполнились все святым духом и стали говорить разными языками (так), как дух дал им (способность) разговаривать.

а о и н е | б в г о (н) у г (о) з | о т | и' о + о м о (н)

Ц А Т V Z I Ф Z Л Л I А Т Л I Р Л I О Л I А

м и к е к | с э | к р о ж т о м | и а | и | в рь (м) о а д н и | в рь и и | б у

З Д Z V B A H Э Л V A A Л V O K I I B P Z V Ц T V I A T I I T

Ф Л Л V I T C A Z D I Z A C A Z I A V V A I V Z B I A Z I P A V I K P A

В P M A C P T C V Z I H T X A I I P A V A Z V T I A A Ф T

К O . и г н у к и и с | о т и | о т и . в б | л б | н . к о г

Л I T A H A P T I A I T A I T H Z V Z V A H A

К O . в б | л б | н . к о г | к о в б | л б | н . с з | и | т б | р | и | с

V Z I A H A T C V Z C T A A A Z V T Z C A V A H T P C Z H

и б | с | в | о | н | п | к | б | с | и | о | г | к | б | л | з | а | e | o | н | к | y | (з | и) | н | + | +

I A A V I T C V Z V A H A V V A O A T Z C .